

84(3)

Н 63

**НИКОГДА
НЕ ЗАБУДЕМ**

84(3)

Н63

373675

Никогда

не забудем

-75

Миллер 25.4.86
Соболева 15.7.86

373675

20.7.86

Ч.О.Ч.В.2

документ

8 сельскохозяйствен- ных 63	7 технических	6 естественных научных 5, 5А, 6, 91	4 общественно- политиче- ских 1, 2, 3К	3 новейшие терминалы	2 журналов, видов про- ектов печати	1 по виду: в том числе ГОДОВЫЕ ИТОГ филла
-----------------------------------	------------------	--	--	----------------------------	--	---

СОБД И Ю
Отдел хранения

84(3)
H63

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ

Рассказы
белорусских детей о днях
Великой Отечественной войны

373675

МИНСК
«ЮНАЦТВА»
1985

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

84Бел

Бел 2
Н 63

Перевод с белорусского
Б. И. Бурьяна и В. А. Жиженко

Художник И. А. Давидович

Для младшего школьного возраста

4803010200—022
Н ————— 13—85
М 307(05)—85

© Оформление.
Издательство «Юнацтва»
1985.

Работа по созданию этой книги началась вскоре после войны.

3 апреля 1946 года в газете «Піянер Беларусі» было напечатано письмо пионеров 37-й минской школы, в котором они обратились ко всем школьникам республики с предложением написать коллективную книгу об участии белорусских детей в Великой Отечественной войне.

Редакция «Піянера Беларусі» разослала в пионерские дружины тысячи писем-листовок, в которых подробно рассказывалось, как приступить к сбору материала, что и как писать. Работники редакции, студенты отделения журналистики Белорусского государственного университета выезжали в командировки, чтобы на месте познакомиться с юными авторами, помочь им написать воспоминания.

За два года было собрано около 400 рассказов. Часть из них и вошла в книгу, которая впервые увидела свет на белорусском языке в 1948 году.

Практическую работу по составлению книги провел П. Рунец. Большую помощь редакции и юным авторам оказал Янка Мавр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читая книгу «Никогда не забудем», я невольно припоминаю один из последних дней июня 1941 года. Мы ехали на грузовой машине из местечка Горы на Мстиславль. Едва-едва начинало светать. Подъезжая к одной деревеньке, мы заметили в утренних сумерках стайку детей — девочек и мальчишек — от десяти до двенадцати лет. Разделившись на две группы, они стояли по обе стороны дороги, поднимали руки, кричали. Шофер остановил машину. Дети окружили нас. Они были возбуждены и возволнованы. Они уже чувствовали дыхание войны. Старший из них сказал шоферу:

— Дядя, дальше ехать нельзя: мостик поломан.

Двое мальчишек встали на подножку грузовика и показали, как объехать разрушенный мостик. А возле мостика уже сновали мужчины и женщины. Они спешно строили новый мост.

Этот дорожный случай в опасное время войны глубоко запал мне в память. До глубины души взволновало меня простое детское стремление помочь своим людям в дни грозных событий. И сегодня, читая книгу, написанную самими детьми, пережившими все ужасы небывалой по своему размаху и жестокости войны и принимавшими в ней самое активное участие, я вспоминаю ту свою встречу с нашими славными детьми. Это дети нового советского поколения, воспитанные нашей родной Коммунистической партией. Это горячие патриоты своей Родины, скромные герои, готовые отдать жизнь за свой народ, за свою Родину, за свое светлое и радостное детство, которое возможно только в Советской стране. Быть может, кто-нибудь из тех ребятишек, которые предупредили нас о неисправности моста, является автором одного из волнующих рассказов, помещенных в книге «Никогда не забудем». Пользуюсь случаем, чтобы от души сказать: спасибо вам, ребята!

Я горячо приветствую появление этой книги, достойной большого внимания.

В чем ее ценность?

Во-первых, книга в значительной мере заполняет досадный пробел в нашей белорусской художественной литературе, в которой пока еще нет сколько-нибудь выдающегося произведения о героической борьбе нашего народа с немецкими захватчиками, о его стойкости, преданности своей родине, его верности дружбе народов, советской власти и партии большевиков.

Во-вторых, книга показывает величие души и патриотизм всего народа в целом и в частности — его героических детей, смелых, находчивых, бесстрашных, твердых волей, мужественно переносящих неслыханные мучения, сильных своею верой в победу над врагом.

В-третьих, книга «Никогда не забудем» представляет собою грозный обвинительный акт против тех международных разбойников, которые мечтают о своем господстве над народами, об установлении своей власти над миром, и в то же время она красноречиво предсказывает судьбу этих бандитов всемирного масштаба.

Написанная нашими детьми книга о войне должна стать достоянием не только читателей Советской Белоруссии, — она стоит того, чтобы ее перевести на языки других народов Советского Союза.

ЯКУБ КОЛАС 1948 г.

ПОД СМЕРТЬЮ

Мы жили в деревне Усохи Бегомльского района. Семья у нас была небольшая — шесть душ: отец, мать, сестры Женя и Лида, брат Витя и я. Жили мы тихо и спокойно, но немцы все нарушили. Было это так.

В 1943 году немцы блокировали наш район. Все жители спрятались на болоте. Немцы на автомашине приехали в Усохи, но там никого не было. Они поймали одну женщину из другой деревни — Руни — и послали ее сказать, чтобы люди вернулись домой к 9 часам вечера, а не то их всех перебьют. Но люди не послушались немцев и не пошли домой. Они говорили:

— Если пойдем, то смерти не миновать.

А на завтра люди из деревни Ганцевичи испугались и покинули болото. Как только они пришли домой, немцы загнали их в коровник и подожгли его. Кто пробовал убежать, тех убивали. Тогда сгорело очень много людей. Мы остались на болоте.

Немцы, как только сожгли людей, пошли на болото искать остальных. Вот они тихо подошли к первым шалашам и стали стрелять. Тут они убили Полюту Чеботарь и ее четверых детей. Все остальные бросились бежать кто куда. И мы побежали. Немцы стреляли по нас, но не попали. Так мы добежали до речки. Но речка в том месте была широкая и глубокая, и переправиться через нее было нельзя. Тогда

мы побежали вдоль берега, и тут немцы нас догнали и начали стрелять из автоматов. Мать и отца убили, и обеих сестер убили, а брата ранили в правый глаз. Он закричал и схватился за глаз рукой. Сквозь пальцы текла кровь. Я подбежала к нему и стала вытирать ему кровь платком. В это время подскочил немец и выстрелил: брат упал — он был убит. А немец все стрелял и ранил меня в левое плечо, а вторая пуля попала в правую руку, но кости не затронула. Третья пуля задела спину. Мне стало горячо, и я упала, а немец ушел — он думал, что я мертвая. Было это рано, часов в десять.

Весь день я пролежала вместе со своими родными, а под вечер одна женщина, Ольга, из деревни Смолярово, легко раненая, встала и увидела меня. Она помогла мне подняться, и мы пошли. В одном месте мы перебрались через реку вброд. На том берегу встретили деда Янулю, и он отвел нас к себе домой. Там мне давали есть, но я ничего не ела четыре дня — только воду пила. Потом яйцо съела. Тут меня нашла дочь моего дяди Елисея Алай — Маруся.

Однако долго лежать не пришлось. Немцы бомбили, стреляли, и нам снова пришлось убежать на болото. Я совсем ослабла, и меня несли на носилках. Сделали носилки на палках, разостлали постилку и так несли. Меня несли двое мужчин — дядя и Иван Герасимович, а две дядины дочери, Маруся и Нина, несли сына учителя — Гену. У меня целый день шла кровь. Потом Маруся перевязала мне раны.

Когда немцы уехали из деревни, люди стали выходить из болота. Дядя попросил людей, они вырыли яму на острове и похоронили моих родных. Я не могла ходить и не видела, как их хоронили.

У моей мамы было две сестры, которые жили от нас в десяти километрах. Они прослышали, что наших родных убили немцы, что я осталась одна, и приехали ко мне. Одна из них, тетя Фруза, взяла меня к себе.

Доктора нигде не было, и тетя лечила меня своими лекарствами. Я болела долго, но тетя меня вылечила.

ТАНЯ АЛАЙ (1933 г.)

Бегомльский район,
Мстижский сельсовет, д. Рем¹.

¹ Местожителство каждого автора приводится по времени создания этой книги. В скобках указан год рождения автора. (Замечание редакции.)

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Был февраль 1943 года. Стояла тихая и ясная ночь. С вечера слышались далекие выстрелы пушек и разрывы снарядов. Это стреляла наша артиллерия.

Ночью я проснулся от какого-то шума. В доме все были встревожены. Я выскочил во двор, но немец вернул меня назад. Я догадался, что творится что-то недоброе. Возле каждой хаты стоял немецкий патруль и никого не выпускал.

Когда совсем рассвело, немцы подогнали машины и стали грузить на них людей. Брат с собой ничего не разрешали. На одну из машин загнали и нашу семью. С нами было двое маленьких детей моей старшей сестры Кати. Она болела тифом и находилась в отдельной хате, куда немцы собрали всех тифозных. Узнав, что всех вывозят, она бросилась искать нас. Сбегала домой, но там никого не нашла. Мы были уже за деревней. Как раз машины почему-то остановились. Сестра заметила и побежала к нам. Загудел мотор. Грузовик вот-вот готов был тронуться. Но она все-таки успела добежать. Мы помогли ей взобраться на машину. Сестра вдруг побледнела и потеряла сознание.

— Катя! — крикнул я, но она не отвечала. Опустив головы, мы молча стояли над нею. «Как спасти сестру?» — думал я. Но ничем нельзя было помочь.

Воды ни у кого не было, а набрать на ходу снегу невозможно.

На соседней железнодорожной станции грузовики остановились. Я спрыгнул с машины, набрал в банку снегу, растопил его и дал сестре воды. Она пришла в себя.

Нас сгрузили в какой-то хлев. Там мы просидели два дня. На третий день ночью подошел эшелон, и нам велели садиться в вагоны.

Двор, где мы находились, был огорожен колючей проволокой. По обе стороны узких ворот стояли немецкие жандармы с бляхами на груди. Они пропускали людей по одному. Выносить ничего не позволяли. Если у кого-нибудь был за плечами узелок — его срывали. У матерей отбирали грудных детей и бросали прямо на снег.

Наконец мы кое-как погрузились. В вагон загнали столько людей, что стать было негде. Двери наглухо забили и ночью повезли нас неизвестно куда. Все говорили, что мы едем на верную смерть.

В вагоне стояла невыносимая духота. Людей мучила жажда, а воды не было. Особенно тяжело приходилось детям. В нашем вагоне несколько малышей не выдержали и умерли — наверно, задохнулись от сперттого воздуха. Когда терпеть стало невозможно, мужчины проломали в стене небольшое отверстие. Все были рады: теперь можно подышать свежим воздухом.

И вот эшелон остановился. Люди хотели выскочить из вагона, чтобы набрать воды или снегу, но немецкий конвоир так грозно прикрикнул на них, что никто не отважился этого сделать. Потом нас снова повезли. Поезд шел очень медленно, дергался взад-вперед, часто останавливался. На одной станции немцы разрешили набрать воды. Кончался февраль, снег таял, и вдоль путей стояли лужи. Вода в них была мутная и невкусная. Но люди были рады и такой.

— Хоть горло промочим, — говорили они.

Через несколько минут раздался свисток и нас загнали в вагоны. Снова забили двери и повезли дальше.

Поезд остановился около какого-то болота. Людей выгрузили из вагонов и погнали гуртом, как скотину.

По всему было видно, что тут и раньше проходили такие же несчастные, как мы. Вдоль дороги валялись разные вещи. Иной раз приходилось перешагивать через трупы.

От голода и жажды люди так ослабели, что еле двигались. Если кто-нибудь выбивался из сил и не мог идти, немецкие конвоиры натравливали на него собак.

Пригнали нас в сожженную деревню. Она кругом была обнесена колючей проволокой. По углам стояли вышки. На них находились немецкие часовые, которые строго следили, чтобы никто не убежал.

Измученные люди валились прямо на снег — строений никаких не было. Сварить пищу тоже было негде. Люди корчились от холода, охали и плакали.

Сестру Катю мучил тиф. Она металась, стонала. Мама пошла искать место позатишнее. Возле сгоревшего хлева она нашла кучу навоза. Мы быстрее принялись разгребать его. На дне он был теплый, от него шел пар. Разостлали одеяло, положили сестру и ее маленьких детишек, а сверху прикрыли дерюгой.

Три дня продержали нас под открытым небом. На четвертый день снова приказали собираться. Пешком нас погнали дальше. По дороге пришлось наблюдать много ужасных картин. Вот идет молодая женщина с ребенком, а рядом с нею — старушка. Немцы передали ребенка старушке, а мать забрали. Другая мать не хотела отдавать ребенка — его тут же убили. Было и такое: когда женщина обессилела и садилась отдохнуть, проклятый фриц убивал ее, а ребенка

бросал на обочину дороги в снег. Мы один раз видели, как вороны выклевывали глаза у такого, еще живого ребенка.

Я уморился и едва шел. Достаточно было немного отстать, как конвоир натравливал собаку. Собака рвала на мне одежду и кусала за ноги. Кроме того, меня несколько раз били палками. Я думал, что выбьюсь из сил, упаду, и тогда меня столкнут прочь с дороги на страшную смерть. Однако кое-как доплелся.

Нас загнали в болото, за колючую проволоку. Тут тоже валялись разные вещи и трупы замученных. Пробыли мы тут недолго. Дальше повезли нас на машинах. Нигде не видно было ни людей, ни деревень.

Нам приказали слезать. Катя уже совсем не могла идти, она была в жару, говорила что-то непонятное. Вместе с другими больными немцы оставили ее и обоих малышей, а нас погнали дальше пешком.

Двадцать пять километров брели мы голодные и холодные. Многие падали и уже не вставали. Ночью пригнали в лес. Пустое место — садились прямо на землю.

— Мы-то пришли, а что с Катей? — говорила мама сквозь слезы. Мы молчали — всем было жаль сестру.

Ночью кто-то подобрал Катю с детьми и привез в лагерь. Мы очень обрадовались, когда увидели ее. Она едва держалась на ногах — болезнь была в разгаре. Построили маленький шалашик и положили в нем сестру с малышами. Сами легли возле шалаша. Мы так устали, что, несмотря на холод, сразу уснули.

Утром я проснулся и не мог подняться: нас засыпало снегом. Кое-как выбрался. Вылезли и остальные.

— Сбегай, сынок, поищи сухого хворосту. Разложим костер и погреемся, — сказала мама.

Я отправился на поиски. Иду и вижу — там лежат двое одубевших людей, там четверо. Как

легли отдохнуть, так и не встали. Много людей замерзло в ту холодную ночь.

Погреться нам не довелось. Немцы не разрешили раскладывать костры. Одну женщину, которая развела огонек, немец заколол штыком. По другим «самовольщикам» стреляли из автоматов. У многих не было теплой одежды, стопталась обувь. Они отмораживали руки, ноги, уши.

Потянулись дни тяжелой неволи. Неслыханные мучения и издевательства пришлось пережить нам. Бывало, немцы строили нас в шеренгу и через колючую проволоку швыряли нам хлеб. Люди набрасывались на него. Кому удавалось схватить хлеб, в того стреляли. А то еще делали так: ночью, когда люди спят, понаставят мин, а сверху на них кладут хлеб. Стоило кому-нибудь притронуться к хлебу, как мина взрывалась и человек взлетал в воздух.

Люди мерли, как мухи. Их не хоронили — просто сваливали в канавы или ямы.

Однажды под вечер немцы забегали перед колючей проволокой. Они были чем-то напуганы. Потом по лагерю прошли немецкие связисты — сматывали кабель. По всему было видно, что они собираются отступить.

Ночью мы заснули, а утром глядим — нигде ни единого немца. Все бросились в лес — за дровами. Но дорога была заминирована: несколько человек взорвалось на минах.

К полудню в лагерь пришли пятеро наших разведчиков. Сколько было радости, когда мы увидели своих. Люди обнимали их, целовали.

Разведчики осмотрели ограду и велели никому не выходить: все вокруг было заминировано.

Спустя немного времени пришел взвод минеров. Они разминировали дорогу, ограду и сказали, что скоро должны прийти машины. Но люди не стали дожидаться машин, расходились кто куда. Каждому

хотелось скорей увидеть родных. Те, кто не мог идти, оставались. Таких набралось очень много: в этом, озаричском, лагере смерти было несколько десятков тысяч человек.

Оставшихся разместили по окрестным деревням, выдали военный паек: сухари, консервы, сахар, жиры. Спустя несколько дней стали развозить по районам — кому куда нужно, — и мы вернулись домой — только не все.

МИША ДЯТЛОВ (1930 г.)

д. Змеевка,
Гомельская область.

ДОРОГА В ОТРЯД

Наша деревня Ягодка стояла у самого леса. При наступлении немцев, после боев, в лесу осталось много оружия. Я и решил собирать его для партизан. Одному заниматься этим было страшновато, и я рассказал про свою затею соседскому мальчику Марату Добушу, с которым давно дружил.

В тот же день под вечер мы взяли мешки и двинулись «на работу». Прошли огородами — и в лес. На опушке остановились, прислушались и пошли дальше. Для храбрости держались поближе друг к дружке. Шли, шли — и наткнулись на кучу гранат, которые лежали под молодой развесистой елочкой. Мы прямо затряслись: еще бы, целый склад оружия.

— Что будем делать с ним? — задумался Марат.

— Надо спрятать, — говорю я.

Мы перетаскали гранаты на опушку и зарыли под ореховым кустом. Чтобы никто не нашел нашего тайника, сверху насыпали листьев.

Потом снова двинулись на поиски. В одном месте нашли станковый пулемет, возле которого, уткнувшись лицом в землю, лежал убитый. Пониже правого

уха чернела маленькая дырочка. Кровь, которая текла из раны, успела засохнуть. Вокруг пулемета валялись одни стреляные гильзы. Видно, пулеметчик вел огонь до последнего патрона и погиб как герой. Мы рассказали об этом деду Прокопу Сидоровичу. Он тайком сделал гроб и принес его в лес. Мы помогли ему вырыть могилу и похоронить героя-пулеметчика. Никаких документов при убитом не было, и мы не узнали ни его фамилии, ни откуда он родом.

Пулемет мы притащили в деревню и спрятали возле нашей хаты в старом погребе. Потом мы нашли еще ручной пулемет, тол, бикфордов шнур. Все это снесли туда же. Скоро наш погреб превратился в оружейный склад.

В деревню стали наезжать партизаны. Они осторожно расспрашивали, у кого есть оружие.

Однажды они приехали ночью и постучались к нам. Мама перепугалась: думала, что это полицаи.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Где ваш Шура?

— Спит...

— Разбудите его.

Мать растолкала меня, рассказала, в чем дело. Я сразу догадался и вышел во двор. Партизан было пятеро.

— Комиссар отряда просил тебя достать гранат, — сказал один из них, должно быть, старший.

Я взволнованно прошептал:

— Это можно... У меня есть...

— Давай их сюда.

— А на чем повезете? — спросил я.

— Дотащим как-нибудь, — отозвался один из партизан.

— Сил не хватит.

— Неужто их так много?

— Много, — ответил я и повел их к яме.

Увидав, сколько там гранат, партизаны прямо за головы схватились.

— Где ты их столько набрал?

Я рассказал.

— Молодчина! — похвалил меня старший и велел двоим партизанам сходить в деревню за лошадью. Те ушли и скоро вернулись с подводой. Когда гранаты были погружены на телегу, старший вдруг спросил, нет ли у меня запалов. Я сказал, что сейчас нет, но я могу достать. Он попросил достать обязательно, потому что запалы очень нужны.

Наутро я пошел к Марату и рассказал ему обо всем. Он выслушал меня и спросил:

— А ты себе ни одной не оставил?

— Нет. А зачем?

— Мало ли что... — сказал Марат. Потом подумал и решил: — Ну что ж, отдал так отдал. Но где мы возьмем запалы?

Я открыл ему секрет. Неподалеку от нас жил такой Леванович. Его сын Игнась хвастал, что принес из лесу целый ящик запалов. Где он их спрятал — я не знал. Теперь Игнась собирался идти в полицаи. Желая показать свою преданность немцам, он решил отнести им и ящик с запалами. Чтобы запалы не достались врагу, нам нужно было найти их и выкрасть.

Мы выбрали момент, когда Левановичи были в поле, и занялись поисками. Долго кружили возле их хаты, делая вид, будто что-то потеряли и теперь ищем. Наконец заметили, что в одном месте земля на завалинке вроде бы более свежая, чем рядом. Я взял кусок толстой проволоки и стал орудовать им, как щупом. Проволока сразу наткнулась на что-то твердое. Это был ящик с запалами.

Мы, радостные, вернулись домой и стали дожидаться вечера. Как только стемнело, мы подкралась к хате Левановичей, осторожно выкопали ящик и принесли к нам. Через день приехали партизаны и

забрали его. Тогда же мы отдали им и пулеметы. Партизаны от души благодарили нас.

Позже немцы сделали налет на деревню. Они схватили наших родителей. Должно быть, им стало известно о нашей связи с партизанами. Мы с братом Толей успели убежать. На опушке леса, в условленном месте, нас ожидал Марат. Немного отдышавшись, мы стали наблюдать, что делается в деревне. наших родителей повели в подвал лесопильного завода. Мы были рядом, видели все это и не могли помочь. От досады и злости мы плакали. Родители, конечно, ничего не сказали немецким палачам. Позже мы узнали, что их и еще многих жителей деревни расстреляли.

И вот я, Толя и Марат остались круглыми сиротами. Возвращаться в деревню было опасно — нас тоже могли схватить. У нас была одна дорога — к партизанам. И мы все трое подались в отряд Бережнева.

ШУРА НЕМИРКО (1932 г.)

г/п Березино.

ВЗРЫВ ВЫШКИ

Мы жили в деревне Ровнополье, неподалеку от Руденска. Крайние хаты деревни стоят у самой линии железной дороги. Мы, ребятишки, любили играть на насыпи.

Пришли немцы и первым делом запретили нам ходить по линии. Немного позже, когда в районе появились партизаны, немцы настроили вдоль пути дотов и вышек. Одна такая вышка была как раз напротив нашей деревни. На ней день и ночь находились два фашиста с пулеметом. Из окна нашей хаты было видно, как внимательно они осматривали местность.

С другой стороны деревни начинался лес. Там часто бывали партизаны из отряда «За Родину». Я встретил их однажды, когда ходил по ягоды. Командир отряда Гончаров подробно расспросил меня, кто я такой и откуда. Я рассказал, что сирота, живу у тетки Пелагеи и вот пришел по ягоды. Он внимательно выслушал меня и спросил, есть ли в деревне немцы.

— Нет, — ответил я. — Только двое, что на вышке сидят.

— А оружие у тебя есть?

— Нету, но найти можно.

Тогда он попросил, чтобы я собирал для его людей что попадет — патроны, винтовки, гранаты. Я пообещал.

В лесу мы часто находили спрятанные винтовки, гранаты. Кое-кто из ребят брал их себе, иные просто примечали места, где видели оружие. Когда я передал им просьбу командира, они помогли мне собрать около сотни гранат, 30 винтовок. Был у нас и ручной пулемет Дегтярева. Когда я все передал командиру, он, пожимая мне руку, сказал:

— Спасибо, Витя, за помощь.

Мне очень радостно было слышать похвалу из уст самого командира.

Между тем немцы чаще стали заглядывать в деревню. Они забирали хлеб, одежду, сало, кур. Недалеко от нас сожгли деревню Рыбцы вместе с людьми, Лутищи, Зазерку... Гитлеровцы перебили всю семью наших соседей — Лукьяновых. Помню, когда я зашел к ним в хату, они лежали, распростертые, на полу. Впервые в жизни я видел убитых. Мне стало страшно, и по спине пробежали холодные мурашки.

Я торопился выскочить во двор.

Ночью люди ушли в лес, к партизанам. Я тоже решил пойти. Командир взвода Володя Осипчик, молодой парень, спросил у меня:

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Мал еще. Подрасти.

Я стал упрашивать, а он и говорит:

— Ты не помог бы нам взорвать вышку? Подумай. Постарайся познакомиться с немцами, а потом приходи.

Я пошел домой и стал обдумывать, как это сделать. Потом взял несколько яиц и пошел к немцам. Маленьких детей они не боялись и подпускали к себе. Я взобрался на вышку и попросил:

— Пан, дай сигарету!

— Дай яйца, — ответили оба в один голос.

Я достал из кармана яйца и подал немцам. Они обрадовались, о чем-то залопотали по-своему и дали мне четыре сигареты. Я тут же закурил. Один из них поглядел на меня, улыбнулся и сказал:

— Гут, киндер!

На вышке я увидел кровать, ручной пулемет и чугунную печку. Была поздняя осень; немцы боялись холода и все время жгли печку.

На другой день я снова пошел к ним. Младший стоял возле пулемета, а тот, что постарше, возился у печки. Я попросил закурить. Старший достал сигарету и на ломаном русском языке велел мне принести дров. Я спустился с вышки, насобирал обрезков досок и отнес им.

— Гут! — сказал старший.

Спустя несколько дней они привыкли ко мне, и я свободно ходил к ним на вышку. После этого я снова отправился в отряд и рассказал обо всем Осипчику.

— Придумано неплохо, — сказал он.

Партизаны дали мне тола и научили, как им пользоваться. Тол был завернут в тряпицу и перевязан нитками. Я сунул сверток в карман.

— А теперь иди. Выполнишь задание — беги к

нам,— сказал Осипчик и назвал место, где они будут дожидаться меня.

Я пошел. День выдался солнечный. Люди копали картошку. В голову лезли невеселые мысли. А что, если немцы догадаются? Ясно — схватят и повесят. Но я старался отогнать подальше такие мысли. «Немцы знают меня. Им и в голову прийти не может, что я осмелюсь их взорвать», — успокаивал я себя.

Подошел к железной дороге, нашел кусок проволоки и согнул ее на конце крючком. Насобирав дров, стал подниматься на вышку. На одном столбе я заметил щель, быстро сунул в нее крючок и закрепил так, чтобы он не вывалился. Потом поднялся наверх и бросил дрова возле печки. Фашисты обрадовались, дали мне сигарету. Я закурил и стал спускаться. Сердце бешено колотилось, но я старался держать себя в руках. Поравнявшись с крючком, я в два счета подвесил на нем тол и немецкой сигаретой поджег шнур. По лестнице спускался торопливо: боялся, что тол взорвется раньше, чем я отойду.

Очутившись на земле, я сначала пошел скорым шагом, а потом припустился бежать. Бежал и думал: «А вдруг не взорвется?» Но не успел пробежать и сотни метров, как позади раздался оглушительный взрыв. Я оглянулся и увидел густой столб черного дыма. Меня охватил еще больший страх, и я поднажал, чтобы быстрее добежать до леса. Лесом пробрался в поселок Боровые. Там, километрах в пяти от железной дороги, меня поджидали партизаны. Увидав меня, запыхавшегося и взволнованного, Осипчик спросил:

— Взорвал?

В ответ я только кивнул головой.

— Хорошо. Пойдем с нами,— сказал он и повел меня к командиру роты, который был в это время в деревне Пристань.

— Вот тот мальчуган, что вышку взорвал,— сказал ему Осипчик.

Командир оглядел меня с ног до головы.

— Молодчина! Останешься у нас, в отряде, — и отдал приказ зачислить во взвод Осипчика.

За взрыв сторожевой вышки меня наградили медалью «Партизану Отечественной войны».

ВИТЯ ПИСКУН (1931 г.)

д. Ровнополе, Руденский район.

МУЖЕСТВО

В начале войны мы выехали из Минска и поселились в поселке Выжары Смилловичского сельсовета Руденского района. Тут жило много партизанских семей.

В окрестных лесах действовал партизанский отряд Зельникова. Моя мать поддерживала с ним связь, получала листовки, а я со своими подружками разносила их по деревням.

Однажды мы собрались на опушке леса и стали играть «в партизан». Вдруг прибегает мальчик Витя и говорит мне:

— Поля, беги домой. Полицаи твою маму забрали.

Я со всех ног помчалась в поселок. Мамы дома не было. Бабушка Ганна, которая жила в одном доме с нами, сказала, что полицаи приехали на санях и увезли маму. А за что, она и не знает.

— Куда же ее повезли?

— Не знаю, — ответила старушка. — Они ничего не говорили.

Отца моего немцы повесили еще в сорок первом году. Потом забрали старшую сестру Раю и увезли неизвестно куда. А теперь схватили и маму. Я осталась одна. Что делать? Я не выдержала, села на скамью и горько заплакала.

Спустя несколько минут на улице послышался

скрип снега. Я выглянула в окно. К хате подкатили сани, в которых сидело семеро полицаев. Один из них, увидав меня в окне, поманил пальцем. Я быстро утерла слезы, оделась и вышла. Изо всех сил стараясь казаться спокойной, спросила, что им от меня нужно.

— Садись и поедем, — велел старший.

— А куда? — спросила я.

— Не твое дело! — грозно прикрикнул он. — Куда повезем, туда и поедешь.

Я села в сани. Дул острый ледяной ветер, но я не замечала холода. Я думала о маме. По дороге полицаи расспрашивали меня насчет партизан. Я отвечала, как учил меня командир отряда: «Не знаю, никогда не была у партизан».

Меня привезли в Смиловичи и заперли в комнате, где уже сидела мама. Я обрадовалась, когда увидела ее. С нею мне было совсем не страшно.

Вскоре стемнело, и мы улеглись на нарах. Не спалось. Мама обняла меня за шею и долго говорила, как мне держаться, что отвечать на допросе. «Отвечай на те вопросы, на которые можно. А насчет партизан — ты ничего не видела и не слышала. Бить будут — не плачь, молчи. Докажи, что ты не из плаксивых». Я сказала, чтоб мама не беспокоилась: я хоть и мала, но знаю что к чему.

На другой день нас допрашивали — сначала маму, потом меня. От меня полицаи хотели узнать, где партизаны, сколько их, как вооружены, где находится их штаб.

Я твердила одно и то же:

— Не знаю, никогда там не была.

— Врешь! — крикнул начальник полиции и хлестнул меня плеткой. Я сжала зубы и молчала. Это обозлило его.

— Какая мамаша, такое и дитяtko, — прошипел он и приказал вывести меня.

Потом нас отправили в Руденск. Начальник полиции злобно сказал:

— Там-то с вами разберутся.

В Руденске нас посадили в тесную и грязную камеру. Вечером принесли какой-то мерзлой картошки. Мы немного перекусили и легли спать на полу. Но уснуть не пришлось: в камере было холодно, из-под пола дуло, целыми табунами бегали крысы.

— Отсюда нам, дочушка, вряд ли удастся выбраться,— сказала мама и тяжело вздохнула.— Но что бы ни было — мы должны держаться до конца. Пусть знают палачи, что нас так просто не согнешь.

Утром нас позвали на допрос. Снова те же вопросы и снова:

— Не знаю, никогда не была у партизан.

На допросе присутствовал полицейский Сазонов, который знал нас до войны. Когда мы вернулись в камеру, мама сказала:

— Наш, русский человек, а помогает немцам. Сволочь. Смотреть на него противно. Теперь нам виселицы не миновать — обязательно выдаст.

Надежды на освобождение не было. Мы стали ждать смерти. Мама все время повторяла: «Скорей бы все это кончилось».

На другой день утром из соседней камеры до нас донеслись злобные крики. Стена была дощатая, с трещинами. Переборов страх, я прильнула к щелке глазом. То, что я увидела, заставило меня задрожать всем телом. В камере было пятеро: немецкий офицер, переводчик, два конвоира... Перед ними стоял молодой парень. Был он страшен: весь в крови, под глазами синяки, вместо одежды — лохмотья. Растрепанные волосы космами спадали на лоб. За спиной у него, на двери, была вырезана пятиконечная звезда. Показывая на эту звезду, офицер через переводчика спрашивал:

— Зачем ты это сделал?

Юноша молчал.

— Пан офицер, — проговорил переводчик, — этот негодяй не хочет отвечать. Посмотрим, что он запоет, когда такая же звезда будет красоваться у него на спине.

Офицер кивнул солдатам. Те, как псы, подскочили к парню и схватили его за руки. Потом ударом сапога свалили на пол и стали вырезать на плече звезду. Парень застонал. Мне стало жутко, и я отвернулась.

Когда все стихло, я снова посмотрела в щелку. Юноша, собравши последние силы, приподнялся на руках и громко, чтобы, видно, его услышали арестованные в соседних камерах, сказал: «Прощайте, товарищи! Я умираю за Родину. Отомстите за меня...»

Конвоиры схватили его, выволокли во двор и швырнули в канаву, которая проходила за баракom.

В полдень слышались крики из другой камеры, слева. Сквозь щель я увидела, что допрашивали старушку лет восьмидесяти. Немец на ломаном русском языке говорил:

— Осталось 15 минут. Будешь отвечать?

Старушка молчала. И снова:

— Осталось 10 минут. Будешь отвечать?

Молчание.

— Осталось 5 минут...

И наконец:

— Осталась одна секунда. Будешь отвечать? —

И в тот же миг с бешенством: — Взять ее!

Тут началось такое, что и не расскажешь. Старушке отрезали уши, выкололи глаза... Видеть этого я не могла, только слышала стоны. Мертвую, ее бросили в канаву, где уже лежал незнакомый парень.

Продержав два дня, нас выпустили. Мы не поверили своим ушам — ждем смерти, а тут приходят и говорят: «Можете отправляться домой». Несколько секунд мы стояли в оцепенении. Только после того,

как нам велели «очистить камеру», мама торопливо вышла, а я за нею следом.

Придя в отряд, мы направились к командиру. Мама обо всем рассказала ему и на чем свет стоит принялась бранить предателя Сазонова. Командир отряда перебил ее:

— Напрасно ты его так...

— Почему это напрасно? — возмутилась мама.

— Ваше счастье, что там был Сазонов.

— Что вы такое говорите?!

Командир спокойно объявил:

— Сазонов не предатель. Он подпольщик, и своим освобождением вы обязаны ему.

Мы все поняли. Мама виновато сказала:

— А я так кляла его...

— Ну что ж, ничего с ним от этого не станется, — сказал командир.

В отряде мы узнали и о той старушке, которую замучили фашисты. Это была мать командира партизанской бригады (фамилии его я не помню). Одевшись нищенкой, она пошла в Руденск, чтобы собрать нужные сведения о немецком гарнизоне. Один предатель узнал ее и донес в полицию. Ее схватили...

Мы остались в отряде. Через несколько дней стало известно, что гитлеровцы расстреляли подпольщика Сазонова. Мама и я очень жалели его.

ПОЛЯ НИКОЛАЕВА (1933 г.)

г. Минск, ул. Ивановская, 36.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

На рассвете к нам в Рыбцы приехало много немцев. Они оцепили деревню и стали жечь ее со стороны железной дороги. В тех, кто выскакивал из хат и пытался бежать, стреляли.

Мы тоже собрались было убежать. Мама даже связала в узлы одежду, немного еды. Но к нам зашла тетя Агапа, и мама стала советоваться с нею, что делать: бежать или переждать в подвале.

— Может, они спалют несколько хат, а всех не тронут,— сказала тетя.

— И то правда. Зачем им всех людей губить,— согласилась мама.

Тут вошел немец и по-русски спросил:

— Где хозяин?

— На мельницу поехал,— ответила мама.

Немец не стал больше расспрашивать и исчез. Тотчас же в хату вбежал другой с автоматом, приставленным к животу. Тетя Агапа стояла возле печи, а мама сидела на скамье, у окна, и держала на руках моего младшего братика Петю, которому только-только пошел четвертый год. Ни слова не говоря, немец выстрелил в тетю Агапу. Пуля попала ей в живот. Тетя схватилась за живот рукой, повалилась на пол и крикнула:

— Стреляй, гад проклятый. Стреляй еще, чтобы не мучиться!..

Немец выстрелил второй раз. Тетя Агапа вздрогнула и затихла. Тогда он наставил автомат на маму. Она не двинулась с места. Немец выстрелил и попал маме в плечо. Мама зашаталась и упала со скамьи на пол, прикрывая собой Петю.

Я сидел на печи и из-за трубы наблюдал за всем, что делалось в хате. Немец заметил меня, но не тронул. Мне было тогда семь лет, и он, видно, подумал, что все равно я никуда не убегу.

Когда он вышел, мама шевельнулась и застонала. Я слез с печи и подбежал к ней. Увидев на плече у нее кровь, я заплакал. Петя тоже стал всхлипывать. Падая, мама прижала его рукой. Я осторожно приподнял руку и высвободил братика. Рукав его рубашки был в крови. Петя опасливо оглянулся и

побежал к кровати. Я помог ему взобраться на печь.

— Сынок, дай мне воды,— попросила мама.

На скамье, возле печи, стояло ведро. Я схватил кружку, зачерпнул воды и подал маме. Она отпила несколько глотков.

Вдруг я услышал за дверью какой-то треск. Выглянул — в сенях горит сено. От него занялась крыша. Пламя ползло по стенам, белый горький дым шел в хату. Я попробовал вытащить маму, но у меня не хватило сил.

— Что мне делать? — спросил я у мамы.

— Беги, сынок, спасайся,— сказала мама и тяжело застонала. Я побежал, а про братика-то и забыл.

Через дверь, охваченную огнем, я проскочил в сени, а оттуда — во двор. На гумне у нас стоял стожок сена. Я бросился к нему. Вокруг все горело. От жары снег таял, и вода хлюпала под ногами. Я был в лаптях, и ноги у меня промокли.

Немцы заметили меня и стали стрелять. Тогда я начал бегать вокруг стога, чтобы они в меня не попали. Потом и эти немцы занялись тем же, чем и остальные: ловили коров, овец, свиней и бросали их на телеги. Людей нигде не было видно.

Когда уже вся деревня была в огне, немцы уехали. Я вышел из-за стожка и увидел соседей — Дроздов. Они пытались потушить свою хату, но это им не удалось. Я подошел к ним.

— Возьмите меня,— попросил я.

— А где ваши?

Я сказал, что остались в хате.

— Беги в погреб! — махнула рукой старуха.

В погребе было двое их детей: мальчик Шура и девочка Галя. Я сел рядом с ними. Пробыл там, пока не пришла старая Дроздыха и не велела вылезать.

— Пойдем с нами,— сказала она.

От деревни ничего не осталось, только кое-где до-

горали головешки. Мы обошли пожарище и направились к поселку, что был за железной дорогой. Там уцелело несколько хат. Мы зашли в одну из них. В хате было много людей: и здоровые, и раненые.

Назавтра вернулся с мельницы мой отец. Он позвал тетю Татьяну, и мы пошли в свою деревню. От нашей хаты остались одни уголья. Мы откопали косточки сгоревших мамы, Пети и тети Агапы, сложили в ящичек и похоронили на усадьбе, поближе к лесу. После этого папа, тетя Татьяна, ее Толя и я переехали в деревню Пережир и поселились у тети Матрены.

Когда пришла наша армия, отец пошел на фронт, а я так и остался жить у тети Матрены.

ГЕНА ШИМАНОВИЧ (1935 г.)

д. Дукора, детский дом,
Руденский район.

КАК Я СТАЛ ГВАРДЕЙЦЕМ

До войны я жил в деревне Маринище, Россонского района, Витебской области. Мама работала в колхозе, а отец был начальником пожарной дружины. Я окончил два класса Маринищанской школы. Летом купался, ловил рыбу в Дриссё.

Когда началась война, отца в Красную Армию не взяли: он был болен. Мы выкопали в саду землянку — убежище от бомб. Там спрятались я, мама, отец и бабушка.

В тот день, когда немцы первый раз обстреливали нашу деревню, мы сидели в этой землянке. Когда стрельба затихла, мы вылезли, и я увидел, что стены нашей хаты во многих местах пробиты пулями.

Потом в деревню пришли немцы. Но я их вблизи не видел. Мы убежали в лес. Корову привязали за било, положили на воз пожитки и вместе во всеи подались в самую глухомань.

Я прослышал, что в нашей деревне немцы забирают свиней, кур — все, что осталось по дворам. Мы с Петькой Широковым решили сходить в Маринище.

Пришли. Видим — солдаты в зеленых френчах с белыми воротниками бьют деда Михала. Положили на досках и секут плетью по голой спине. Мы с Петей — назад, спрятались за хлев, а потом огородами, огородами — и в лес. Рассказали все, что видели. Отец отругал меня и велел никуда больше не отлучаться, держаться своих.

Потом семья наша вернулась в деревню. Однако, как только немцы заглядывали в Маринище, мы каждый раз снова уходили прятаться в лес. Жить стало трудно. Пришла зима. Наша бабушка простудилась, заболела и умерла.

— Пойду в партизаны, — сказал как-то отец матери.

Я был очень рад, что отец мой станет партизаном. Он ушел, а мы с мамой остались дома. Иногда, выбрав свободное время, отец навещал нас.

Это было в 1942 году. Наш район стал партизанским краем. Партизаны создали здесь мощную оборону. Я сам ходил копать канавы, чтобы танки не могли прорваться к нашей деревне.

Однажды отец взял меня с собою в лес. Мне хотелось увидеть партизанский отряд. В лесу я встретил много знакомых мужчин. Я хотел тоже остаться в отряде, но надо было помогать маме.

Летом немецкие самолеты сожгли наши хлеба. Я помогал маме по дому, время от времени вместе с нею мы прятались в лесу. Немцы устраивали по деревням облавы. Начиналась блокада.

Прошла вторая зима. Наступил март. В тот день, когда я услышал первых жаворонков, вечером к нашей хате вдруг подъехала подвода. Вооруженные люди настежь распахнули двери и внесли в горницу что-то длинное, закутанное в тулуп. Это был убитый отец.

Мама заплакала, заголосила. Партизаны рассказали, что отец смело, по-геройски бился с немцами. Я тоже плакал, особенно когда закопали на кладбище отца и поставили над его могилой памятник — белый столбик с красной звездочкой.

Остались мы с мамой вдвоем. Партизаны помогали нам, даже дали корову.

Я решил обзавестись оружием. Стал мастерить наган, чтобы он стрелял настоящими патронами. Вырезал подходящий сук, прикрутил к нему проволокой трубку, в нее вставил еще одну трубку. Гвоздь, оттянутый на резине, ударял как раз по капсюлю патрона. Оставалось испытать мое самодельное оружие. С первого выстрела наган разорвало; пальцы у меня на левой руке были разодраны до кости.

Когда Красная Армия стала гнать гитлеровцев и мы услышали первые разрывы снарядов, все жители Маринища двинулись в лес. Как мы ни спешили, немцы на мотоциклах возле самого леса догнали нас. Началась стрельба. Я слышал последний крик мамы: «Сынок!»

Многим, в том числе и мне, удалось бежать. Пока бежали, я не думал и не помнил ни о чем, но когда остановились, вдруг понял, что теперь у меня нет и мамы, и заплакал от горя и жалости. Потом стал думать, что мне делать, куда податься, и вспомнил про партизан. Я пошел к ним, в отряд, чтобы отомстить немцам за все.

В отряде я рассказал, что каратели захватили наших людей и многих перестреляли. Партизаны с боем пошли к тому месту, где немцы догнали нас, и тогда я увидел убитую маму.

Долго драться с немцами отряд не мог. Каратели большими силами, с танками стали наступать. Партизаны отошли, и я не успел похоронить маму.

Была осень 1943 года. В партизанском отряде я стал помогать повару — мыл ложки, миски, чистил на

кухне картошку, до блеска драил ржавые патроны.

Однажды немцы напали на нас и весь отряд разогнали по лесу. Мы с Шурой Шумилиным, который был на 6 лет старше меня, забрели так глубоко в лес, что не знали, где мы и куда идти. Моросил дождь, со всех сторон слышалась далекая стрельба. Мы переночевали под елкой. Проснулись голодные, а есть нечего. У Шурика было масло для смазывания карабина. Был и карабин. Сели мы с ним под деревом, почистили карабин и отправились искать отряд.

Пять дней, питаясь одной ягодой клюквой, мы бродили по лесу, пока не набрали на знакомую тропинку. Осторожно, чтобы нас никто не заметил, стали подкрадываться к лагерю. Но там никого не было, только одиноко ходила курица. Мы так проголодались, что поймали ее, ощипали и, поскольку у нас не было спичек, стали есть сырую.

Потом пошли дальше. Наконец нашли свой отряд.

— Мы уже думали, что вас немцы схватили, — сказал командир.

— Где им нас поймать! — ответили мы.

Нас отвели в новый шалаш и хорошо накормили. Повар налил нам перлового супу с бараниной, а вдобавок еще по миске затирки. Хлеба не было.

Пришло время, и партизаны соединились с Красной Армией. Меня сначала брать не хотели, но я сказал, что у меня нет ни отца, ни матери, и тогда лейтенант Красных, командир взвода связи, зачислил меня на довольствие и даже стал звать сыном. Я и сейчас переписываюсь с ним.

Во взводе я стал изучать воинское дело — проходил уставы, разбирал и собирал телефонные аппараты. Тут впервые в жизни мне дали карабин. Я был так рад, что нигде с ним не расставался. На мне была военная форма. Называли меня — воспитанник Первого Прибалтийского фронта.

Наша стрелковая бригада находилась в Витебской

области до 15 мая 1944 года. В этот день мы пошли в наступление. Я уже умел тянуть связь, знал все неисправности телефонных аппаратов — и наших и немецких. Я принимал участие в освобождении города Полоцка.

В Полоцке нашу бригаду расформировали. Я попал в отдельный батальон связи. Когда мы снова пошли в наступление, мне дали гвардейский значок. Я стал гвардейцем. С нашим гвардейским батальоном я прошел Польшу, Литву, Латвию. Мы освободили много городов, только названия у них все такие, что не запомнились. Помню, в Риге какой-то мужчина долго расспрашивал меня, как я попал в армию, а потом дал мне большой букет цветов. Я поблагодарил.

— Держись, сынок! Скоро кончится эта война.

Я ответил:

— Как до Берлина дойдем.

Но я не дошел до Берлина. В Пруссии произошел такой случай.

Я и трое разведчиков — Кузьмин, Савченко и Бойко-дамов пошли к немцам в тыл. Нам нужно было узнать, сколько у них батарей и где они находятся. Пошли ночью. Взяли автоматы и две катушки с проводом. Через линию обороны идти было страшно, но мы пробрались удачно. Шли вместе, пока хватило провода. Потом я остался налаживать связь, а разведчики пошли дальше. Я подключил аппарат, сообщил своим, что все в порядке, и стал маскироваться. Начинало светать, когда Савченко принес мне листок бумаги. Там были записаны квадраты на карте и количество немецких батарей. Он велел передать это командиру, а сам пошел назад, к товарищам. Я дал звонок, чувствую — ручка аппарата крутится легко. Значит, связи нет. Пошел искать обрыв на линии. Иду, иду, а уже становится светло. Наконец нашел один конец провода, потом второй и стал их связывать.

Вдруг из-за кустов показалось двое немцев. Они

шли прямо в мою сторону, но пока еще меня не видели. Я схватил автомат, прицелился и дал очередь. Немцы упали. Я хотел идти к аппарату, но подумал, что у немцев могут найтись какие-нибудь важные документы. Вернулся, забрал все бумаги, какие у них были: оружие забросил в кусты. Потом передал по телефону сведения о батареях гитлеровцев, а заодно рассказал и про свою встречу с немцами.

Командир отвечает:

— Спрячься где-нибудь там, чтобы осколки не задела. Сейчас открываем огонь.

Когда пехота пошла в наступление, меня подобрала наша бойца.

На другой день капитан Анохин вызвал меня из строя.

— Гвардии рядовой товарищ Козлов, вы награждаетесь медалью «За отвагу».

Я ответил:

— Служу Советскому Союзу!

А потом снова наступление. Я бил немцев, мстил за отца и мать до самого Дня Победы. День 9 Мая я встретил в Данциге и на радостях расстрелял все патроны и ракеты.

После войны наш батальон три месяца стоял на берегу Балтийского моря. Я часто катался по морю на лодках и на кораблях.

Когда начался учебный год, меня послали учиться.

АЛИК КОЗЛОВ (1932 г.)

г. Минск. Железнодорожное
ремесленное училище № 3.

НА ФАШИСТСКОЙ КАТОРГЕ

Во время блокады немцы убили мою мать. Мы, дети, разбежались кто куда. Я бежал вместе с тремя партизанами. В Птичском лесу немцы стали нас до-

«Как я стал гвардейцем»

«Гибель «тигра»»

гонять. Спрятаться было негде, и я залез на дерево. Немцы шли цепью и заметили меня. Они стали размахивать руками, кричать, чтобы я слезал. Я не послушался. Тогда они несколько раз выстрелили. Возле самого моего уха пропела пуля. Я вздрогнул, но не двинулся с места. Решил: «Пусть лучше убьют, а слезать не буду».

Тогда немцы подрубили елку, и я вместе с нею упал на землю. Ударился так крепко, что первое время не мог произнести ни слова. Немцы схватили меня и привели в бункер. Начался допрос. Через переводчика меня спросили, как я попал в лес.

— Боялся, что немцы убьют, и убежал,— ответил я.

— А почему ты был с партизанами?

— Они сказали, что с ними меня не убьют...

— Убьют — не убьют... Одним щенком меньше — невелика потеря,— зло сказал переводчик и подал знак рукой. Меня увели за перегородку и стали бить плетьюми. Но узнать им ничего не удалось.

Меня привели в деревню Аносовичи и велели стеречь отобранных у людей коров. Я пытался убежать, но это мне не удалось. Меня поймали, избили, отвезли на машине в деревню Новоселки Копаткевичского района и посадили за колючую проволоку. Там уже было много наших людей. Спустя неделю нас погрузили в вагоны, заперли и куда-то повезли. В моем вагоне были одни ребята лет по двенадцать — четырнадцать. Теснота страшная — лежали буквально друг на дружке. Шестеро конвоиров, как псы, стерегли нас. Мы думали, что нас везут на смерть, и решили спасаться любой ценой.

На первой же остановке, едва конвоиры открыли дверь, ребята, как по уговору, ринулись из вагона, сбили их с ног и стали разбегаться в разные стороны. Я сидел у самой двери. Когда на меня начали напирать, я спрыгнул, но тут же упал. На меня посыпа-

лись остальные. Они так примяли меня, что я не смог подняться. Ребята разбежались, а когда я наконец встал на ноги, ко мне подскочил конвоир, схватил за ворот, ударил сапогом в спину и поволок в вагон. После этого случая немцы больше не открывали вагонов.

Через неделю нас выгрузили в Берлине и погнали в концлагерь. Тут всех остригли и посреди головы пробрили полосы. Были и другие «знаки отличия»: нашивки на рукавах, на штанах — зеленые лампасы.

В этом лагере мы пробыли недолго. Оттуда нас перевезли в город Лангельфельд. Мы очутились в концлагере, обнесенном высокой оградой из колючей проволоки. В темных сырых бараках — нары в четыре яруса. В каждом бараке 400—500 человек. Дети находились вместе со взрослыми. Кормили нас очень плохо, на ногах у всех были деревянные колодки. Часто таскали на допросы. У меня все хотели допытаться, кто я такой, чем занимался, где и как меня поймали. Я отвечал одно и то же:

— Жгли деревню... Я убежал в лес, там и поймали...

С каждым днем я все больше и больше слабел. Скоро я понял, что долго так не протяну, и решил бежать. Но сделать это было нелегко: немцы строго охраняли лагерь.

Однажды ночью я заметил, что взрослые выломали окно и начали по одному вылезать из барака. Я — за ними. Уже за воротами лагеря меня схватили часовые и привели в барак. На допросе спросили, чего я убегал. Я сказал:

— Меня здесь морят голодом, и я не мог больше терпеть...

— За это меня избили так, что все тело было черное. Я не стоял на ногах. Меня отнесли в барак и швырнули на нары. Утром стали выгонять на работу, а у меня не было сил встать. Подняли силком, затолкали в середину колонны и погнали на завод.

На заводе меня поставили к станку и показали,

что и как я должен делать. Я штамповал шайбы: нажимал кнопку, и машина пробивала в шайбе дыру. Надо мной стоял надсмотрщик и во все глаза следил за моей работой. Стоило мне обернуться, поглядеть по сторонам, как надсмотрщик, огрев меня кулаком по шее, принимался орать:

— Фестер арбайт! Быстрее работать!

Рабочий день длился 12 часов без перерыва: есть нам не давали. К концу дня я совсем выбивался из сил. Поздно вечером нас строили в колонну и под конвоем пригоняли в барак. Там давали по 100 граммов черствого, заплесневелого хлеба и по литру несоленого крапивного борща. Похлебав этого варева, мы по звонку валились на нары. Матрасы, набитые стружками, были жесткие. Ныли руки и спина. Заснуть сразу было просто невозможно.

На заре нас поднимали и снова под конвоем гнали на завод. Если кто не мог встать от усталости или недомогания, его безжалостно избивали и заставляли идти. При этом говорили:

— Нечего притворяться!

У меня на глазах избил Петю Головача, который так ослаб, что не мог подняться с нар.

Рабочие не выдерживали и умирали. Каждый день из барака выносили по 10—12 человек. Трупы грузили на автомашину, вывозили за город, в лес, и там закапывали.

Через некоторое время нас перевели на другую работу — закалять в горнах детали для самолетов. Рабочие не хотели помогать немцам и старались вредить им, как могли. Они то перегревали детали, то, наоборот, вынимали из горна совсем холодными. Когда немцы обнаружили это, начались допросы. У меня хотели выпытать, кто из рабочих занимался вредительством. Я знал их всех, но не признался. И опять меня били — долго и со злобой. Взрослых избивали до смерти. Василь Тоник не вынес побоев и на другой

день умер. Несмотря на пытки, рабочие держались дружно, и немцам ничего не удалось узнать. Они стали строже следить за нами, но и это не помогло: рабочие все равно ухитрялись вредить врагу.

Тяжело было в концлагере. Жили мы хуже скотины. Я все чаще и чаще вспоминал родной дом. «Эх,— думал я,— вот бы хоть на минуточку слетать домой, повидать своих». Но это было невозможно. Немцы строго охраняли нас и на каждом шагу твердили, что нам никогда уже не вернуться на родину. Больно было слышать это.

В начале 1945 года к нам в барак попал один наш военнопленный. Увидев вокруг себя измученные лица, потухшие глаза, он тихо сказал:

— Держитесь, друзья, нас скоро освободят.

От него мы узнали, что наши идут на Берлин. Это было для нас новостью — такие слухи в лагерь до сих пор не проникали. Все от души радовались, однако некоторые говорили, что нам все равно не миновать гибели.

— Нас всех или перебьют или сожгут,— говорили они.

А мне почему-то думалось, что я обязательно останусь в живых и вернусь домой.

В конце апреля немцы забегали. По дорогам потянулись отступающие фашистские части. Наш завод был заминирован. Однажды в полдень стали выводить и строить в колонны здоровых людей. Тех, кто не мог ходить, согнали в один барак. Набралось человек 500. Среди них оказался и я.

Нас заперли на замок, а барак подожгли с двух концов. Поднялся страшный крик, плач. Люди лезли в окна, но конвоиры прикладами сталкивали их назад. Я метался по бараку из конца в конец, но выбраться не мог. А огонь добирался уже до середины барака. В одном месте дощатая стена совсем прогорела и рухнула. Я подумал, что все равно смерть, и ринулся в эту

дыру. Гляжу — ни одного конвоира. Они все были с другой стороны, куда выходили окна. Это меня спасло.

Когда я очутился во дворе, одежда на мне горела. Я быстро сбросил ее, но лицо, руки и ноги у меня были уже сильно обожжены. От боли я не мог идти и присел на землю. Как раз тут подоспели американские танки, и мы были спасены.

Вскоре меня и других детей отправили на родину.

АНДРЕЙ БАРАНОВСКИЙ (1932 г.)

Копаткевичский район.

СПАСЕНИЕ СМЕРТНИКОВ

Мой день начинался и кончался на станции Шклов. Наша семья держала связь с партизанами, и мне было поручено следить, какие эшелоны и когда прибывают на станцию. Заметив что-нибудь интересное, я сразу же через связных сообщал об этом в отряд. А там уже делали свои «выводы».

Весенним днем 1943 года я со своим товарищем Борисом Пыжиком слонялся по путям, но ничего стоящего нам не попадалось. Только под вечер немцы открыли вагоны с солью и стали их разгружать. Мы подошли поближе, потому что очень уж не хотелось идти домой с пустыми руками.

Немцы не раз отгоняли нас от вагонов, но мы возвращались снова и снова, пока не понабивали солью карманы. Отнесли соль домой и пришли во второй раз. Немцы уже нагружали последнюю машину и вагоны подмели так основательно, что нам там больше нечего было делать.

Неожиданно нам повезло. Метрах в пятидесяти от нас, в тупике, стоял одинокий вагон. Раньше мы его почему-то не заметили.

— Пойдем посмотрим, что там такое,— предложил я.

Мы подошли к вагону. Он был еще под пломбой, но это нас не остановило. Мы сорвали пломбу, раскрутили проволоку на засове и приоткрыли дверь. То, что мы увидели, очень обрадовало нас. Вагон доверху был нагружен какими-то маленькими ящичками. Я взобрался наверх и отодрал доску на одном из ящичков. Было темно, и я не мог увидеть, что там находится. Сунул в ящик руку — что-то густое, липкое. Отколупнул кусочек, понюхал, попробовал на язык. Ого! Мед, самый настоящий пчелиный мед. Вот тебе и неудачный день!

Сначала мы хотели сразу же мчаться к связному, рассказать о ценной находке, но Борис подал дельную мысль:

— А чего мы побежим с пустыми руками?..

Мы набрали ящичков, сколько могли унести, и, прячась за вагонами, побежали к нам. Мамы дома не было. Мы отнесли ящички в наш сарай и спрятали в яме, где стояла бочка с капустой. Уложили ровненько, а сверху опять поставили бочку. Потом Борис побежал к связному, а я снова вернулся на станцию — наблюдать за вагонами. Подхожу к станции, вижу: немцы что-то засуетились возле вагона с медом. Я вернулся домой. Как-то получилось, что матери я так ничего и не сказал про нашу «операцию».

А когда утром назавтра я бежал к Борису и поравнялся с будкой часового, оттуда выскочил немец и схватил меня. В это же время по улице проходил другой, незнакомый мне мальчик. Немец схватил и его. Нас обоих отвели в комендатуру.

Как выяснилось позже, у немцев не было против нас никаких улик и попали мы к ним в руки совсем случайно. Моего товарища по несчастью звали Василем. Нас били и допрашивали, но ничего не добились. Тогда нас заперли в барак, который служил тюрьмой.

На другой день мама как-то узнала, где я, и принесла мне передачу, которую я поделил с Василем. Повидаться с мамой мне не разрешили.

На другой день немцы посадили нас в легковую машину и повезли к нам домой. Я очень тревожился, потому что знал: если немцы найдут мед, мне конец.

Мамы дома не было — она целыми днями сидела в приемной жандармерии, добиваясь, чтобы меня выпустили. Я был так голоден, что, войдя в хату, сразу набросился на хлеб. Немцы принялись делать обыск. Они перевернули все вверх дном, взорвали пол, перекопали под ним землю и, ничего не найдя, приказали мне вести их в сарай.

«Ну, теперь все пропало», — подумал я, отпирая дверь в сарай.

Немцы и тут все перевернули, все обшарили и наконец подошли к бочке, под которой были спрятаны ящики с медом. Холодный пот выступил у меня на лбу. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. «Только бы они не догадались поднять бочку», — подумал я, и в этот самый миг маленький немец нажал на бочку плечом, опрокинул ее и направил луч фонарика в яму. Я закрыл глаза... Прошла минута, а может, и больше, вдруг слышу:

— Никс, никс...

От удивления я открыл глаза: яма была пустая.

У Василя немцы спросили, где он живет. Он ответил, что далеко, в двух километрах с гаком. Дорога была грязная, и немцы, поленившись ехать, отвезли нас снова в тюрьму.

«Куда же подевались ящики с медом?» — всю дорогу думал я, да так ничего и не мог придумать.

Мы попали в камеру, где находились люди, которых ожидала смерть. Я ничего не утаил от них, и они мне посоветовали, что говорить на допросах: «Я поймал несколько птичек и хотел сделать для них клетку. А проволоки у меня не было. Побежал к одно-

му дружку. По дороге меня ни с того ни с сего схватили и отвели в комендатуру...»

Все это я повторял слово в слово каждый раз, когда меня таскали на допрос. Василь тоже твердил свое. Все говорили, что нас должны выпустить, потому что никаких доказательств у немцев не было. Но камера, куда нас посадили, была камерой смертников, и значит, ничего хорошего ожидать нам не приходилось. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не счастливый случай.

Однажды в камеру зашел немец и спросил, нет ли среди нас хорошего столяра. Один старик назвался столяром. Немец позвал его сделать где-то перегородку.

Вечером старик принес охапку стружек, чтобы положить себе под бок: пол в камере был цементный и спать на нем было очень холодно и жестко. Мы просили у него немного стружек, чтобы погреть руки. Спустя минуту посреди камеры весело плясал маленький огонек.

Я поглядел на огонек, и тут мне пришла в голову одна мысль. Посоветовавшись с Василем и одним партизаном, я собрал все дедовы стружки и бросил их на огонь. Пламя сразу озарило всю камеру.

С криком: «Пожар! Пожар!» — люди бросились ломать дверь. Навалившись всем миром, в два счета высадили ее и стали разбегаться. Было темно, поднялась страшная суматоха, слышались крики, выстрелы... Под этот шум многим, в том числе и мне, удалось убежать.

Дома я узнал, что мои ящики с медом нашла в сарае мама и перепрятала в другое место.

АЛЕКСАНДР ЛЕВКОВИЧ (1931 г.)

г. Шклов, школа № 29.

СМЕРТЬ МАМЫ

Нашу деревню Володарск Речицкого района со всех сторон окружали леса. В лесах жили партизаны. Потом немцы стали часто нападать на них, и партизаны вынуждены были перебраться в другое место.

Люди тоже покинули деревню и переехали в ближайший лесок. Тут мы оставались два дня, а потом вместе со всеми решили двинуться в большой лес, подалее. Мы погрузили на подводу свои пожитки и выехали в поле. Впереди виднелась деревня Узножь. Далеко за лесом что-то горело. Дым огромными черными клубами поднимался к небу.

— Дубрава горит, — говорили люди.

Подъехав к деревне, мы увидели, что она словно вымерла. Все жители ушли в лес. Стояла тишина. Небо было синее, чистое, без единого облачка. Страшно палило солнце.

Когда мы проехали деревню и снова очутились в поле, неожиданно перед нами, слева, взвилась в небо желтая ракета.

— Бегите в лес! — крикнул дед Рыгор.

Люди побросали свои пожитки и бросились бежать. Но не успели мы пробежать и сотни метров, как впереди застрочил пулемет. Мы все, как по команде, попадали на землю. Кругом свистели пули.

Не могу описать того, что было дальше.

Выпустив длинную очередь, пулемет на несколько секунд замолк. Люди — кто ползком, а кто перебежками — бросились назад, думая через деревню выбраться в лес. Мама метнулась было за нами, но, пробежав несколько шагов, вспомнила, что на возу осталась моя трехлетняя сестричка Валя. Она вернулась, схватила Валу в охапку и побежала во весь рост. Снова застрочил пулемет. Мы с братом Петей стали кричать:

— Ложись, мама, ползи!

Но она, должно быть, не слышала нас. Мы пополз-

ли назад, к деревне. Мама бежала сзади. Проползли немного. Я хотела крикнуть, чтобы она бежала быстрее, но, обернувшись, увидела, что она лежит на земле. Я крикнула раз, и другой, и третий. Мама молчала. В груди у меня что-то оборвалось.

Мы с бабушкой быстро подбежали к маме. Она лежала на боку, руки, как во сне, были подложены под голову. Платок съехал на глаза. Приподняв его, я увидела, что пуля попала маме в левый глаз: на его месте была глубокая рана. Мама чуть слышно хрипела. Вся дрожа от ужаса, я бросилась ей на грудь, плакала навзрыд, звала ее. Но она молчала. Маленькая Валя ползала у нее в ногах, теребила за юбку и жалобно всхлипывала: «Мама, мама-а...» Но мама не слышала и не откликнулась. Бабушка присела возле нее на корточки и громко заголосила.

Вдалеке послышался гул моторов. Это шли в деревню немецкие машины. Бабушка сказала:

— Бегите, детки, спасайтесь: эти гады и вас не пожалеют.

Не хотелось бросать посреди поля убитую маму, но и оставаться тут было нельзя. Мы понимали, что маме ничем уже не поможем, а самих нас могут убить немцы. Я поцеловала маму, взяла Валю на руки и побежала. За нами поковыляла и бабушка. Вокруг никого не было. Все разбежались, только убитые неподвижно лежали в траве.

Скоро мы догнали старушку-соседку Авгинью Гуз. Она бежала, падала, вскакивала и, прихрамывая, бежала дальше. Ее ранило в ногу, но кость не была задета, и она могла бежать.

Когда мы добрались до огородов, наша бабушка без сил упала в невысокий лен. Ей было 65 лет, и она сильно притомилась. Она сказала:

— Я больше не могу, а вы бегите, бегите...

Бабушка зарыдала.

За деревней начинались кусты, а подальше тем-

нел сосновый лес. Я с Вале́й на руках побежала туда. Брат Петя крикнул мне вслед:

— Куда ты? Не бойся, во льну нас не увидят.

Я не послушалась его: страх гнал вперед. Петя остался с бабушкой.

По дороге я увидела речку. Берега ее поросли высокой травой. Тем временем машины миновали деревню и шли полем, быстро приближаясь к нам. Я с Вале́й упала в густую траву на берегу.

Проехав немного, машины остановились. Я вскочила на ноги, подхватила сестричку и по редкому житю, среди которого там-сям попадались кусты, побежала дальше. Немцы стали стрелять по нас.

Добежав до того места, откуда начинались густые кусты, я неожиданно увидела троих человек с винтовками наготове. Сначала подумала, что это партизаны. Но потом, когда заметила на двоих немецкие мундиры, в ужасе остановилась и хотела бежать назад, но ноги не слушались.

Один из троих, который был не в военной форме, крикнул:

— Что там делается в деревне?

— Ваши напали, стали стрелять, убили мою маму, — ответила я.

Не знаю, что еще он сказал бы мне, но немцы заметили нас и открыли огонь. Пули, которые свистели справа и слева от нас, вдруг стали дзынкать у самых ушей. Все мы попадали на землю. Человек, который заговорил со мной, вскрикнул и упал навзничь. Я видела, как из груди у него хлестала кровь. Остальные двое подбежали к нему, осмотрели, потрясли за плечи, потом достали у него из кармана какие-то бумаги и, пригибаясь к земле, побежали вдоль кустов. Я поняла, что это были вовсе не немцы, а родные, близкие люди — партизаны. В первую минуту я бросилась было за ними, но потом остановилась, подумала и направилась в тот лес, откуда мы только сегодня уехали.

В лесу мне встретила незнакомая женщина. Она показала, где находится олёс (так у нас называют густой высокий лес, местами затопленный водой), и сказала, что наши, наверное, там. Я пошла в ту сторону и скоро добралась до олёса. Сучья царапали лицо, ноги вязли в мутной, зеленой тине. Временами я по колени проваливалась в трясины. Валя вскрикивала от страха, но я старалась успокоить ее. Заслышав вдали мычание коровы, я направилась туда и скоро очутилась среди своих людей. Их было тут очень много. Мне рассказали, что деревня наша сожжена, перебито много народу. Я вспомнила маму и расплакалась, а люди принялись утешать и успокаивать меня. Знакомые женщины хотели нас накормить, но мне еда не лезла в рот. А Валя наелась и уснула у меня на руках: она просто не понимала страшного горя, которое обрушилось на нас.

Вечером начал моросить дождь. К ночи все небо затянуло тучами и полил настоящий ливень. Дул ветер, лес шумел, скрипели и трещали деревья. От всего этого делалось очень страшно. Не было приюта людям в лесу этой ночью.

На другой день подошло еще несколько человек. Среди них были бабушка и брат Петя. Они пролежали во льну целый день и только ночью ползком выбрались оттуда. Я очень обрадовалась, увидав их. Теперь я не чувствовала себя такой одинокой, как накануне.

Спустя три дня люди вышли из лесу и стали хоронить убитых. Из отряда приехал мой отец, и мы похоронили маму. Похоронили на том самом месте, где она упала под немецкой пулей. Потом отец вернулся в свой отряд. Мы с бабушкой остались в лесу. Отец часто навещал нас. Там мы прожили до прихода наших.

РАЯ СЕВЕРИНЕЦ (1931 г.)

Речицкий район, д. Володарск.

«ПАПА ГИСА»

Когда началась война, папа наш собрался, поцеловал нас всех и ушел на фронт. Остались мама и нас трое: я, братья Вова и Ваня. Мне было десять лет, Вове — семь, а Ване — всего только четыре.

Потом объявились немцы и стали наезжать в нашу деревню Некрасово. Они забирали коров и разыскивали партизан, которые приходили в деревню. Часто партизаны заходили к нам и ночевали в бане. Мама предупреждала нас, чтобы мы где-нибудь не проговорились об этом. Особенно мы беспокоились за Ваню, потому что он был маленький и ничего не понимал.

Однажды у нас ночевал партизан, по имени Гриша. Он был веселый, добрый, и мы все его любили. Он игрался с Ваней, и тот называл его «Гиса».

Вдруг мы увидели, что к нам идут трое немцев. Гриша хотел бежать, но было уже поздно. И спрятаться негде. Тогда мама говорит нам:

— Дети! Называйте его папой. Понятно?

Мы с Вовой сразу смекнули, в чем дело, но все боялись за Ваню. Мы принялись уговаривать его, чтобы он называл Гришу папой, чтобы не забыл, а то немцы всех нас перебьют.

А немцы были уже во дворе. Мама дала Грише отцову рваную куртку, молоток и сказала:

— Чини шкаф!

А у шкафа дверка была сломана, еле-еле держалась на нижней завеске. Гриша принялся стучать молотком, снимать дверку.

Когда немцы были в сенях, я закричала:

— Папа! Вовка дразнится.

Потом, когда немцы уже входили в сени, Вова поднял крик:

— Папа! Лидка дерется.

Гриша повернулся к нам и строго прикрикнул:

— Цыц! Чего вы там не поделили?!

Ваня, увидав немцев, заскакал на одной ноге:

— Папа Гиса! Папа Гиса!

Мы не на шутку перепугались: кто же так называет своего отца?

Я взяла Ваню и поставила его в ящик от шкафа, где было белье. Ваня смеялся от радости и все повторял:

— Папа Гиса! Папа Гиса!

Не знаю, то ли ему очень понравилась эта игра, то ли он хотел во что бы то ни стало дать понять немцам, что человек с молотком это его «папа», но он слишком усердно твердил свое: «Папа Гиса».

Однако немцы не обратили на него внимания. Они спросили у мамы:

— Партизаны есть?

— Нету,— ответила она.

— А это кто?

— Мой муж.

Гриша был, видно, моложе мамы. Он старался не показывать немцам своего лица и все время стучал молотком. Я подбежала, прижалась к нему.

— Папа, я боюсь...

Он обнял меня и сказал:

— Не бойся, дочушка, они ничего тебе не сделают.

Потом подошел Вова и тоже прильнул к «папке». Я заметила, как мама улыбнулась краешком губ. Только Ваня старался пуще прежнего:

— Папа Гиса! Папа Гиса!

К счастью, немцы не обращали внимания на его болтовню. Один из них подошел к печи, поднялся на цыпочки и заглянул наверх. Другой сунул нос под кровать. Хорошо, что Гриша не стал прятаться.

Когда немцы ушли, все мы радостно вздохнули. Радовался и Ваня:

— А я сказал «папа Гиса», ага!

Но радость у нас была недолгой. Как-то раз немцы налетели на нашу деревню, сожгли ее и перебили

много людей. Погибла и наша милая мама. Папа тоже не вернулся с войны.

Только мы втроем и остались в живых: я, братья Вова и Ваня.

ЛИДА ВОЛКОВА (1932 г.)

КАК ЖГЛИ СЕЛЮЧИЧИ

Осенью 1942 года к нам в деревню приехали немцы и объявили, что будет собрание. Люди поверили и стали собираться в большой дом посреди деревни.

К нам в хату зашло несколько солдат. Мой брат Дема забился на печь. Немцы заметили его и велели слезть. Он не послушался. Немцы стали кричать на него, а Дема сидел и не думал слезать. Тогда один немец вскочил на лавку, схватил его за руку и стащил с печи.

— Собирайся! — крикнул он по-русски.

— Не пойду! — смело ответил брат.

Немец обозлился и ударил его несколько раз прикладом. Дема не тронулся с места. Его силой вывели из хаты.

Потом немец подошел к маме и грозно проговорил:

— Собирайся!

Я громко заплакала, подбежала к маме и вцепилась в ее рукав. Немец схватил меня за плечи и оторвал от мамы. Они взяли маму, старшую сестру Аню и увели.

— Не плачьте, детки, — сказала мама, выходя за порог.

— Куда их повели? — спросила у меня сестричка Маруся.

— Убивать, — сквозь слезы ответила я.

Маруся заплакала навзрыд и с криком: «Я хочу

с мамочкой!» — выбежала на улицу. Я метнулась за нею следом и увидела, что наш дом горит. Вернувшись, схватила за руки младшую сестричку Евку и братика Васю и побежала на огород. Там были немцы. Заметив нас, они стали стрелять из автоматов. Мы вернулись назад и спрятались в хлев. Откуда-то выскочил поросенок. Один из немцев погнался за ним. Поросенок вздумал искать убежище в нашем хлеву, и мы оказались лицом к лицу с немцем. Он спросил у меня:

— Где твой отец?

— Умер, — ответила я.

— А мать?

Евка вытянула шею и смело сказала:

— Забрали проклятые фашисты!

Немец в бешенстве навел на нас винтовку, но потом вдруг раздумал стрелять, поджег хлев и убежал.

Мы выскочили из хлева и бросились на огород. Сели в ямку и ждем. И вот я вижу — бежит мой старший брат Миша. Добежал до дома, остановился. Дом горел вовсю. Миша, видно, подумал, что мы остались там. Он стал звать.

— Катя! Катя!

— Мы здесь! — крикнула я.

Услыхав мой голос, он подбежал к нам, схватил на руки Васю, и мы со всех ног помчались к соседской избе, что стояла в конце огорода. Забились в угол и стали потихоньку разговаривать. Вдруг Миша заметил, что к нам направляется немец.

— Прячьтесь! — крикнул он.

Мы залезли под кровать. Миша тоже спрятался. Но немец не зашел в избу, а только походил вокруг нее и подался прочь.

Вечером из лесу пришел отец. Мы переночевали в этой самой избе, а на другой день отец и сельчане, оставшиеся в живых, пошли хоронить косточки тех, кого сожгли фашисты.

Когда я узнала, что вместе со всеми сгорела и моя миленькая мамочка, и сестрички Маруся и Аня, я плакала до тех пор, пока не осталась совсем без сил. Не могла поверить, что никогда больше не увижу маму, не услышу ее голоса, не прильну к ее груди.

После похорон отец сказал, что мы поедем жить в соседнюю деревню Грабов. Мне очень не хотелось покидать родное село, где я родилась и прожила столько лет. Но раз отец сказал — нужно слушаться.

В Грабове мы поселились у какой-то незнакомой женщины. Жилось трудно: есть было нечего. Но отец говорил, что скоро придут наши и избавят нас от мучений. Мы верили, и нам становилось легче.

Однажды в Грабов ворвались немцы. Мы убежали в лес. В лесу было еще хуже, но мы терпели и ждали счастливого дня освобождения.

И вот он настал. Вернулась наша Красная Армия. Мы были очень рады видеть дорогих бойцов, наших освободителей. Этот день останется в памяти навсегда.

Мы переехали в свою деревню. Вскоре отец и брат Миша ушли на фронт.

В 1946 году отец вернулся из армии и мы снова стали жить вместе.

КАТЯ ГОРБАЛЬ (1934 г.)

Петриковский район, ст. Копцевичи.

В НЕМЕТЧИНЕ

Однажды немцы окружили нашу деревню, забрали коров, свиней, овец, а потом стали хватать людей.

Нас в семье было семеро: папа, мама, двое братьев и три сестры. Всех нас загнали на какую-то зеленую машину, крытую брезентом. Папа с мамой сидели на ящичке, в который успели сунуть кое-что из припасов. Мама кормила грудью маленького Антося.

Валя сидела у папы на коленях, положив голову ему на грудь. Мы, как старшие, стояли возле ног мамы и папы.

Стояла летняя жара, а нас в машине — как селедок в бочке. Страшно хотелось пить, пересыхало во рту, а воды не давали. Машины мчались на запад несколько дней и ночей. Приехали в какой-то город. Видим — барак. Немец грозно приказал вылезать. Мы, как горох, посыпались из машины. Сердце разрывали крики и плач детей. Послышалась команда:

— Женщины и дети — налево, мужчины — направо!

Мы едва успели попрощаться с отцом. Немцы кричали во всю глотку: «Шнель! Шнель!» Мужчин куда-то повели, а нас загнали в тесный барак.

Там и остались: мама и нас пятеро. Из глаз у всех катились слезы, крики детей заглушались причитаниями женщин, а немецкие бандиты только посмеивались. Были тут и Франек дядьки Кастуся, и Аня тетки Алеси, и много-много других ребят из нашей деревни. Да и не только из нашей. Я сама слышала, как женщины спрашивали у моей матери: «Какой вы области? Вашу деревню тоже сожгли?» Мама отвечала: «Витебской области... Сожгли деревню, дотла сожгли. И маму мою сожгли... Живьем. 73 года было. У нее голова болела, а немцы подумали, что тиф. Ох, ох!» — захлебывалась она слезами. Вслед за нею и все мы начинали плакать.

— Тихо, милая, не лей слез-то, — уговаривали ее женщины. — Видишь, детишки, на тебя глядя, тоже режут.

Когда дело подошло к ночи, мама, собрав все лохмотья, какие удалось захватить, постлала нам постель. На ужин ничего не было, и мы голодные легли спать. Ящичек с припасами остался в машине.

Рано утром я проснулась от духоты. Будто камень лежал на груди, дышать было тяжело-тяжело. От-

крывать окна и двери не дозволялось. Люди спали на нарах в несколько ярусов, детей клали прямо на полу.

Я протерла глаза и увидела, что нет моей мамы. Мне стало страшно. Я подумала: наверно, и ее погнали направо. Закрыв глаза руками, я стала плакать и приговаривать: «А кто же нам постельку постелет, кто ж нас согреет?..» Вдруг слышу голос:

— Манечка, дочушка!

Это была мама. Она держала в одной руке маленький кусочек черного хлеба, в другой — солдатский котелок с чем-то теплым: от него шел пар.

— Тихо, Манечка, не надо плакать. Есть вам принесла, — сказала мама.

Услышав слово «есть» и увидев хлеб, я захопала в ладоши и засмеялась. Своим смехом разбудила меньших братьев и сестер. Мама присела возле нас, долго глядела на маленький ломтик хлеба, а потом разломала его на четыре части. Антосю и себе не выделила. Я до самой смерти не забуду того кусочка хлеба, что достался мне тогда. Я никогда не забуду, как мне хотелось есть.

Так, в страшной духоте и голоде, прошло две недели. Пару раз маме удавалось пробраться за колючую проволоку и достать нам кое-что из еды. Потом немцы натянули какой-то электрический провод, к которому нельзя было приближаться. Выходить из барака не разрешалось, а входить — пожалуйста. И вот раз мама приходит — торба полная хлеба, а в руке кринка с молоком. Тогда мы первый раз наелись досыта.

В тот же день мама почувствовала себя плохо, температура подскочила до 40 градусов. Пришли санитары и забрали ее в лазарет. Только унесли маму, как тут же заболели оба моих брата и обе сестрички. Их тоже на носилках куда-то унесли. Это, должно быть, наделала еда.

Плакала я сколько хотела — никто меня уже не успокаивал. Потом надумалась просить у немцев про-

пуск в лазарет: очень хотелось повидать маму. К братьям и сестрам я не просилась: немцы сами, забирая их, говорили, что им сразу сделают «капут». Маленький Антось уже тогда был как неживой: не кричал, как обычно, лежал с закрытыми глазами и едва дышал.

После долгого упрашивания один немец дал мне пропуск в лазарет к маме. Собралась в поход, а на душе больно: знаю, мама голодная, а отнести ей нечего.

В воротах у меня проверили пропуск и, ни слова не говоря, пропустили. Я повернула направо и увидела высокий белый дом. Это был лазарет. Там тоже стояли патрули. Они посмотрели бумагу и сказали:

— Второе крыльцо налево.

Иду. С крыльца сразу вход в комнату, а там трое дверей. Мне почему-то захотелось пойти прямо. Стучусь.

— Мо-ожно-о,— доносится голос как будто из-под земли.

Вхожу. Стоят шесть кроватей. На каждой кровати лежат по двое — по трое. Спрашиваю:

— Нет ли здесь, тетеньки, моей мамы?

— А как ее звать, маму-то? — спросила одна из женщин.

Не успела я ответить, как послышался голос:

— Манечка, доченька!..

Это была мама! Лежала она вдвоем с какой-то женщиной. Я не узнала ее: она была желтая, как воск, опухшая, говорила с трудом. Начала расспрашивать меня про остальных детей.

— Ничего, мамочка,— говорю я,— нам теперь три раза дают есть, и мы стали поправляться.

— Правда, Манечка, ты вроде немного поправилась,— радостно сказала мама и заплакала.

Она заметила, что я начинаю пухнуть, и подумала, что поправляюсь. Я села близенько-близенько возле своей мамы, прильнула к ней, и мне было

так хорошо... А она все говорила, говорила. Говорила, как славно будет, когда наши побьют немцев.

— Только гляди, Манечка, за Антосем и за остальными.

Я ответила:

— Хорошо.

Очень хорошо было сидеть и говорить с мамой, да время не позволяло. Сюда разрешалось заходить только на два часа. Мы крепко-крепко поцеловались, и я пошла. Плелась, едва переставляя ноги.

Назавтра нам в первый раз дали супу из капустных кочерыжек, заправленного червями и такого жиденького, что я в своем котелочке нашла только половину кочерыжки, восемь перловых крупинок и десять червяков. Мы просто диву давались: откуда они берут столько червей? В ложках у нас нужды не было — мы пили суп прямо из своих котелков или мисок.

После завтрака получили приказ — собираться на работу. Подкатили машины, мы погрузились и поехали. Куда — никто не знал. Я очень боялась, как бы не увезли в другой город: тогда бы мне больше не увидеть своей мамы.

Но нет, остановились мы в городе, перед воротами большой фабрики. Вылезли из машин. Женщинам велели идти направо, а нам, детям, — налево. Женщин повел один немец, нас — другой.

На фабрике каждой из нас дали работу и сказали: — Кто где сегодня поставлен, там и будет работать. За смену места — пять плетей или 24-й барак.

Плети и 24-й барак знали мы все.

Меня приставили к какой-то машине, из которой выходили винтики. Работали с восьми часов утра до восьми вечера. Обеденный перерыв — один час. В двенадцать часов дня нам дали обед: тридцать граммов черствого хлеба и тот же суп из кочерыжек. Очередь за супом была большая, но я дождалась. По-

лучив кусочек хлеба, я там же проглотила его: суп выпила до дна. И вдруг как будто что-то кольнуло меня — я так и подскочила. Что ж я наделала, съела весь хлеб и не оставила больной мамочке!

На другой день после завтрака нас построили парами и погнали по мостовой. По тротуарам ходить нам было запрещено: это позволялось только немцам. У каждой из нас на левом рукаве была нашивка: «ОСТ». В нашем бараке всем по порядку накалывали и номер. У меня он и сейчас виден на левой руке — 61506.

Когда мы шли по улице, немецкие дети плевали на нас, приговаривая: «Русише швайне!» Мы только сжимали в кулаки руки в длинных рукавах: мы знали, что наши не сегодня, так завтра придут сюда с победой и принесут нам свободу.

Проработав на фабрике пять дней, я выпросила выходной. Мне очень хотелось навестить больную маму. Бегу по знакомой дороге в лазарет. У меня два кусочка хлеба и суп в котелке. Сердце готово выскочить от радости. Увижу маму, отдам хлеб и снова прижмусь к ней крепко-крепко. Она снова станет говорить о будущем, чтобы утешить меня: «А наши все-таки побьют немцев...» Вот и знакомая дверь, стучусь. Тишина, никакого ответа. Отворяю дверь и направляюсь прямо к тому месту, где лежала моя мама. Пусто, только на каждой кровати лежит одежда. Я подумала: наверно, куда-нибудь перевели всех больных. Но это было не так. Вслед за мною вбежал какой-то немец, стал махать руками, топать и кричать: «Тифус! Тифус!» Что еще он кричал, я не понимала. Поняла только, что все умерли. И моя мама.

Хлеб и котелок выпали у меня из рук. Немец схватил котелок, ударил им меня раз пять по голове и вытолкнул за дверь.

Я проплакала всю ночь напролет. Перед глазами у меня стояла мама. Возникало в памяти небольшое

строение возле нашего барака с надписью «24-й барак — теплая вода». В него загоняли людей, плотно закрывали двери и пускали газ. Отравленных отправляли в печь. Золу из этой печи высыпали у нашего барака — немки брали ее на удобрение для своих огородов. «Может быть, и мама умерла такой страшной смертью», — думала я.

Наши люди мерли, как мухи. Женщин становилось меньше с каждым днем. Мы, дети, легче переносили голод, холод и разные болезни. После смерти мамы я прожила в том бараке еще два месяца.

Однажды — это было в субботу — у нас почему-то не стало видно ни одного немца. Мы начали разбредаться кто куда. Каждый хотел раздобыть чего-нибудь поесть.

Город наполнился американскими солдатами. Они собрали нас всех вместе и через некоторое время отвезли в Берлинхен, где мы пробыли два месяца. Потом здесь появились наши, советские командиры. Они собрали нас и повезли на родину. Скоро мы приехали в город Поставы.

Сколько было радости и счастья, когда мы встретили своих! Нас, детей, было очень много, и все мы до гроба будем помнить страшные дни и месяцы, прожитые в проклятой Неметчине.

МАНЯ КУЗЬМЕНКОВА (1932 г.)

г. Витебск, ул. Витебская, 34.

ГИБЕЛЬ «ТИГРА»

Перед войной мои родители поехали на работу в Западную Белоруссию. Мы поселились в районном центре Жабчицы, Пинской области. Папа заведовал гаражом, а мама была шофером. Весной 1941 года

мне исполнилось семь лет, и я с нетерпением ожидал дня, когда пойду в школу.

22 июня мы всей семьей собирались ехать в Пинск фотографироваться. Даже бабушка не хотела оставаться дома. Папа обещал взять с собой и ее.

Накануне выходного я лег спать пораньше, чтобы лучше выспаться. Но выспаться не удалось: едва рассвело, как меня разбудил страшный грохот. Где-то совсем близко раздался взрыв, за ним другой, третий... Было пять часов утра. Папа торопливо оделся и пошел в гараж. Я, мама, бабушка и мой младший брат Шурик побежали прятаться в поле. Оттуда я видел, как горели дома, рвались бомбы. Немецкие самолеты прилетали через каждые два часа. Ночевать мы остались в поле, а утром пришли домой. От соседей узнали, что папу мобилизовали в армию и он еще вчера уехал на машине. Больше мы его не видели.

Вечером немцы налетели снова. На следующий день маму вызвали в военкомат. Там ей дали машину, заполненную женщинами и детьми и приказали ехать на восток. Мама посадила нас на машину, и в тот же день мы выехали из города. В Житковичах мама сдала машину, и дальше мы поехали эшелоном. В дороге заболела бабушка. Мы не знали, что делать. В Речице мы сошли с поезда. Мама порасспросила, что это за город, большой или маленький, можно ли поступить на работу. В конце концов мы подыскали квартиру на Вокзальной улице и стали там жить.

Сначала думалось, что немцев скоро отгонят и мы вернемся домой. Но немцы все шли и шли. Вскоре они заняли и Речицу. Жить стало трудно. Есть было нечего, денег тоже не было. Мы с Шуриком старались не подавать виду, что нам хочется есть. Изредка мама приносила картошку, а зимой жарила картофельные очистки в печи на сковородке. Очистки — подрумяненные, хрустящие на зубах — казались мне очень вкусными. Сейчас я их, конечно, не стал бы есть.

Я все время рисовал пушки, танки. Пушки со звездочками подбивали немецкие танки. Нам очень хотелось, чтобы пришли наши.

Как-то вечером мама пришла домой веселая.

— Скоро наши придут, — сказала она.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Тогда мама показала мне листовку и газету «Комсомольская правда», в которых писалось про суд над немцами в городе Краснодаре.

— Нужно, чтобы все наши люди узнали об этом, — сказала мама и велела мне незаметно разбросать пачку листовок на бирже.

Потом она еще несколько раз давала мне листовки и я разбрасывал их в городском управлении, на бирже, а однажды даже в полиции.

Так прошло с полгода. В сентябре 1943 года маму арестовали. Бабушка позвала нас и сказала:

— Вам нужно прятаться. Маму будут пытаться и мучить, и если она что-нибудь расскажет, нас всех расстреляют. Я уже стара и далеко не уйду. А вы, если будете играть на улице и увидите, что идут эти немцы, домой не ходите, а бегите в лес. Там вас найдут партизаны.

Первую ночь мы с братиком провели в траве под забором. Мы уже думали податься в лес, но на седьмой день мама вернулась из тюрьмы.

Однажды, когда я играл во дворе, мама позвала меня в дом. Когда я вошел, она плотно прикрыла дверь, задернула занавески на окнах, а Шурика вывела на улицу. Потом сказала мне:

— Толик, ты хочешь, чтобы скорее пришел наш папка?

— Конечно, хочу.

— Тогда ты должен помочь мне. На углу Луначарского и Ленина стоит фашистский танк «тигр». Я дам тебе мину, ты пойдешь со мной и подложишь ее под танк.

— А если немцы поймают нас — расстреляют? — спросил я.

— Если действовать умно и осторожно, все будет хорошо. Зато, когда придут наши, ты сможешь сказать, что тоже помогал гнать немцев.

Мама вышла во двор и скоро вернулась, неся что-то завернутое в тряпицу. Когда она развернула ее, я увидел небольшую черную коробочку.

— Это мина, — сказала мама.

Я испугался, что мина взорвется, и отскочил назад.

— Не бойся, она взорвется только через шесть часов. Это мина магнитная. Ты не успеешь ее приложить, как она сама прилипнет к танку.

И мама поднесла мину к железной кровати. Она так крепко прилипла, что мы еле оторвали ее. Потом мама вынула из мины какую-то палочку, похожую на карандаш, надела на палочку продолговатый красный колпачок, потянула за что-то и сказала:

— Мина завелась. Сейчас пять минут шестого, нужно спешить.

Я надел полотняные штаны, которые бабушка сшила мне из мешка. Там был большой карман, и я положил туда мину. Сверху набросил пальто с дырявым карманом и через дырку придерживал мину рукой, чтобы она не болталась. Мама сказала:

— Если немцы заметят тебя и будут кричать «стой», ты не останавливайся и домой не иди, а беги дворами и огородами.

Она поцеловала меня, и мы вышли на улицу. Мне казалось, что все-все смотрят на меня, как будто знают, что у меня в кармане мина. Мама шептала:

— Не бойся.

По ее лицу было видно, что она тоже волнуется. Скоро мы дошли до улицы Ленина. Мама остановилась в переулке. Дальше я пошел один. Возле танка никого из немцев не было. Танкисты, видно, отдыхали

в доме напротив. Оттуда слышался хохот и песни. Посреди улицы стоял высокий рыжий немец-регулирующий. Мимо него проносились машины, мотоциклы, тащились повозки с ранеными. Немцы отступали. Мы узнали об этом еще вчера от знакомого партизана, который служил в полиции.

Неподалеку от танка малыши играли в войну. Одни наступали, другие отступали. Я присоединился к отступающим и старался отступать, держась поближе к танку. Бежать быстро я не мог: мешала мина. Наш командир стал смеяться надо мной:

— Эх ты, вояка! Даже бегать не умеешь.

Когда наступающие стали забрасывать нас бумажными гранатами, мы бросились прятаться кто куда. Я спрятался за танк, потом полез под него. Вспомнил: мама говорила, что мину нужно пристраивать с правой стороны. Я расстегнул пальто, достал мину и едва только дотронулся ею до металла, как она присосалась. Тогда я выскочил из-под танка и с криком «ура» бросился на наступающих. Они закричали:

— Неправильно! Ты должен отступать!

Но я продолжал бежать прямо на них. За мной поспешили и все наши «отступающие». Пробежав немного, я свернул в одну, другую улицу. Домой идти было нельзя, и я направился к реке, а оттуда — в парк.

«А что, если мина не взорвется или немцы найдут ее?» — думал я.

Незаметно наступили сумерки. Когда я пришел домой, было уже совсем темно. Мама сидела на скамье у окна и что-то шила.

— Ну, что? — спросил я.

— Танк уже ушел оттуда.

— Так мы даже не будем знать, взорвался он или нет?

— Мне сказали, что он остановился на ночь у бензоколонки, недалеко от железной дороги.

Я лег спать, а мама всю ночь просидела у окна.

Утром в городе было шумно. Люди говорили, что ночью в Речице побывали партизаны и взорвали фашистский танк. Маме нужно было пойти в отряд, но до часу дня никого не пропускали ни из города, ни в город. Под вечер она собралась и ушла.

Спустя три дня к нам пришла знакомая тетя Шура и сказала:

— Собирайтесь, малыши, пойдём к вашей маме.

Ее муж был с мамой в одном отряде. Идти было далеко — километров двадцать. Наконец мы пришли в лес. Устроились в шалаше из ветвей с дыркой вверху для выхода дыма. Но все равно там было так дымно, что слезы текли из глаз. Потом пришла мама и отвезла нас к знакомой женщине из другого отряда.

Мы пробыли у нее несколько дней, пока немцы вдруг не начали окружать лес. Часть партизан вступили с ними в бой, а мы вместе с остальными двинулись в глубь леса. Идти старались тихо, чтобы не слышали немцы. Впереди женщина, у которой мы жили, за нею — мы с Шуриком. Шли всю ночь. Когда рассвело, женщина вдруг остановилась:

— А где Шурик?

Только тут я заметил, что Шурика нет. Женщина очень испугалась: как же так, не уберегла мальчишку. На другой день мы нашли Шурика в отряде Ворошилова. Когда наш отряд стоял на привале, подъехали ворошиловцы и говорят маме:

— Ступай забирай своего сына.

Мы обрадовались и побежали к ним. Прибегаем и видим: сидит Шурик на повозке, грязный, лицо черное, как чугун, в руках — огромный кусок хлеба. Мама спрашивает:

— Где же ты был?

А он молчит. Тогда партизаны рассказали, как они нашли Шурика. Они ехали лесом и видят: в кустах, шагах в пяти от дороги, лежит мальчишка. Подумали,

что неживой. Подошли, видят: нет, спит. Разбудили и спрашивают:

— Где твоя мама?

Шурик сказал, что мама в отряде имени Фрунзе.

— А ты как очутился тут?

— Не мог идти. Сильно заболели ноги и спать хотелось.

Потом Шурик говорит маме:

— А я тебя видел, когда лежал у дороги. Ты раненых везла.

— Почему ж ты не позвал меня?

— Так что, я кричать бы стал? Чтобы продать весь отряд немцам? Командир сказал, что кричать нельзя.

Назавтра мы переехали в деревню Толстыки, километрах в сорока от того места, где находился отряд. Там и оставались до самого прихода наших. А потом снова вернулись в Речицу.

ТОЛЯ ЗАХАРЕНКО (1934 г.)

г. Речица, ул. Советская, д. № 10.

БУДУ ПОМНИТЬ

Нашу деревню подожгли немцы. Моя мама, бабушка и я с братом Толиком убежали в лес. Назавтра, когда мы вернулись из лесу, деревни уже не было — она сгорела дотла. Над пепелищами стоял удушливый дым. Задымленные трубы торчали, как памятники на кладбище.

Мы всей семьей пошли в соседнюю деревню Воротынь, где жила моя тетка. Там мы оставались недолго. На деревню, как коршуны, налетели немцы, подожгли ее, а всех жителей от мала до велика погнали неизвестно куда. Долго гнали нас по незнако-

мым местам. Кто отставал, не имея сил идти, тех подгоняли резиновыми палками и прикладами. От ходьбы ноги у меня распухли и посинели. Мама несла на руках Толика. Она так устала, что едва волокла ноги. Лицо ее было страшно — белое-белое, с незнакомыми глазами, и все мокрое не то от пота, не то от слез. Мама долго несла Толика и не заметила, как он умер у нее на руках. Сначала он вроде уснул, а потом и умер, бедный, должно быть от голода и жажды.

Два месяца нас гнали куда-то. Потом на какой-то станции всех посадили в вагоны и повезли. Людей мучила жажда. Я видел, как некоторые, чтобы утолить ее, припадали губами к влажным доскам вагонных дверей.

Поезд остановился в каком-то лесу. Людей выгнали на широкую поляну, на которой стояли бараки. Вокруг барачных тянулись ряды колючей проволоки и было очень много часовых. Кто-то сказал, что это концентрационный лагерь.

Маму мою сожгли, бабушка тоже умерла, и я остался из всей семьи один. Я не припомню, сколько времени провел в лагере.

Однажды утром произошло что-то необыкновенное. Нас не будили, как обычно, резиновыми палками, у дверей не было часовых. Когда мы вышли из барачных, во дворе уже были красноармейцы. Многие плакали от радости. Один солдат взял меня на руки. Я подумал: «Вот какой он сильный — такого большого, а как легко на руках держит».

Солдат держит меня, а у самого на глазах слезы...

АРКАДИЙ НАУМЕНКО (1935 г.)

Жлобинский район.

МОЯ ПОМОЩЬ

В одну из весенних ночей 1943 года в окно нашей хаты тихо постучали. Мама подошла к моей кровати и шепотом сказала:

— Сынок, ты слышишь? Кто-то стучит. Вчера говорили, что в комендатуру приехало много немцев. Наверно, это они... Вот когда нам конец...

— Слышу,— ответил я и задумался.

Комендатура была в Дукорской МТС, в каком-нибудь километре от нашей деревни Дукорки. Конечно, могли наскочить немцы, но они так осторожно не стучались бы. А партизаны в таких случаях прячутся за стеной, и можно увидеть только руку. Этот же человек стоит во весь рост, и я отчетливо вижу его силуэт. К тому же, стук очень знакомый, слышанный прежде. Значит, стучит свой. Я чутко прислушиваюсь. Стук повторяется.

— Мама, это свои...— говорю я и вскакиваю с постели.

— Тише ты! — шипит на меня мама, подходит к окну и вполголоса спрашивает: — Кто там?

— Мама, открой...

Мама выходит в сени, за нею спешу и я. Лязгнув засов, бесшумно отворилась дверь, и через порог шагнул мой брат-партизан. Мама бросается ему на шею. Брат целует ее, потом меня и говорит:

— Зайдем в хату.

Войдя, он поцеловал младшего братика, сестричек. Потом сел у стола и начал расспрашивать про здоровье, про житье-бытье. Мама все рассказала.

— А ты как живешь? — спросила она.

— Как видишь, жив, здоров,— весело проговорил брат, поглаживая меня по голове.

Мама стала говорить, чтобы он поберегся, потому что в комендатуру прибыло пополнение.

Брат попросил маму, чтобы она приготовила че-

го-нибудь поест на двоих, а потом обратился ко мне:

— Шурик, мне нужно накормить двух лошадей. Найдется для них что-нибудь?

— Найдем, — ответил я.

Мы вышли во двор. Только я хотел отворить двери сарая, где у нас было сено, а брат мне и говорит:

— Не надо, лошади накормлены. Садись, лучше потолкуем.

Он сел на камень и стал расспрашивать, боюсь ли я немцев, бывают ли они в деревне, трудно ли попасть в комендатуру.

Немцы не раз приносили в деревню сахарин, брошки и меняли их на яйца. Если один немец заходит в хату, я не боюсь. А вот когда человек шесть-семь, тогда страшновато. Думаешь, что идут за нами. Из нашей деревни в партизанах пока два человека, и немцы могут прийти и забрать партизанские семьи. Но они боятся партизан. Бывая в деревне днем, они каждый раз спрашивают:

— Партизан никс?

И в комендатуру я ходить не боюсь. Немцы не знают, что у меня брат — партизан, и пропускают. Такие, как я, носят им в комнаты дрова, возят воду, чистят лошадей. Сначала комендатуру огородили колючей проволокой, а сейчас делают стену в метр толщиной. Ребята туда ходят покупать сигареты.

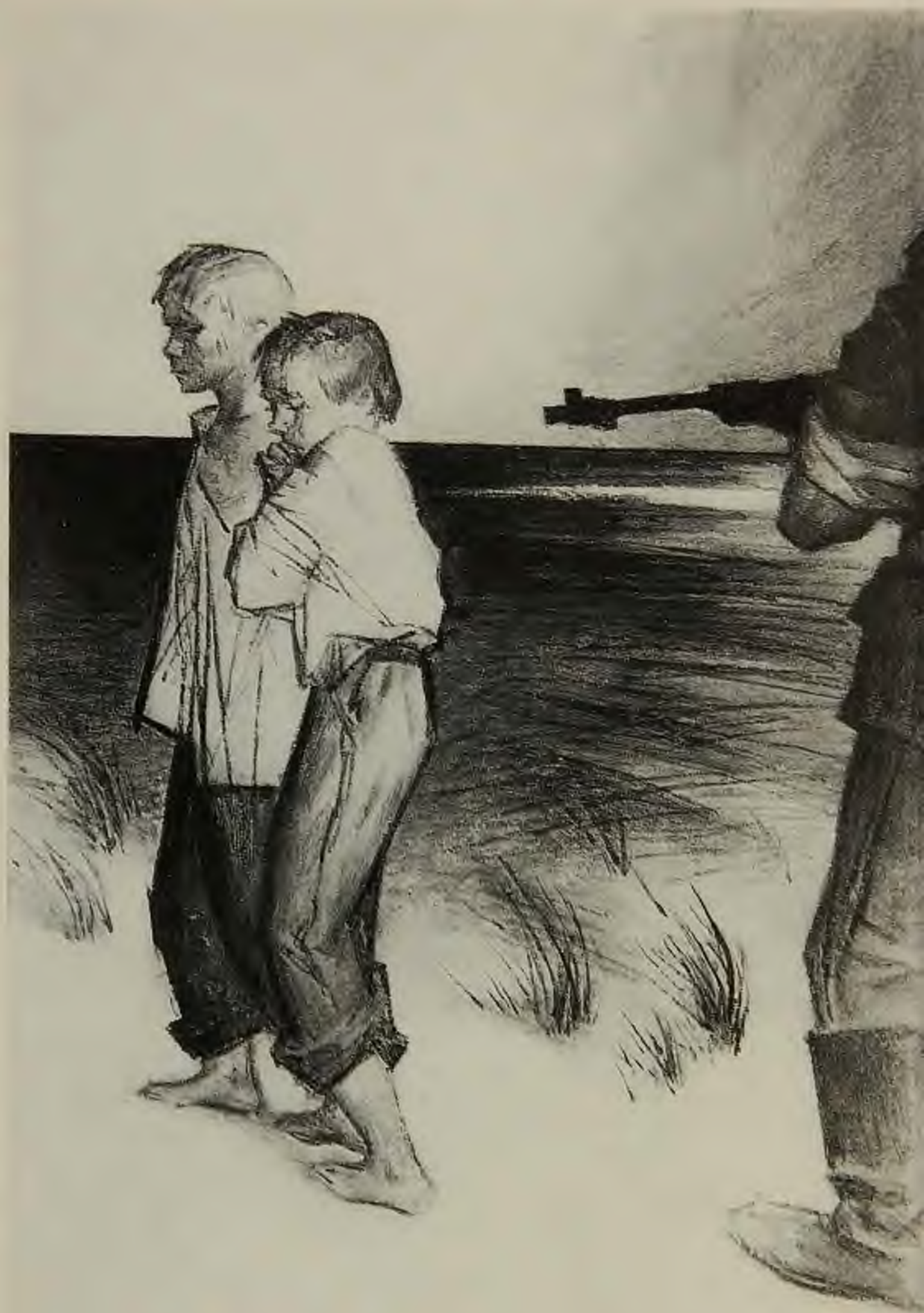
— Вот что, — говорит мне брат, — сегодня утром сходи в комендатуру, как будто тебе надо купить сигарет, и постарайся разузнать про немцев, что приехали вчера: сколько их, на чем приехали, как одеты, какие у них знаки различия. Обо всем этом расскажешь мне. После обеда приходи на пожарище (так у нас назывался один далекий участок леса). Там я тебя встречу...

— Сынок, уж не думаешь ли ты и Шурку забрать с собой? — раздался вдруг рядом мамин голос.

— Нет, мама, — ответил я, — это он говорит, где

«В те дни»

«Две могилы»

встретиться, если нам придется убежать от немцев.

Брат спросил:

— Мама, ты приготовила поесть?

— Ага, идите, — ответила мама.

— Ладно. Иди в хату. Сейчас и я приду.

Когда мама ушла, брат сказал:

— Ну вот, Шурик, я буду ждать тебя на пожарище. Запомни, как подойдешь к лесу, начинай петь: «Выходила на берег Катюша». Это на случай, если я не смогу прийти, а будет кто-нибудь из наших. Тебя спросят: «Груши есть?» Ты отвечай: «Есть». Это условный знак. Тому человеку можешь рассказать все. Понял?

— Все понял, — ответил я.

— Вот так будешь помогать нам.

— А винтовку мне дадите? — поинтересовался я.

— Дадим, когда возьмем тебя в отряд. Если будешь хорошо справляться, скоро возьмем.

Брат с товарищем перекусили и поехали. Я лежал в кровати и думал, как лучше выполнить его задание, собрать подробные сведения. Перед глазами стояли немецкие машины с непонятными знаками, немцы загораживали мне дорогу и говорили: «А, ты посланец партизан!» Хватали и допрашивали, но я им не говорил ни слова... Потом чудилось, что я партизан, у меня есть винтовка и я вместе со всеми хожу на задания...

С такими мыслями я и заснул.

Когда проснулся, мама уже топила печь. Я оделся, взял пяток яиц и, не говоря ей ни слова, вышел из дому. Иду, думаю, как обо всем разузнать. За мною ползет страх, но я стараюсь прогнать его. За спиной слышу чьи-то шаги. Оглядываюсь. Меня догоняет знакомый паренек Володя.

— Шура, идешь в комендатуру на работу? — спрашивает он.

— Нет. Сигарет купить...

Подходим к немецкому посту. Стоят двое: немец и полицай. Немец глядит на меня и, кажется, вот-вот скажет: «Куда идешь? Партизаны послали?» Но нет, он вдруг кричит:

— Сигареты! Сахарин! Яйки никс?

— Никс,— отвечаю я.

— Шура, ты ведь шел покупать сигареты,— шепчет Володя.

— Этот обманет,— говорю я.— Выменяю в комендатуре.

От сердца отлегло. Шагаю смелей и мысленно говорю себе: «Где им догадаться, что я иду в разведку! Таких, как я, тут шляется много».

Ребята, что пришли пораньше, неподалеку от комендатуры пилят и колют дрова. Больше никого вокруг не видно. И машин никаких нет. Вот и комендатура — высокое двухэтажное здание. Поднимаюсь по ступенькам. Навстречу выскакивает немец, хватает меня за плечо и кричит:

— Гольц! (Дрова!)

Вместе с немцем возвращаюсь за дровами. Ну, думаю, теперь-то я попаду в комнаты. Набрали дров и несем. Но не в комнаты, а на кухню. На дворе тепло, и в комнатах не топят. Не везет. На обратном пути сворачиваю, открываю первую попавшуюся дверь и вижу двух офицеров. Достая яйца и прошу сигарет. Один берет яйца и дает мне сигару, другой показывает, чтобы я почистил ему сапоги. Я рад, что могу задержаться в комнате.

Первый встал, оделся и повесил на шею какую-то бляху с орлом. Прежде я таких не видел. Наверно, это те и есть, что вчера приехали.

Почистив сапоги, я вышел и отправился на конюшню. Там встретил ребят, которые ходили сюда каждый день. Разговорился с Володей и узнал от него, что в комендатуру приехала полевая жандармерия, а немцы, которые тут были, уезжают.

После конюшни решил зайти еще куда-нибудь — у меня ведь оставалось два яйца. Попал в караульное помещение, но произвести обмен не удалось: там было что-то вроде собрания, и меня сразу выгнали.

Я решил, что хватит мозолить глаза немцам, и с теми сведениями, которые успел собрать, отправился домой. Шел, гордо глядя по сторонам, и чувствовал себя совсем взрослым: я ведь помогаю партизанам.

Второй раз пошел в комендатуру через день. Увидел, как грузились на машину последние немцы из тех, что стояли у нас раньше.

На их месте осталась полевая жандармерия и лица из смитовичского гарнизона.

Вскорости я уже знал, что в гарнизоне есть два поста и одна наблюдательная вышка, что всего тут насчитывается сто человек с двумя станковыми и десятью ручными пулеметами, что все жандармы вооружены автоматами, а их человек пятнадцать. Все эти сведения я передал партизанам.

Однажды мы ужинали. В хату вошел сосед дядя Алексей и стал рассказывать, что он сейчас встретил одного человека из деревни Турец, который на ночь глядя шел зачем-то в нашу деревню.

— Подозрительный он, — сказал дядя Алексей. — Доброму человеку незачем такой порою тащиться из партизанской деревни в комендатуру.

Я бросил ложку и, не дослушав, что еще говорил сосед, выбежал на улицу. Начинало темнеть. Я почти бегом направился в комендатуру. В конце деревни нагнал старика. Он был в лаптях, ноги до колен обмотаны онучами. «Тот самый, — подумал я. — Так обуваются только в Турце». Я замедлил шаг и стал следить, куда он пойдет.

Недалеко от комендатуры проходила канава и росли кусты. Я заметил, как из канавы одна за другой стали появляться темные фигуры. Старик поравнялся с ними, и тогда до моих ушей долетели немецкие слова. Я дога-

дался, что это немцы отправляются в засаду, и повернул назад.

Миновав домов восемь, остановился. Было страшновато, но желание узнать, куда они пойдут, пересилило. Ищу места, где бы можно было переждать, чтобы пропустить их вперед и уже сзади следить за ними. На улице совсем стемнело. Шаги приближаются, рассуждать некогда. Ага, под ногами мостик. Это напротив Веремейчика. Залез под мостик, сижу, жду. Сейчас немцы пройдут надо мной.

Но что такое: голоса удаляются. Значит, возле Веремейчика немцы свернули в проулок. Я осторожно вылезая из своего укрытия и, пригибаясь, бегу по проулку. Вдали вижу немцев. Прижимаясь к заборам, крадусь вслед за ними.

Миновав проулок, немцы вышли на дорогу, которая проходила задами. Начались сады. Я выбрал удобное место, в вишняке, и перемахнул через забор. Теперь иду почти рядом с ними, только они по дороге, а я — огородами.

Немцы дошли до участка Савича и остановились. Я притаился на огороде Макара Коляды. Часть немцев осталась на огородах Савича и Ивана Камейки, а часть двинулась дальше.

Я догадался: по дороге, которая проходит здесь, часто ездят партизаны из Турца в нашу Дукорку. Вот немцы и решили подстеречь их.

Когда засада разместилась, я через огород Ивана Шичко осторожно пробрался на улицу, перешел на другую сторону и направился домой. На улице кое-где сидела молодежь.

Всю дорогу я думал, как предупредить партизан. Бежать к ним? Но где их найдешь? Я прикидывал и так и этак. Голова гудела от мыслей. Ничего не придумал и решил посоветоваться с мамой.

Узнав про немецкую засаду, мама встревожилась не меньше меня. Мы жили у самого леса, и партизаны

должны были появиться как раз с этой стороны. Мама посоветовала встретить их здесь и предупредить.

Я зашел за крайнюю хату и прислушался. Вокруг было тихо. Постоял минутку и побежал к дороге. Послушал — ничего. Вернулся на старое место. Мама стояла у ворот. Я сказал, чтобы она шла домой, а сам остался. До самого утра ходил то туда, то обратно. И все ничего не слышно. Значит, партизаны сегодня не придут. Жалко, что не удалось им удружить. Зато и немцы напрасно просидели ночь в засаде.

Назавтра пошел в деревню Чеславое повидаться с партизанами. Встретился, рассказал обо всем.

— Проследи и узнай, что там за старик, — велел мне партизанский связной.

На другой день под вечер я возился во дворе и неожиданно увидел того самого старика. Он ехал на подводе Сергея Верчука. Я выбежал на улицу. Как раз с поля возвращалась мама. Я показал ей на старика и спросил, кто он такой. Она сказала, что это Гиринский, из Турца, и что он до самой войны оставался единоличником.

Возле своего дома Верчук остановился, а старик пошел дальше. Скоро он свернул в комендатуру.

Обо всем этом я рассказал брату, но следить за стариком мне уже не пришлось. Позже я узнал: партизаны подстерегли его, и он получил по заслугам.

Пришла зима. Однажды мы с младшим братиком и сестрами завтракали, а мама готовила корове пойло. Потом она помыла руки и говорит:

— Шурик, помоги отнести корове.

Я оделся, и мы вынесли дежку во двор. Прошли шагов пять и видим — идут четыре жандарма с автоматами наперевес.

— Шурик, жандармы!.. За нами... Вот когда конец, — шепнула мама.

Офицер в этот момент грозно крикнул:

— Хальт!

Бежать было некуда. Мы остановились. Подошли немцы. Офицер вылупил глаза на маму и заорал:

— Ты Фатинья Гуло?

Перепуганная мама ответила:

— Нет, пан...

Тем временем я подскакиваю к офицеру, хватаю его за рукав и говорю:

— Пан, это не она. Фатинья Гуло пошла доить корову. Пойдемте, я покажу.

Немцы двинулись следом за мной. На ходу я услышал тихий голос мамы:

— Веди к Алексею.

Захожу во двор и направляюсь к хлеву. Немцы идут за мной. Возле дверей я оборачиваюсь и показываю:

— Вот тут ее корова.

Солдаты бросились в хлев, а я только собирался дать драпака, как голос офицера остановил меня. В хлеву никого не было. Немцы выскочили оттуда злые и, подталкивая меня вперед, выбежали на улицу. На том месте, где недавно стояли мы с мамой, я увидел только дежу, над которой поднимался пар. Это успокоило меня. Значит, мама успела убежать.

Иду и думаю, как бы убежать и мне. Солдаты едва не наступают на пятки. Вдруг офицер толкнул меня во двор Ганны Камейко. Заходим в дом. Нас встречает сама хозяйка.

— Гуло здесь нет? — спрашивает у нее офицер.

Я гляжу на нее и изо всех сил моргаю, чтобы она молчала. Она, видно, не поняла меня и говорит:

— Нету, паночек... А вот ее сын. Он же должен знать, где она.

Когда я услышал эти слова, у меня потемнело в глазах, невольно накатились слезы. Офицер, оскалив зубы, резко повернулся, ударил меня прикладом автомата в лицо и вытолкнул на улицу.

Пока шли к нам домой, меня все время пыряли автоматами в спину. Кроме трехлетней сестрички, дома никого не оказалось. Перевернув все вверх дном и ничего не найдя, немцы повели меня в хату к Николаю Людчику. Там сидело четверо женщин. Офицер подвел меня к первой и спросил:

— Матка?

Не успел я проговорить «нет», как он мне — раз! — кулаком в зубы.

— А это?

— Нет.

И снова — раз... И так четырежды.

Изо рта у меня потекла кровь. Я стал вытирать ее рукавом. Офицер велел выходить. Во дворе он еще раз двинул меня кулаком, да так, что я не удержался и полетел в снег. Другой немец поднял меня и толкнул вперед. Привели в комендатуру.

— Кляйн партизан, кляйн партизан, — услышал я злые голоса.

Меня отвели в караульное помещение, а потом — в колодную. В холодной сидел Николай Ахремчик. Его сразу же выпустили, и я остался один. Припомнились события сегодняшнего дня. Сердце у меня сжималось от боли. Мысли в голове путались. Наконец, после долгого раздумья, пришел к выводу: если погибать, так уж лучше мне, чем маме. У нее вон еще трое, и все меньше меня. Если ее убьют — конец малышам. А так она их спасет. А может, и меня не убьют...

В камере холодно — зуб на зуб не попадает. Я набрался смелости и постучал в дверь. Немец звякнул ключом, отворил и вывел на двор. Было совсем темно. На небе светились звезды. Потом снова в темной камере. Выпустят или нет? Спустя несколько минут меня позвали на допрос. Начиналось самое трудное. Как только я вошел, офицер, который вел допрос, заорал на меня:

— А, кляйн бандит! Почему не сказал, что был с маткой?

— Я был с Сашей Горбацевич.

Удар по голове.

— А где старший брат?

— Поехал в Минск на работу. Где сейчас — не знаю.

— А кто убил помощника коменданта и двоих солдат прошлым летом? — последовал новый вопрос, как будто я все это должен был знать.

Меня снова бросили в камеру. Всю ночь провалялся я, как мешок, на полу. А назавтра снова допрос. Вошел в комнату и ни на кого не гляжу — глаза не поднимаются. Меня подтолкнули к самому столу. Комендант расспрашивает про семью. Говорю, что приходит в голову, как не в своем уме. Наконец комендант увидел, что никакого толку не добьется, и приказал вывести меня. За дверью меня обступили полицейские и стали высказывать свои соображения.

Через дверь я слышал, что у коменданта идет разговор обо мне. А потом объявили, что я могу идти домой. Видно, что-то затеяли.

Забыв про боль во всем теле, я выскочил во двор и чем дальше отходил от комендатуры, тем шагал быстрее и быстрее. И наконец так припустил по дороге, что ног под собой не чуял.

Через три часа я был в деревне Чеславое, где меня встретили мама, брат и партизаны. Она завели меня в дом, покормили, обогрели и попросили рассказать о том, что было со мной. Когда я кончил, подошел брат и сказал:

— Ну, Шурик, ты свое сделал, теперь очередь за мной. Пойдем в лагерь. С сегодняшнего дня ты партизан.

АЛЕСЬ ГУЛО (1931 г.)

г. Дзержинск, Минская область.

ПРО НАШУ СЕМЬЮ

Немецкие фашисты напали на советскую страну. Добрались они и до нашей деревни. Стали ходить по хатам и расспрашивать, бывают ли у нас партизаны. Все говорили «нет», и они уехали.

Потом как-то раз партизаны взорвали мост на шоссе. Немцы наскочили снова и стали бегать, искать партизан.

Мы все убежали в лес. Нас было десять человек: папа, мама, шестеро сестричек, брат Миша и я. Сестричек звали Маня, Надя, Галя, Соня, Зина и Нина. Мы прожили в лесу чуть не месяц. Тем временем фашисты сожгли в нашей деревне несколько домов и сараев, натешились и уехали.

Из нашей деревни все жители убежали. А одна девушка со своим братишкой ехала из Минска и не знала, что в деревне немцы. Немцы схватили ее и стали мучить. Как она ни просила, не сжалились. Потом, придя домой, она рассказала обо всем своему отцу. Отец пошел к партизанам, и они приехали в нашу деревню. Они хотели отомстить за девушку. Но немцев уже не было.

В нашей деревне стало тихо, и мы вернулись из лесу в свой дом. Однажды вечером к нам приехали партизаны. Мама принялась готовить им ужин, а партизаны о чем-то разговаривали с отцом. Когда ужин был готов, они сели за стол. Вдруг мама слышит — во дворе какой-то треск. Выходит — а там немцы. Они окружили наш дом и забрали маму, папу и двоих партизан. А сестру Маню ранили и не взяли ее.

На другой день немцы снова приехали к нам, хотели забрать раненую. А ночью, после немцев, приезжали партизаны и взяли мою сестру в отряд. И брат Миша тоже пошел в партизаны. Мы остались одни.

Во время блокады моего брата Мишу убили. А в

отряде он хорошо сражался: как ни пойдет в разведку, обязательно хоть одного немца да убьет. И его самого убили. Как нам его жалко. Остались без мамы, без отца; один братишка был — и того убили.

Сестра Маня пришла из партизан и стала жить с нами. Как-то раз она поехала в Минск, и там ее арестовали фашисты и посадили в тюрьму. Она сидела в тюрьме три недели. Вместе с нею там были мужчины. Однажды они выломали окно и вылезли, и моя сестра вылезла, и все, кто мог. Там были и старые люди, которые просидели по четыре месяца, так они уже были без сил, там и остались на погибель. А сестра воротилась к нам.

Когда пришла Красная Армия, вот уж была радость. Кончились наши мучения. У маленькой Ниночки красноармейцы спросили, где ее отец. Она сказала:

— Моего папку забрали немцы.

Ей было пять лет.

ТАНЯ ЗОЛОТОРЕНОК (1935 г.)

г. Брест, ремесленное училище № 26.

В НЕВОЛЕ

К нам стали заходить незнакомые люди. Они по долгу о чем-то шептались с матерью. Потом и она стала исчезать из дому. Меня разобрало любопытство. Я не выдержала и спросила:

— Куда ты все ходишь, мама?

— К знакомым, — ответила она.

Однажды мама вернулась на рассвете, усталая и озабоченная. Я подбежала к ней, обхватила за шею и снова спросила, где она так долго была. Она ласково посмотрела на меня, погладила по голове и сказала:

— Зоинька, некогда мне с тобой разговаривать. Надо готовить завтрак. Вы ведь, наверно, проголодались?

Она принесла дров, растопила печь и стала варить картошку. Когда завтрак был готов, она позвала нас. Только мы сели за стол, как в сенях послышались шаги. Мама вскочила с места и подошла к двери. В хату ввалилось несколько немцев. Один из них, высокий, что-то зло рявкнул по-немецки. Я испугалась, схватила братика и прижала к себе. Немец повторил свой вопрос еще более грозно. Мать понимала, о чем он спрашивает, но делала вид, что ей невдомек. Немец в бешенстве подскочил к ней и ударил прикладом в спину. Мама вскрикнула и схватилась за спину рукой. Мы с Ниной бросились к ней. Немцы грубо отшвырнули нас и приказали ей собираться.

— Прощайте, детки! — сказала мама и вышла из дому.

Эти слова как ножом полоснули по сердцу. Я и Нина с воплями побежали за ней, Таня и Вася — за нами.

Дальнейшее помню, как сквозь сон. Помню, как маму и Нину повели по деревне, а нас, детей, посадили в автомашину.

— Мама, мамочка! — закричали в один голос я и Таня и спрыгнули на землю. Нас схватили солдаты и поволокли назад, к машине. Я успела оглянуться. Перед моими глазами мелькнула знакомая фигура мамы и скрылась за поворотом. Тогда я не знала, что вижу ее в последний раз. Нас впихнули в кузов грузовика и накрыли брезентом.

Через несколько минут машина взревела и тронулась с места. Мне стало страшно. Я обняла сестричку и братика и залилась горькими слезами. Наплакавшись вволю, стала думать, как выбраться отсюда. Попробовала поднять брезент, но он был крепко

привязан веревками. Разрезать его было нечем. Я снова заплакала.

Под вечер нас привезли в Витебск. Я увидела большой двор, обнесенный колючей проволокой, ряд длинных строений, а за проволокой — наших, советских людей. Нас привели в какую-то пустую комнату и тщательно обыскали. У меня в сапогах полицейский нашел часы, которые когда-то подарил мне отец. Он повертел их в руках, засмеялся и сказал:

— Ты тут подохнешь с голоду. Тебе они не нужны, — и положил в карман.

После этого нас допрашивали. Здоровенный полицейский в черном костюме пробовал действовать лаской. Я либо молчала, либо говорила, что ничего не знаю. Он обозлился и стал угрожать:

— Признаешься — дам есть, не признаешься — будешь сидеть голодная... И это не поможет — велю всыпать плетей.

Ничего от меня не добившись, он записал имена сестры и братика и приказал увести нас. Нас впахнули в огромное помещение, где было много-много людей. К нам подошла пожилая женщина.

— Откуда вы, детки? — спросила она.

Я ответила. Женщина заплакала и пошла в свой угол. У нее судорожно вздрагивали плечи. Я догадалась: у нее тоже есть дети и она не знает, где они и что с ними.

В бараке было сыро, темно, грязно. Я растерялась и не знала, где нам приткнуться. Выручил один старик. Он подозвал нас и показал, где есть свободное место. Нары были в три яруса. Мы разместились на втором. Таня и Вася так измучились за день, что сразу повалились на голые доски и уснули. Мне долго не спалось. Перед глазами стоял высокий немец, что ударил маму, а в ушах звучали ее последние слова: «Прощайте, детки!»

На рассвете я проснулась от зычного крика:

взрослых выгоняли на работу. Один рабочий не хотел вставать. Его избили резиновыми палками и заставили идти под конвоем. В бараке остались одни дети. Тут были и мальчики, и девочки. Все были бледные, худые, оборванные. Некоторые так ослабели, что не держались на ногах. Две девочки заболели. Пришли немецкие санитары и забрали их. Больше я их не видела.

Кормили нас два раза в сутки: днем — тарелка мутного варева, которое мы прозвали «жижей», вечером — стакан пустого чаю. Хлеб был с опилками, да и тот давали редко и помалу. Я, например, за восемь дней получила три раза граммов по триста. От голода и болезней каждый день умирало много людей.

На четвертый день от недоедания и нечеловеческих условий жизни заболел Вася, а потом и Таня. Их забрали и куда-то унесли. Что сделали с ними немцы, я так и не узнала. Расставаться с ними было очень больно. Я ожидала, что и со мной будет то же, что и с ними. Ходила по бараку, не находя себе места.

Я слабела с каждым днем. Меня ждал такой же конец, что и других детей. Отсюда никто не выходил живым. «Чем умирать медленной смертью, пусть меня лучше убьют», — подумала я и решила бежать. О своем намерении сказала двум девочкам — Мане и Любе, — с которыми успела подружиться за это короткое время.

— Девочки, мы все равно умрем, — шепнула я им. — Давайте вырываться из этого пекла.

— У тебя нет мамы, и у нас никого нет, жалеть и оплакивать нас будет некому, — сказала старшая, Люба, и охотно согласилась. Маня тоже.

Часовые стояли только у входа в барак. С противоположной стороны их не было. Окна там были забиты проволочной сеткой. Проволока оказалась тонкой и ржавой.

Ночью, когда все в бараке спали, я осторожно

подошла к окну и начала тихонько ломать сетку. К утру все было готово. Но как перерезать колючую проволоку, которой обнесен лагерь? Тут нам повезло. Доктор при посещении забыл свои ножницы. Ножницы были небольшие и гладкие. Тогда мы их зазубрили.

На следующую ночь мы вылезли из барака и ползком добрались до проволочной ограды. Люба была больше и покрепче, чем я и Маня. Она легла на землю и стала резать проволоку. Проволока была старая и ржавая и все же поддавалась с трудом. Чтобы легче было резать, мы с Маней осторожно натягивали проволоку. И вот она уже перерезана в трех местах. Мы проползли под оградой и оказались за пределами этого страшного лагеря смерти. Радости нашей не было границ. Не верилось, что мы на свободе и можем идти, куда хотим.

Вслед за нами стали вылезать и другие пленники. Когда охрана подняла стрельбу, мы были уже около деревни Добрейки. Тут мы расстались.

Люба и Маня решили пробираться ближе к дому, а я — в лес, на поиски партизан. На прощание мы обнялись и крепко поцеловались. Они пошли в одну сторону, а я — в другую.

ЗОЯ ВАСИЛЕВСКАЯ (1933 г.)

7-й детдом, г. Минск.

У ОЗЕРА

В пяти километрах от нашего штаба находилась деревня Бабинковичи Сенненского района. Там жил подпольщик Борис. Я отнесла ему листовки, получила необходимые сведения и с донесением возвращалась в партизанский отряд. Ночь была тихая, лунная. По узкой тропинке я осторожно пробиралась

между кустами. Когда кончились кусты, пошел сосновый лес. В глубине его было большое, круглое озеро. Посреди озера, на островке, стояла деревня Курмели. Там и размещался штаб нашего партизанского отряда.

Недалеко от озера лес кончился и снова пошли кусты. Вдруг из кустов донесся тихий шорох. Я остановилась, прислушалась. До слуха долетели чьи-то шаги. «Наверно, партизаны идут на задание», — подумала я, но решила подождать, что будет дальше. Спустя несколько минут в кустах затрещали сухие сучья. При свете луны я увидела верхового. Он ехал прямо на меня. Вдруг залаяла собака. Она, должно быть, почуяла чужого. Тут я догадалась, что верховой был немец.

Что мне делать? Куда прятаться?

На память пришли слова одного опытного партизана, который рассказывал, как и где нужно прятаться от собаки-ищейки.

— Если за тобой идет собака, — говорил он, — то спрятать следы можно только в воде.

Свернув в сторону, я быстро побежала к озеру. Собака залаяла громче и бросилась за мной. Я добежала до озера и прыгнула в воду. На берегу рос большой не то лозовый, не то ольховый куст. Я пошла к нему. Вода доходила мне до пояса. Дно оказалось вязким, двигаться было очень трудно. Чтобы не наделать шуму, я легла на воду и тихонько поплыла. Добравшись до куста, уцепилась руками за ветки и притаилась.

К берегу подбежала большая собака и остановилась на том месте, откуда я прыгнула в воду. Она понюхала землю, поглядела на воду и залаяла. Я задрожала от холода и страха. Подъехал верховой. Это был немец — теперь я видела это ясно. Он стал осматривать берег. Вся замирая от страха, я старалась не дышать. Немец постоял несколько минут и поехал назад. Собака неохотно побежала за ним.

Когда топот затих, я вылезла из воды, спряталась в куст и стала прислушиваться. В той стороне, где скрылся верховой, не слышно было ни звука. Постояла еще немного и пошла. Но не успела я сделать нескольких шагов, как снова раздался собачий лай. Я поняла, что немец хитрил: он отъехал и ждал, когда я вылезу на берег. Я снова забралась в воду.

Берег в этом месте был обрывистый, и это было мне на руку. Немец, если бы и хотел, не мог съехать на коне в воду. Снова подбежала собака и начала лаять. За нею подъехал верховой и стал прислушиваться. Я прилипла к берегу и старалась не шевелиться.

Мне стало холодно, и я задрожала всем телом. Вдруг по ноге у меня что-то поползло, защекотало и начало впиваться в тело. Потом я почувствовала боль. Я осторожно нагнулась и стала ощупывать ногу рукой. Под пальцы попало что-то мягкое и скользкое. Пиявки! Несколько пиявок я оторвала от ноги, а остальных, что присосались ниже, не могла достать: боялась, что потеряю равновесие и наделаю шуму.

Немец постоял и, не услышав ничего подозрительного, уехал. Я подождала с полчаса, вылезла на берег, села на землю и прислушалась. Ожидала, что будет делать немец. Но вокруг было тихо-тихо. Я сбросила с ног остальных пиявок и осторожно пошла к переправе.

На переправе всегда дежурил перевозчик. Он перевез меня в лодке на островок. Я пришла в отряд вся мокрая. В землянке наскоро переоделась и направилась к командиру отряда дяде Алеше. Увидев меня, он спросил, выполнила ли я задание.

— Выполнила, — ответила я.

— Почему у тебя волосы мокрые?

Я рассказала, что произошло со мною в дороге.

— Молодчина! Ты хоть и мала, а догадлива, — похвалил меня командир. — А то, что ты сообщила, для нас очень важно.

— А что мне теперь делать? — спросила я.

— Завтра будет видно, — ответил он. — А сейчас иди в землянку и отдыхай.

ЗОЯ ВАСИЛЕВСКАЯ

В ТЕ ДНИ

Вечером я пригнал с поля корову, пустил ее во двор и, закрыв ворота, пошел в хату. На крыльце меня встретила мать. В одной руке она держала подойник, в другой — корзину с капустными листьями.

— Вася, — сказала она мне, — наруби дров, а то завтра нечем будет печь протопить.

Отыскав топор, я направился к повети, где у нас были сложены дрова. Мама подоила корову, отнесла в хату молоко и пришла мне помогать. Мы положили на козлы толстый кругляк и стали пилить. Мама была чем-то озабочена. Я спросил, в чем дело, но она ничего не ответила. Мы молча таскали пилу взад-вперед.

По улице расхаживали немцы, бранились, стреляли. Где-то на другом конце деревни голосила женщина. С грохотом и неприятным скрипом подъехала подвода и остановилась напротив нашего двора. Скрипнули и распахнулись ворота. Мы с мамой бросили работу и подняли головы. Во двор вошло четверо немцев. Двое остановились посреди двора, а двое других пошли в хату. Те, что остались во дворе, показывали руками на корову и негромко о чем-то совещались. Были оба в пятнистых плащ-палатках, из-под которых виднелись длинные серо-зеленые шинели. Беседуя, немцы все время поглядывали на крыльцо — поджидали тех двоих. Спустя несколько минут они вышли из хаты. За плечами у них висели

карабины. Тот, что был пониже, держал в руках вожжи. Он передал их толстяку с автоматом. Все вчетвером направились к корове.

Корова стояла возле хлева, доедала капустные листья и в страхе косилась на немцев. Когда они стали подходить ближе, она заметалась на привязи. Два солдата подскочили к ней и схватили за рога. Толстяк с автоматом размотал вожжи, сделал петлю и набросил на рога. Мать подбежала к немцам.

— Паночки, что вы делаете? У меня малые дети, — стала упрашивать она.

Но ее никто не слушал. Высокий толкнул ее в грудь, и она еле устояла на ногах. Пошатываясь, она подошла к колоде, в которой торчал топор, оперлась на него рукой и тяжело вздохнула. Потом глянула на корову и заплакала. Затянув петлю на рогах у нашей Буренки, немец намотал вожжи на руку и рванул. Корова ни с места. Тогда он повернулся к ней, уперся ногами в землю и стал тянуть изо всей силы. Остальные принялись лупить ее ногами в живот. Но и это не помогло: корова переставила задние ноги, но с места не двинулась.

Вдруг мама выхватила из колоды топор и с размаху ударила толстяка обухом по затылку. Тот осел, как подкошенный, и выпустил из рук вожжи. Корова рванулась назад. Мама перешагнула лежащего и с поднятым топором бросилась к долговязому. В этот миг грузный немец с кнутом выхватил у другого карабин и ударил маму прикладом по голове. Мама ойкнула и опустилась на землю. Немец наклонился к ней, поглядел и сказал:

— Капут!

Все это произошло в одно мгновение. Я стоял, как оглушенный, и не знал, что мне делать.

Немцы застрелили корову, взвалили на подводу, рядом с ней положили толстяка и поехали. Только тут я пришел в себя, бросился к маме, стал тормо-

шить ее за плечи. Она была мертвая. Я закричал не своим голосом...

Назавтра маму похоронили. Я, сестра и братик перешли жить к деду. Дед часто ходил в лес. Что он там делал, мне было невдомек. Однажды он вернулся задумчивый. В клети лежало несколько старых бочек. Он долго передвигал их с места на место, пробовал дно молотком, что-то бормотал себе в бороду.

— Зачем вы их сортируете, дедушка? — спросил я.

— А ты чего суешь нос куда не нужно? — обрезал меня дед. — Неужто без тебя не обойдется?

Потом он вынес большущую бочку, поставил ее на двуколку и крепко привязал веревкой. Внутрь положил охапку сена, а на него — топор, лопату, пилу и несколько досок. Потом выкатил бочку в сад.

После ужина дед глянул в окно и вышел из хаты. Выполнив кое-какие поручения, полученные от бабки, я выбежал во двор. Дед сидел на крыльце и курил. Он поманил меня пальцем. Я подошел.

— Пойдешь со мной, внучек, — шепотом сказал он. — А теперь иди обуйся и оденься.

— Я босиком...

— Делай, что тебе велят. Мы пойдем в лес, — буркнул дед и пыхнул трубкой.

— А зачем нам эта бочка? — спросил я по дороге.

— Увидишь. А пока помалкивай.

Вот и лес. Мы пошли по неширокой извилистой тропинке. Только что показавшийся месяц освещал нам путь. Пройдя с полкилометра или немного больше, мы свернули направо, двинулись вдоль просеки и наконец остановились около свежего выворотня. Дед достал из бочки лопату и начал копать яму под самым деревом. Работал он быстро, ловко. Все это заинтересовало меня, но я ни о чем не спрашивал. Когда яма была готова, дед опустил в нее бочку и, не говоря ни слова, подался в молодой ельник. Вернулся он со станковым пулеметом. Мы положили

его в бочку стволом вниз. Он пришелся точно по размеру бочки.

— А теперь пойдем вместе,— сказал дед и двинулся в ельник. Я пошел за ним.

В самой гуще дед стал разгребать кочку. Я присел с другой стороны, наблюдая за ним. Вдруг вижу, что это вовсе не кочка, а целая груда оружия, сверху прикрытая мхом. Я дотронулся рукой до оружия. Оно было густо смазано каким-то липким жиром. Четыре автомата, связанных по два, дед подал мне. Сам взял больше. Мы принесли оружие к выворотню и сложили в бочку. Потом пошли снова. Когда перетаскали все оружие, дед достал из-под выворотня мешочек и положил его сверху. Я пощупал: в мешочке были патроны.

Дед закрыл бочку досками и сверху присыпал землей.

— Ну, внучек, теперь тебе, я думаю, все понятно? — спросил он у меня.

— Все. Только я хочу спросить...

— Что?

— Куда мне перепрятать свое оружие?

— Какое оружие? — уставился на меня дед.

Я тут же рассказал ему, как при отступлении наших подобрал в кустах ручной пулемет Дегтярева, автомат, две винтовки и ракетницу.

— Где ты их спрятал?

— В нашем улье, на елке.

— А как ты их втащил туда?

— Нашел длинный кусок обыкновенного провода. На один конец цеплял оружие, а другим обвязывался сам. Влезу на дерево, перекину провод через сук и тащу...

Дед улыбнулся.

— Хитер ты, жевжик, хоть и мал еще. Но сначала покончим с этим делом, а потом пойдем к улью,— сказал он и взял в руки пилу.

Мы перепилили выворотень возле самого пня. Ствол дерева опустился на землю, а пенек выпрямился и стал на прежнее место, прикрыв собою закопанную бочку. Потом мы отпилили от ствола изрядный кусок, вроде для каких-то хозяйственных нужд, и отнесли его в сторону. Теперь никому и в голову не могло прийти, что под пнем спрятано наше сокровище.

Дед положил в двуколку свой инструмент, оружие, которому не хватило места в бочке, и мы направились к улью.

— Лучшего тайника и не придумать, — сказал дед.

Мы отыскали улей, встали наверх оружие. Чтобы не бросалось в глаза, оставили улей открытым.

— Вроде и немного работы, а всю ночь провозились, — проговорил дед, утирая рукавом лоб. Потом подошел ко мне вплотную и серьезно сказал: — А теперь молчок. Ты нигде не был и ничего не видел. И товарищам не хвались. Понял? Оружие нам понадобится попозже.

Я дал слово, что никому ничего не скажу.

Начинало светать, когда мы вернулись домой.

Из нашей деревни Присно три человека пошли служить в полицию. В числе их был и наш сосед, сын бывшего кулака, Платонов. Вместе с немцами и полицаями он заходил к нам, требовал у деда меду и яблок. Он, должно быть, что-то пронюхал и добивался, чтобы дед отдал оружие.

— Я стар, оружие мне ни к чему, — всегда отвечал дед и вступал в перебранку с полицаями.

— Знаем мы таких стариков! — с угрозой говорил Платонов.

Полицайи начинали делать обыск. Они переворачивали всю хату вверх дном. Рылись в мамином и бабушкином сундуках, ломали мебель, но ничего не могли найти. Что приглянется из вещей — забирали.

Зимой разнеслись слухи, что в лесах появились

партизаны. Про них говорилось много необыкновенного и таинственного.

Я внимательно прислушивался к этим разговорам. Очень хотелось увидеть партизан, да все не выходило. На вопрос, какие они, дед неизменно отвечал: — Не знаю, сам не видел.

По ночам к нам стали заглядывать незнакомые люди. Дед о чем-то шептался с ними, и они быстро исчезали. Я не придавал этому значения. Мало ли теперь ходит по свету бездомных людей. Один просится переночевать, другого накорми...

Ближе к весне ночные посещения стали чаще. Люди заходили в хату. Дед вставал с постели, обувался, одевался и вместе с ними куда-то надолго исчезал. Света он обычно не зажигал, и разглядеть, что это были за люди, мне не удавалось.

Позже я узнал, что это были партизаны.

Однажды утром к нам пришли полицейские и стали проверять документы. Дед ушел из дому ночью и еще не возвращался.

— А где твой старик? — спросил у бабушки один полицейский.

— Пошел проверять петли на зайцев, — ответила она. — Охоту с ружьем запретили, так он какие-то петли придумал.

— Знаем мы его петли! — заорал Платонов. — Петли ночью не проверяют.

Они снова все перевернули, повытряхивали сено из матрасов, разбили прикладами шкаф, ломом взорвали пол. Мы сидели на печи и плакали; испуганная бабушка прижалась к трубе и молчала. Когда полицейские выходили, она бросила им вслед:

— Стены еще целы! Как это вы их оставили?

— Еще доберемся и до тебя и до твоих стен, — прошипел Платонов.

В конце деревни полицейские встретили деда. В руках у него, и правда, были проволочные петли, но

шел он не из лесу, а по дороге, что вела в Могилев. Его привели в хату и долго били. Он потихоньку стонал и не говорил ни слова.

— Докуда ты будешь молчать, старый выродок? Чего ходил под Могилев? — допытывался Платонов.

— Сами вы выродки, а не я, — тихо отозвался дед.

Второй полицай наотмашь ударил его. Дед упал на лежавший посреди хаты шкаф. Подбежала бабушка. Полицай оттолкнул ее, и она повалилась на пол. Платонов подбежал к деду и сильно рванул его за бороду. Дед сполз на пол, оперся на шкаф спиной и сел.

— Ну, большевистский прихвостень, скажешь, где был? — заревел Платонов.

— Мне нечего вам сказать, — простонал дед.

Платонов ударил его сапогом в грудь. Дед упал ничком и скорчился. Голова его склонилась набок. Платонов глянул на печь. Я, Коля и Нина плотнее прижались к трубе. Платонов снял с плеча автомат и дал очередь по деду. Потом перевел дуло на бабушку. Она как сидела, так и упала на спину.

Полицай торопливо вышли из хаты.

Мой дядька похоронил деда и бабушку, а нас взял к себе. Пока мы жили у него, я часто навещался в нашу старую хату, которая стояла теперь пустая и заброшенная. Вспомнил, как хорошо мы жили там до войны. Иногда находил вещи, спрятанные папой или мамой. Это каждый раз была большая радость. Под крышей амбара я случайно нашел бинокль. Схватив свою находку, я взобрался на крышу клетки. Отсюда была видна соседняя деревня Княжицы. Там размещался немецкий гарнизон. Очень интересно было смотреть на деревню в бинокль: видно, как ходят и ездят люди, как полицай катаются по улице на велосипедах. Недалеко от деревни, на пригорке, — немецкие укрепления, обнесенные деревянной стеной. По этой стене расхаживают часовые.

Клеть была покрыта щепой. Щепы колючая — просто невозможно сидеть. Тогда я проделал в защитке дыру, на балки, связывавшие стропила, положил несколько досок. Получился настил, на котором можно было сидеть и лежать. А главное, я мог всех видеть, а меня — никто. Часто забирался туда и подолгу наблюдал, что делается в Княжицах.

Однажды в теплый летний день я с соседскими ребятами играл в чижика. В разгар игры из-за дома показался человек в изодранной одежде, в лаптях, с большой сивой бородой. Нищий да и только. Мы стали присматриваться к нему. Он сделал несколько шагов в нашу сторону и поманил меня пальцем.

— Узнаешь меня? — спросил он.

— Нет.

Я Поповский, из Щеглицы, — и он тронул себя за бороду. Теперь я увидел, что борода у него приклеенная, из каких-то белых волос.

— Ты партизан?

— Ага. Немцы есть в деревне?

— Нету.

— Я пришел вот чего: твой дед говорил, что у него где-то спрятано оружие. Ты, наверно, знаешь где. Отдай нам. Оно нам очень нужно.

— А как же, есть оружие. И дедово, и мое...

— А ты сможешь его принести?

— Нет, там его много. Я вам покажу, где оно спрятано.

Партизан огляделся и быстро сказал:

— Встретимся в Щеглицком лесу, возле просеки. Я приду туда вечером. Ладно?

— Ладно.

Вечером мы встретились в условленном месте. С Поповским были еще двое партизан. Я повел их к улью и отдал оружие, спрятанное там. То, что было закопано под выворотнем, дед успел передать сам. Поповский спросил, где я набрал столько оружия.

Я рассказал, а потом стал говорить и про то, что наблюдал с чердака в бинокль. Поповский обнял меня и поцеловал.

Когда партизаны погрузили оружие, он взял меня под мышки и посадил на воз. Сам сел рядом со мной. Погладив меня по голове, он сказал:

— Молодчина! Обязательно возьму тебя к себе.

Он был командиром партизанской разведки и, конечно, мог это сделать. Они подвезли меня до опушки леса. Я пошел в деревню, а они повернули в лагерь.

Через несколько дней ко мне заехали Поповский, командир роты Паничевский и разведчик Калинин. Они велели мне посмотреть, не видно ли кого-нибудь на дороге из Княжиц. Не успел я выйти за деревню, как увидел троих верховых немцев. Они скакали галопом. Я со всех ног помчался назад...

Как только немцы поравнялись с нашей хатой, партизаны открыли огонь.

Офицер, который ехал в середине, первый, как сноп, свалился на землю. За ним вылетел из седла другой немец. Третий быстро повернул коня и вскачь понесся назад. Пуля настигла его, он покачнулся, но не упал, а повис в стремях. Как ошалелый, конь понес своего седока в гарнизон.

Партизаны сняли у офицера сумку с документами, подобрали оружие и стали собираться.

— Теперь тебе у дядьки оставаться нельзя, — сказал Поповский. Он посадил меня на своего коня и сел сам. Мы приехали в деревню Севасьяновичи, что километрах в пятнадцати от нас. Тут стояла целая рота партизан. Было известно, что немцы скоро приедут жечь деревню, вот партизаны и решили их хорошенько встретить.

Дорога из Княжиц в Севасьяновичи шла вдоль леса. В одном месте лес клином вдавался в поле и пересекал дорогу. Тут партизаны и устроили заса-

ду. Но немцы опередили их. Они приехали в деревню раньше, чем ожидалось, подожгли 35 домов и возвращались назад. Партизаны подпустили их совсем близко и тогда открыли огонь из пулеметов и ротного миномета. Немцы, отстреливаясь, начали отступать. После боя на дороге осталось двадцать пять убитых фашистов и шесть лошадей с повозками. На повозках было оружие. Захватив его, партизаны вернулись в деревню.

Я быстро привык к партизанской жизни. В Османовском отряде были почти все молодые ребята. Я понравился им, и они меня полюбили. Я тоже очень уважал их. Я выполнял разные отрядные работы, чистил оружие. Быстро научился обращаться с карабином, револьвером, пистолетом и даже с пулеметом. Немного позже меня стали посылать в разведку.

Как-то утром меня позвал командир взвода и говорит:

— Сегодня пойдешь на разведку в Княжицы. Там немцы копают окопы и надо точно разведать, где, в каких местах. Понятно?

— Понятно.

— Можешь собираться.

Я надел рваную куртку, грязные штаны, дырявую шапку. Через плечо повесил большую холщовую торбу. Теперь я был похож на крестьянского мальчика-побирушку. В таком виде и отправился в гарнизон.

Я заходил в крестьянские хаты и просил хлеба, а сам тем временем все высматривал и брал на примету. За время войны я привык ко всяким неожиданностям и страху никакого не чувствовал.

Обойдя все хаты, я направился за деревню, где рыли окопы. На бруствере, свесив в траншею ноги, сидели немецкие надсмотрщики и хлебали что-то из котелков. Ближний немец подозвал меня и спросил, что мне тут нужно. Я попросил у него хлеба. Дру-

гой, что сидел рядом, достал что-то из сумки и протянул мне. Не успел я поднять руку, как первый сильно хлестнул меня плетью по спине. Я завизжал и со всех ног пустился бежать.

Всего я насчитал пятнадцать разных окопов, которые полукругом охватывали деревню, и два больших блиндажа с пулеметными гнездами.

Вернувшись в отряд, я обо всем этом рассказал командиру взвода. Вечером командование объявило мне благодарность. Я был рад, что хорошо справился с заданием.

После этого меня чаще стали посылать в разведку.

ВАСЯ САУЛЬЧЕНКО (1932 г.)

г. Шклов, детдом № 1.

ДВЕ МОГИЛЫ

Это было в первый год войны, осенью, в ясный, погожий день, когда так хорошо выбежать на улицу, всю в золоте от опавших липовых листьев. Но я вынужден был сидеть в хате. В соседние деревни — Коновку, Паровивку, Теплые — приехали немецкие карательные отряды. У нас, в Хворостянах, карателей еще не было, но и здесь с тревогой и страхом ожидали их. Стрельба слышалась со всех сторон. Ходили слухи, что немцы расстреливают каждого, кого застанут за околицей. И моя мать, озабоченная, бледная, почти ежеминутно повторяла:

— Смотри не выходи никуда... А то сам знаешь...

Умирать я не хотел, а потому и не противился матери. Не отходя от окна, я все время глядел вдаль и готов был залезть под печь или зарыться в постель, как только покажутся немецкие разбойники. Но дорога была пустынна.

Первых немцев я заметил издалека, едва они по-

казались на велосипедах из-за горки. Я хотел уже спрятаться, но меня заинтересовали две детские фигурки, которые маячили рядом с велосипедами. Вскоре я разглядел двух немцев в касках. Они ехали, низко пригнувшись, быстро, след в след, а за первым велосипедом бежали два малыша из деревни Теплые. Лица у них были в синяках, в подтеках грязного пота. Глаза вылезали на лоб. Они беспрерывно лизали языками пересохшие губы. Задний немец подгонял их, и они не отставали от первого велосипеда.

Немцы свернули к лесу. Вскоре оттуда послышалось два сухих выстрела.

— Неужто тех малышей? — со слезами заломила руки мама.

Назавтра, когда немцы куда-то исчезли, родители нашли своих детей в лесу мертвыми. Их везли на телеге через нашу деревню. Все высыпали навстречу. Матери убитых ехали на той же телеге и голосили. Я шел рядом, и слезы катились у меня из глаз. Тела убитых были прикрыты белой простыней, и я не мог их разглядеть. Матери склонялись к сыночкам и, поливая простыню слезами, приговаривали:

— Намозолили вы глаза разбойникам... За что же они вас?.. Нет в них ничего человеческого.

Похоронили их на том месте, где нашли убитыми, и поставили два креста.

Я часто хожу на эти могилки, и перед моими глазами отчетливо встают те жуткие картины.

Они погибли смертью невинных, не дождавшись светлых дней.

САША МУКГОРОВ (1930 г.)

г. Минск

2-й Р. Люксембург пер., д. № 11.

НА ОКОПНЫХ РАБОТАХ

Осенью 1943 года фронт подошел к реке Проне. Деревня Хворостяны, где я жил, находилась в трех километрах от реки, и старики говорили, что наши скоро будут здесь. С нетерпением ожидали люди прихода своих.

Мы жили в лесу: боялись, как бы нас не перестреляли или не погнали на каторгу в Германию. Но как только поднималось солнце, немцы, как гончие псы, начинали бегать по кустам, ловить молодых, стариков и подростков. Вечером мама и наша соседка Павлючиха завели разговор о том, где мне и Павлюкову Ивану укрыться на день.

— Оставаться тут рискованно, — сказала мама. — Пусть лучше идут в Чертово болото. Дорог там поблизости нет, немцы туда не потащатся.

Уже рассвело, когда мы с Иваном вылезли из належающей теплой ямки. Голые сучья деревьев обросли инеем. Я весь трясся от холода и лезть в зыбкое болото не захотел. Решил забраться в убежище, которое когда-то строил с сестрами, и просидеть там до вечера. Убежище хорошо замаскировано, и немцы едва ли приметят его. Сказал об этом Ивану. Он не согласился, разозлился на меня и бегом бросился назад. Я залез в убежище и растянулся на соломе, как в постели. Рядом были и еще убежища. Оттуда доносились плаксивые детские голоса. Я не заметил, как подкрался сон. Разбудили меня женские крики. Я не мог понять, в чем дело.

Вдруг у входа зашуршал лозовый куст, и я увидел черное дуло автомата. Я вылез и очутился лицом к лицу с немцем. Рожа у него была красная и прыщеватая, как оскобленная тупым ножом морковка. Дуло автомата глядело прямо на меня. Я стоял и чувствовал, как дрожь пробегает у меня по телу, темнеет в глазах. Толкнув меня в спину так, что я чуть не упал, немец

приказал мне идти вперед. Он пригнал меня к толпе односельчан, которых немцы поывлаивали в кустах и на болоте. Среди них был и мой товарищ Коля Хороневский, с которым мы вместе учились. Родных моих не было: их, как видно, немцы не нашли.

Нас гнали гуртом, как овец, сначала по полю, потом дорогой через березняк. Все вокруг кишело немцами. Они копали окопы, гремели лопатами. Возле дороги стояла легковая машина. Около нее вертелся немецкий офицер. Когда мы проходили мимо, он схватил меня за руку, выволок из толпы и оттолкнул в сторону. Потом то же самое проделал и с Колей. Я повеселел. Теперь я был не один. К нам подошел немец с винтовкой и погнал перед собой. Остановились у широкой и глубокой ямы, в которой работали девчата. Нам дали лопаты и велели лезть туда «арбайтен».

Работали весь день без передышки. Стоило кому-нибудь разогнуть спину, как немец, поставленный над нами, принимался орать и угрожать оружием. К вечеру я совсем изнемог. Саднили руки, ныла спина. Казалось, не выдержу и упаду.

Когда совсем стемнело, нас посадили на грузовик и под охраной привезли в деревню Усушек, которая была в пяти километрах от наших Хворостян. Ввели в просторную хату, где горела керосиновая лампа. Переводчик спросил наши имена, фамилии, где живем. За столом сидел грузный лысый немец и все записывал. Потом он что-то буркнул. Переводчик грозно сказал:

— Задумаете удрать — поймаем и расстреляем. Не поглядим на то, что еще молоко на губах...

Почти всю зиму нас гоняли на работу из Усушка в хворостянские березники. Про родных я ничего так и не слышал.

Однажды в поисках воды для замешивания глины я наткнулся на то место, где прятался вместе со

своими. Я приглядывался ко всему, стараясь отыскать хоть одну приметку, которая бы сказала, что они еще здесь. Но ничего такого не заметил. Отыскал и убежище, из которого меня вытащил немец. Оно было все разрушено.

Работа, которую мы выполняли, была слишком трудной для нас. Мы рыли блиндажи, таскали бревна для наката. Немцы бранились, всячески издевались над нами, чего я не мог терпеть. Продуктов почти не выдавали, хотя нам было положено на день триста граммов хлеба и не помню, сколько маргарина. Жили только тем, что тайком удавалось раздобыть в деревне.

Из Усушка нас перегнали в деревню Острова. Тут было еще хуже. Еды не давали, а найти ничего не удавалось — все подчистили немцы. С жильем было не лучше. Не считая девушек, малышей и стариков, нас было около двадцати человек. На всех отвели маленькую полуразрушенную хатенку с окнами без стекол. У хорошего хозяина, как говорили старики, коровий хлев был теплее. Только тут я узнал, что фронт продвинулся вперед и теперь передняя линия его не на Проне, а где-то около Усушка. В моей деревне наши! Как хотелось сейчас быть там!

Из Островов нас гоняли ночью под Усушек, на передовую, рыть траншеи. Это были дни самых страшных мучений. Пули свистят над головой, наши пули, а нас поставят в открытом поле, отмеряют по пять, а то и больше метров — и копай. Землю сковал мороз, и местами она промерзла на глубину до полуметра. Я выбивался из сил, пока выполнял свою норму. Частенько только утром нас выводили из этого пекла.

Сколько молодых девчат погибло и стало калеками из-за немцев в те дни! Помню одну смоленскую. Маленькая такая, веселая. Она рассказывала про отца, который служил в Красной Армии, про мать, убитую немцами. Она так ненавидела немцев,

что готова была разметать их лопатой. Пуля попала ей в шею. Как сейчас помню ее хриплый голосок: «Ой, умираю! И через кого? Через вонючих немцев». Много погибло девчат из соседнего села Долгий Мох. Мальчику Феде из деревни Романвина пуля пробила позвоночник. «Ой, в пятки, в пятки колет!» — не своим голосом кричал бедняга. А разве можно забыть Аню из Усушка? Она была уже самостоятельной девушкой — десять классов окончила до войны. Перед самым несчастьем она, чуть не плача, рассказывала, что брат ее — офицер в Красной Армии, а сама она на врага работает. Ей пуля попала в грудь. «Родина отомстит!» — крикнула она и потеряла сознание.

Я стал думать, как избавиться от каторжной работы. Рад был бы заболеть, и заболеть так, чтобы не подняться. Но болезни обходили меня. Бежать? Нельзя, очень строго охраняют. А работать на немцев очень не хотелось. Не выйти на работу было тоже почти невозможно. И все же некоторые ухитрялись уклоняться от работы, прятались. И как немцы ни искали, ни гоняли, ни запугивали, — ничто не помогало. Тогда они усилили контроль. Бывало, перед тем как гнать на работу, выстрают в шеренги и давай проверять по списку, кто есть, а кого нет. А потом пойдут по хатам, найдут уклоняющихся, надают по шее и — лопату в руки. Люди придумали другое: на поверку выходили все, а с дороги многие убегали. Немцы дознались и про эту хитрость и ввели талоны. Как явишься с работы и сдашь патрульному лопату — получаешь талон. На другой день по этим талонам выдавали паек. В списке делали пометку, что ты сдал талон, получил «харчи», а это значит — вчера работал. У кого не было талона, тех сажали в холодную.

Глядя на старших, начал хитрить и я. Делал так: еще днем прятал лопату, а когда выгоняли на работу,

«Мать и сын»

«Восемь суток»

залезал под пол. Сидел тихо, как кот, потому что по хатам часто ходили немецкие патрули. Когда возвращались рабочие, скоренько одевался и шел вместе с колонной. Я так приловчился, что три ночи подряд не выходил на работу. На четвертую попался. Случилось это потому, что талоны раздали не на месте, как делали раньше, а по дороге. Помню, в хату входит начальник нашей колонны и называет мою фамилию.

— Почему не был на работе? — спрашивает он через переводчика.

— Ботинки порвались, — отвечаю я.

Начальник вдруг выверился на меня и как толкнет — чуть дух не вышиб. Думал, что пристрелит: в таких случаях он пускал в ход револьвер.

— Унтер-офицер вчера заходил к вам и никого не видел, — сказал переводчик.

Таких «преступников», как я, собрали десять человек: восемь девчат, Вася из деревни Долгий Мох и я. Построили и под конвоем погнали к какому-то еще высшему начальству. Остановились перед добротным новым домом. Через несколько минут к нам вышел обер-лейтенант в сопровождении переводчицы.

— По какой причине не вышли на работу?

Мы в один голос закричали:

— Обуть нечего! Не идти же босиком — зима...

Обер-лейтенант сверкнул глазами, бросил что-то на ходу нашему унтеру и скрылся за дверью.

— На три дня в холодную. Ночью будете рыть окопы, а придете — в холодную. Продуктов ни грамма. Проучим... Босиком будете ходить, — перевела переводчица и ушла.

Весь день мы просидели в холодном сарае. Все дрожали — зуб на зуб не попадал. Мы возмущались, негодовали, но поделывать ничего не могли.

Когда совсем стемнело, вдруг лязгнул засов, двери отворились и в сарай вошел усатый немец. Он при-

казал нам выходить во двор. Два конвоира привели нас к баньке. Она была совсем маленькая. Девчата разместились на полкѣ, я улегся на узкой скамье под полком, а Вася прямо на земле рядом со мной. Целую ночь нас не выпускали из баньки, и это было самым страшным мучением. Только в полдень разрешили выйти на несколько минут.

Вечером нам не дали даже забежать на квартиру, а прямо из баньки вместе с остальными погнали на работу. По дороге Коля и Витя из деревни Романвина передали мне кусок хлеба.

На всю жизнь запомнилась и немецкая «дезинфекция». Немцы собрали всю одежду, все лохмотья, какие были у нас, и отнесли в баню. Мы остались в своем дырявом сарае совсем голые. Я не находил места от холода. Все тело посинело и съезжилось. Мерз не только я. Старики на чем свет стоит ругали немцев: им, видно, было еще холоднее, чем мне.

Часа три продержали одежду в бане, а мне это время показалось длиннее, чем вся прожитая мною жизнь. Потом я долго кашлял, появился насморк, головные боли. Решил сходить к доктору. Доктор, толстый маленький человечек, издали поглядел на меня, усмехнулся в короткие усы и что-то пробубнил. Переводчица сказала мне:

— Доктор говорит, что вместо одной нормы надо выполнять две. Это лучшее лекарство...

Вышел я из «амбулатории» молча, но на сердце у меня кипело. Если б мог, я бы разорвал на куски и толстую свинью — доктора, и немецкого прихвостня — переводчицу.

Весной из Островов нас перевезли дальше на запад, к Днепру. Жили в лесу, в землянках. Каждый день нас гоняли ремонтировать дороги. С едой стало совсем туго. Если в Усушке и Островах мы еще находили кое-что из оставленных крестьянами харчей, то здесь об этом нечего было и думать. Деревни в глаза не

видели: из лагеря не выпускали ни на шаг. Убежать тоже было невозможно — кругом стояли часовые.

Однажды, выбрав ночь потемнее, подполз я к землянке, где хранились немецкие продукты. Маленькое окошко было над самой землей. Я осторожно вынул из рамы стекло и просунул внутрь руку. На мое счастье, там был хлеб. Я одну за другой вытащил семь буханок — и к себе в землянку. Мы уселись вокруг хлеба — и семи буханок как не бывало. Я разохотился и снова побежал к «складу». Только достал две буханки, как где-то совсем рядом хлопнула дверь. Я схватил хлеб и бежать к своей землянке. Недалеко от нее спрятал хлеб под березкой.

Немцы заметили пропажу и на завтра утром пошли с обыском по всем землянкам, где жили «колонники» (так называли нас). Явились к нам, выгнали всех из землянки и давай рыть. Хлеба, разумеется, не нашли. Он уже был съеден.

Настало время, когда все чаще и чаще стали появляться наши самолеты. Бывали дни, что они пролетали целыми стаями. Мы радостно провожали их глазами, ожидая скорого освобождения. Старики говорили:

— Наверно, наши в наступление пошли.

Тронулись из лесу и мы. Наши самолеты не давали немцам покоя. Немчура зеленела от злости, а мы сияли, глядя на них.

Однажды нас гнали вперемежку с подводами. Только мы вышли из лесу на поляну, как в небе показалось около двух десятков наших самолетов. Они быстро приближались и, пролетая над нами, как дождем сыпанули из пулеметов. Немцы бросились кто куда. Теперь им было не до нас. Я упал на траву и притворился убитым. Когда немцы разбежались, я поднялся — и бегом в жито, в противоположную сторону. Отполз подальше от дороги, лег и притаился. Самолеты улетели. Немцы стали собираться. Их голоса

еле-еле доносились до меня. Я пролежал во ржи часа четыре.

Вдруг я услышал глухой гул, который с каждой минутой усиливался. Насторожился, приподнял голову. Сквозь ржаные стебли увидел две немецкие бронированные машины. Одна за другой они двигались прямо на меня. Сказать по правде, я испугался не на шутку, но не встал с земли, а прижался к ней плотнее, повернул голову так, чтобы одним глазом можно было наблюдать за машинами. Лежу и жду. Сердце готово выскочить из груди, на лбу выступил холодный пот. Подняться и бежать? Нельзя, немцы тут же скосят меня из пулеметов.

Одна из машин прошла метрах в двух от меня.

Я и сейчас удивляюсь, как у меня хватило тогда терпения и выдержки улежать на месте.

Когда машины скрылись, я пополз к кустам и, только добравшись до них, повеселел. Вскоре я набрел на нескольких местных женщин. В лесу мы и ночевали. Это была последняя ночь моих мучений и неволи.

САША МУКГОРОВ

НОМЕР 79645

Когда фронт стал приближаться к Бегомлю, секретарь райкома партии сказал маме:

— Муж воюет, а ты уезжай. Нечего тебе тут делать с детишками. Шутка ли — четверо.

— А на чем я поеду?

— Я помогу достать лошадь, — пообещал он.

Слово свое секретарь сдержал. Мы погрузили на подводу свои пожитки, кое-что из продуктов и двинулись в путь.

Но далеко уехать не удалось: около заповедника немцы перерезали нам дорогу и отняли лошадь.

Дальше ехать было не на чем, и мы пешком вернулись в Бегомль. Пожили там недолго. Знакомый отца передал, чтобы мы уходили из Бегомля: нас могут арестовать как семью коммуниста.

Мы собрались и в ту же ночь выехали в деревню Дроздово, Толочинского района. Тут жило много семей партизан и советских работников. Здесь же находился и штаб местного партизанского отряда. Мы поселились у одной женщины.

Через некоторое время и в Бегомльском районе организовался партизанский отряд. Командиром его был знакомый Манкович. Узнав, где мы находимся, он прислал записку, в которой предлагал переехать к нему в отряд. Мы стали готовиться к отъезду, но запоздали...

Как-то в полдень налетели немцы и окружили деревню. В деревне были партизаны. Между ними и немцами завязался бой. Было убито и ранено много наших людей. Маму мою тоже ранило в руку и ногу. Всех, кто мог идти, немцы собрали вместе, пересчитали, под конвоем пригнали в Толочин и посадили в тюрьму.

В небольшом подвале нас было около трехсот человек. Люди задыхались. Есть давали один раз в сутки и то какое-то пойло. У дверей немцы поставили бочку с водой. Старенький дедушка, который стоял возле нее, обомлел, ввалился в бочку и захлебнулся. Каждый день умирало несколько человек. У моей мамы гноились раны, но никто и не думал оказывать ей помощь. Тогда я разорвала свой платок и перевязала раны.

Среди нас было много партизан. Их допрашивали во дворе тюрьмы. Немцы выгоняли нас из подвала и заставляли смотреть, как это делалось. Если кто-нибудь отворачивался, его избивали. Я сама видела, как одна пожилая женщина не смогла вынести вида нечеловеческих мучений и упала в обморок.

К ней подскочил полицай и пнул сапогом в спину. Женщина не вставала. Ее подхватили под мышки,

выволокли на то место, где пытали партизан, и стали сечь плетьюми. Ее избили до полусмерти.

Неделя, проведенная в толочинской тюрьме, мне показалась годом. Потом нас перевезли в минский концлагерь. Здесь было еще хуже. Людей морили голодом. Начались болезни. Заболела и моя бабушка. Ее положили на специальные нары, где лежали все больные. Когда их собиралось много, подъезжала большая закрытая машина — «черный ворон» — и забирала их. Больных вывозили за город, в лес, и расстреливали. Так погибли моя бабушка, тетя Саша и еще несколько знакомых из нашего местечка.

Потом заболели я и мама. Меня положили на те самые нары, на которых лежала бабушка. Я знала, что меня ждет смерть. Мне стало страшно, и я заплакала.

Пришел русский доктор Михаил Семенович, молодой и очень отзывчивый человек. Чтобы обратить на себя внимание, я заплакала еще громче. Он подошел ко мне.

— Откуда ты? — спросил Михаил Семенович.

— Из Бегомля.

— А что у тебя болит?

Я рассказала.

— А мама у тебя есть?

— Есть...

— Не плачь, — тихо проговорил Михаил Семенович. Он подошел к немецкому доктору и сказал, что я не тифозная больная, а гриппозная. Немец не поверил. Он пощупал у меня пульс, выслушал и зло сказал, что Михаил Семенович ошибается: у меня тиф и меня нужно застрелить. Михаил Семенович стал просить, чтобы не делали этого. Немец долго крутил головой, а потом согласился. Меня перенесли в другое место. Благодаря Михаилу Семеновичу осталась жива и мама. Русский доктор спас от смерти много советских людей. Как потом стало известно, немцы узнали, что он сочувствует русским, и расстреляли его.

Когда дело пошло на поправку, меня перевели в

помещение, где находились здоровые. Потом появилась и мама. Я была очень рада видеть ее. Но тут, как на беду, заболел брат Сеня. По просьбе мамы его взял к себе Михаил Семенович. Потом я узнала, что Михаил Семенович вылечил его и он убежал к партизанам.

Со временем всех, кто был связан с партизанами или считался советским активистом, отделили от остальных, тщательно осмотрели, отобрали все вещи и хорошую одежду и погнали на станцию. На путях стоял длинный-длинный эшелон. Нас посадили в товарный вагон, закрутили проволокой дверь и строго наказали сидеть и не высовывать носа. При этом было объявлено, что если убежит хоть один человек, весь состав полетит под откос.

Когда поезд тронулся, женщины бросились к дверям вагонов. Через щелки глядели они на родные поля и леса, которые оставались позади. Многие плакали: никто не знал, куда нас везут и что с нами будет. Я прижалась к маме и сидела молча. Молчала и мама.

В первую же ночь заключенные в одном вагоне проломали крышу и убежали. Среди них был наш знакомый — Терещенко. В нашем вагоне тоже начали прорезать дыру в полу. Заводилой в этом деле была тетя Франя. Но нашлась у нас одна немецкая прислужница. Она и донесла обо всем конвою. На остановке пришел комендант с солдатами. Они так избili тетю Франю, что та в дороге и умерла. Охрану усилили. В наш вагон посадили двенадцать солдат, которые день и ночь следили за нами и ни разу не выпустили во двор.

На дорогу каждому из нас выдали по полбуханки хлеба. Больше ничего не давали. Жители деревень и городов подходили к поезду и просили конвоиров, чтобы они разрешили передать хлеб. Немцы брали хлеб и поедали сами. Люди быстро слабели, многие умирали от голода. Трупы на ходу выбрасывали из вагонов.

На шестые сутки поезд остановился. Куда мы приехали никто не знал. Несколько часов нас не выпускали из вагонов. Потом велели выходить, построили в колонну по пять человек и погнали. Ночь была темная, шел дождь с градом. Мы дрожали от холода — теплую одежду у нас отняли еще в Минске.

Лагерь был обнесен высокой кирпичной стеной, сверху наклоненной внутрь. Поверху были натянуты провода с током. Войдя за ворота, мы увидели справа, на большом плацу, много мужчин. Они стояли в одном белье и мокли под дождем.

В лагерь каждый день прибывало несколько эшелонов по большей части с евреями. Их привозили из разных стран. В хороших вагонах с окнами. Первым прибыл эшелон с евреями, потом наш, а потом еще один с евреями. Начальство же, как позже выяснилось, считало, что первые два эшелона с евреями, а третий — с русскими. Так по порядку и погнали в лагерь: людей из первого эшелона, за ними — нас...

Сначала мы шли полем, потом — лесом. Посреди него, недалеко от дороги, увидели костер, на котором немецкие палачи сжигали детей. Они хватали детей и, как дрова, бросали в огонь. Слышались крики:

— Мамочка, спаси!

От этих криков становилось жутко. Я дрожала, как в лихорадке. А немцы не обращали на них никакого внимания.

На опушке леса мы увидели крематории — большие, похожие на фабрику строения с высоченными круглыми трубами. Из труб вырывались клубы серого дыма, иногда окрашенного пламенем. Стоял страшный смрад. Пахло гарью. Мы догадались, что попали в лагерь, где сжигали людей.

Когда я первый раз увидела вырвавшееся из трубы пламя, я крикнула:

— Мамочка, пожар!

Моя подружка, Миля Янушковская, которая шла рядом, сказала:

— Катя, нас, видно, тоже сожгут на костре.

Стало ясно, что нас ведут на смерть. Мысли в голове путались, я даже не помню, что говорила тогда маме.

По дороге немцы не разрешали ни разговаривать, ни оглядываться. Одна наша знакомая, тетя Маша, лет сорока, инвалид — правая нога у нее была деревянная — не выдержала и гневно закричала:

— Гады! Паразиты! За что мучаете народ? Все равно всех не перебьете!

К ней подскочил конвоир, схватил за плечо и, вытащив из рядов, тут же, на глазах у всех, застрелил.

Крематорий был окружен колючей проволокой. Нам приказали остановиться. Три часа мы стояли не двигаясь. В это время в крематорий повели мужчин-евреев. Когда пламя вспыхивало, мы догадывались, что это бросали в печь людей.

К нам подошел какой-то человек и спросил по-русски:

— Кто вы, русские?

— Русские, — хором ответили мы.

Он не поверил:

— Говорите правду, не обманывайте.

Мы опять сказали, что русские.

— Что здесь делают с людьми? — спросили женщины.

— Не беспокойтесь, ничего плохого с вами не сделают, — ответил он.

Тогда к нему подошла Миля и тихо спросила:

— Скажите, дяденька, нас сожгут или нет?

— Не бойся, детка. Вы все будете живы, — сказал он и куда-то заспешил.

Через несколько минут к нам подошел толстый пожилой немец-эсэсовец и приказал всем раздеваться. Люди не хотели. Немец повторил приказание. С крика-

ми и плачем женщины и дети начали снимать одежду. Тех, кто медлил, немец бил палкой. Многие, еще не веря, что их гонят на смерть, связывали свою одежду в узелки и клали сбоку, выбирая место посуше.

Когда все разделись, нас построили в колонну по одному и приказали идти. Мы вошли в сырое и темное, без окон, помещение. Стены и пол были из цемента. Холод обжигал ноги, стало еще страшней. Я с ужасом подумала: «Сейчас конец, и я больше ничего на свете не увижу».

Пройдя одну комнату, мы вошли в другую. Здесь женщинам стали обрезать волосы и бросать их в кучу. Таких куч было несколько.

В третьей комнате две немки в черных халатах смазывали всем головы какой-то вонючей жидкостью. Потом по одному мы стали заходить в помещение, где была печь крематория. Перед входом стояло большое корыто с какой-то густой слизью. Каждый из нас должен был смочить ею ноги до колен.

В комнате горела одна малюсенькая лампочка. Когда мы с Милей вошли, мама взяла нас за руки. Она вошла раньше и ждала нас у дверей. Я крепко прижалась к маме. Когда комната оказалась битком набитой людьми, двери за нами закрылись. Поднялся страшный плач. «Скорей бы конец», — сказала мама.

Вдруг я почувствовала, как пол под нами задвигался и стал наклоняться. Внизу, сбоку, мы увидели огонь — это и была печь крематория. Люди, стоявшие с краю, с криком попадали вниз. Мы тоже не могли удержаться на скользких ногах и начали скатываться к печи.

Но в этот момент произошло такое, чего никто не ждал. Пол начал подниматься. Когда он выровнялся — открылись двери и вошли комендант и тот самый немец, что заставлял нас раздеваться.

Из их разговора мы поняли, что произошло: немцы

перепутали эшелоны и по ошибке приняли нас за евреев.

Нас облили холодной водой, которая лилась откуда-то сверху. У некоторых женщин так переохло в горле, что они стали с жадностью глотать эту холодную грязную воду. Нас вывели на противоположную сторону двора, построили в шеренгу и приказали ждать, пока подадут одежду. Через час ее привезли на вагонетках, и мы начали одеваться. Женщинам дали только по летнему платью. Мне досталось порванное белое платье, которое было мне до пят. Затем по одному мы подходили к немке, которая кисточкой ставила на плечах красный знак умножения («штрайфа»).

В особой комнате нас всех осмотрели и каждому поставили клеймо. У меня на левой руке, ниже локтя, был выколот номер 79645, у мамы — 79646, а у Мили — 79644.

Потом нас загнали в баню, где мы просидели до вечера. Ночью распределили по баракам. Я, мама и Мили попали в блок № 11. Это был темный и тесный сарай с нарами в три этажа, битком набитый людьми. Мы так измучились, что повалились на нары и сразу уснули.

Здесь мы отбывали карантин.

На рассвете я проснулась от крика: «Апель!» Нас выгнали из блока и построили по десять человек. С трех часов ночи до десяти утра мы неподвижно стояли под открытым небом. Это было очень тяжело. Ныли спины, подкашивались ноги. Многие от холода и голода падали. Некоторые тут же умирали. На моих глазах умерли тетя Надя, тетя Дарья и другие. Трупы умерших относили в крематорий.

В десять часов в железных бачках принесли тепловатую воду — чай, в котором плавали березовые листья. Каждому досталось по кружке. Потом на пять человек дали по миске горького варева, без хлеба.

Ложек не было, и мы просто пили его. От этого «супа» людей тошнило. В первый раз я совсем не могла его есть, но пришлось привыкнуть.

После обеда, с четырех до одиннадцати вечера, опять «апель» — мучительное стояние на одном месте. Вечером получили по сто граммов хлеба и кружку чаю. В одиннадцать часов объявили «лагерруэ» — на покой. Нас впускали в блок, и мы ложились спать. Но заснуть на грязных и тесных нарах удавалось не сразу.

И так каждый день.

Когда кончился карантин, женщин стали гонять на работу. Недалеко от лагеря был пруд. Немцы заставляли заключенных залезать в этот холодный пруд и ведерками переливать воду в канаву, а потом из канавы снова в пруд. За малейшее неповиновение избивали.

Немцы строго следили, чтобы рабочие не доставали никаких продуктов. Одна девочка, Вера, принесла пачку папирос. Немцы ее обыскали, нашли папиросы и приказали их съесть. Вера съела несколько штук, а все не могла. Тогда ее сильно избили и поставили коленями на острые гвозди.

Вскоре детей, а их было пятнадцать, отделили от взрослых и перевели в блок под названием «киндерхайм» — детский дом. Очень тяжело было расставаться с мамой. В киндерхайме нас тщательно осмотрели доктора. Пятерых девочек, которые были худыми и малокровными, отослали назад. А меня и других оставили. Кроме нас тут было много детей из разных стран.

Однажды днем, в одиннадцать часов, новичков повели в больницу. С полчаса или больше сидели мы в приемном покое и ждали. Зачем нас сюда привели, никто не знал.

Среди нас было несколько совсем маленьких детей — по два-три года, не больше. Сначала взяли этих

малышей и повели в отдельную палату. Мы ждали своей очереди. Вдруг из палаты донеслись детские крики и плач. Они то затихали, то становились громче. Что немцы делали с малышами, я не знала, но было ясно: что-то недоброе, ужасное. Со страхом ждала я, когда позовут меня...

И вот вошла немка и позвала:

— Жачкина!

Я вздрогнула. Переводчица сказала, чтобы я подошла к этой немке. Я подошла. Она взяла меня за руку и повела в палату. Там никого не было. На столе я заметила стеклянные трубки с кровью. Я догадалась, зачем меня сюда привели. От страха я искусала себе губы до крови и начала плакать.

— Не плачь, ничего страшного не будет,— успокаивала переводчица.

Меня раздели, взяли за руки и повели к столу. Я стала упираться и заплакала еще сильнее. Тогда немка и переводчица схватили меня под руки и силой положили на стол. Резиновыми жгутами привязали голову, руки и ноги. Немка в белом халате, с закрытым марлей ртом взяла шприц и проколола жилу у меня на правой руке. От боли я закричала и потеряла сознание. Очнулась я в той самой комнате, откуда меня взяли. Около меня стояли подружки Миля, Тома Стрекач и Катя Куделька. Лица их были бледные: они думали, что я умру.

Крови брали помногу, и часто дети умирали. Так погибли двухлетний мальчик Толя из Борисовского района, полесская девочка Нина пятнадцати лет, трехлетняя Галя и другие дети.

У более здоровых и крепких детей кровь брали по нескольку раз. Я была худой и слабой, и у меня больше не брали.

В Освенциме я пробыла больше года. Дни тянулись, похожие один на другой. Особенно тяжело стало после разлуки с мамой: я почти год не знала,

где она и что с ней. Вскоре забрали куда-то старших девочек. Остались мы с Милей, Томой и Катей. Иногда мы, усевшись на нары, начинали говорить о своей подневольной жизни.

Девочки говорили:

— Эх, хоть бы разок увидеть своих. Тогда можно и умереть.

В конце 1944 года стало известно, что Красная Армия подходит к Освенциму. В лагере поднялась паника. Немцы начали сжигать бумаги, взрывали крематории, вывозили людей. Тех, кто не мог идти, расстреливали.

Помню, нас выгнали на двор и построили в колонну. Начался отбор. Комендант лагеря Крамер, высокий, толстый, с глазами навывкате, а с ним и другие немцы проверяли, может идти человек или нет. На обессиленных Крамер указывал пальцем. Их забирали и расстреливали.

Я стояла с девочками и тряслась. Вот немцы подошли к нам. Комендант взглянул на Тому, что-то буркнул и ткнул пальцем, потом на меня тоже. Мы с Томой закричали и заплакали. Немка, стоявшая рядом с комендантом, что-то сказала ему. Толстяк-немец крикнул:

— Не годны!

Немка опять что-то сказала. Комендант начал кричать, а потом согласился. Нас выпустили за ворота, где мы присоединились к другим заключенным. Из лагеря доносились крики, стоны и выстрелы. Горели бараки, и черный дым клубами поднимался к небу.

Здоровых построили в колонну по пять человек, каждому дали по ящику с каким-то грузом, и мы тронулись в путь. Идти было тяжело. Ящик резал плечи, болела спина. Силы таяли. Я еле тащила ноги, а потом не вытерпела и сказала Томе:

— Пусть убьют, а ящик дальше не понесу!

— Я тоже брошу, — сказала Тома.

Мы бросили ящики в канаву и пошли без них. Трое суток шли голодными. Я так измучилась, что едва тащила ноги. Тех, кто отставал, немцы расстреливали. Я знала, что так поступят и со мной, если я отстану. И все же я решила присесть и отдохнуть. Я сказала об этом Томе, и она согласилась отстать вместе со мной. Мы вышли из рядов и сели на пенек. Тут мы увидели, как, выбившись из сил, упала одна старушка. К ней подошел конвоир и толкнул ногой в канаву. Она стала упрашивать:

— Сынок, не трожь меня. Я могу идти... Я немного отдохну и пойду...

И начала вылезать из канавы.

Немец выхватил револьвер и застрелил ее.

Мы ждали, что будет с нами. Конвоир подошел к нам и приказал идти. Мы сделали вид, что не слышим. Он повторил приказание. Мы не шевельнулись. В третий раз он крикнул и поднял револьвер. Тома заплакала:

— Катенька, я не могу сидеть! Пойду.

Я поднялась тоже, и мы пошли.

На ближайшей железнодорожной станции нас посадили на платформы и привезли в город Беркенбельзен. Мы очутились в концлагере, где было не лучше, чем в Освенциме. Нас разместили в бараках, по которым гулял ветер. Людей умирало еще больше.

В Беркенбельзене мы узнали про девочек, которых забрали раньше. Они были в этом же лагере. Мы попросили польку Стеню, чтобы она перевела нас к тем девочкам. Она не хотела. Тогда мы стали перед ней на колени и начали целовать руки. Стеня согласилась и перевела. Увидев наших девочек, мы стали целоваться от радости. Они были нам как родные сестры.

Я и другие более взрослые девочки ходили в «кин-

дерхайм» на работу. Там мыли полы, кормили и до-сматривали маленьких. Однажды я и Оля Короленко пошли в «киндерхайм» за баландой. Вдруг Оля толкнула меня под бок:

— Смотри!

Я посмотрела и увидела: один заключенный отрезал у другого, только что умершего, ухо и стал его грызть. Проходившая мимо немка заметила это. Она подбежала к мужчине и принялась бить его по лицу. Из рта у того потекла кровь. Потом отвела его на то место, где наказывали и вешали заключенных. Несчастливого поставили на колени, в зубы сунули ухо, а в руки — по кирпичу. Он стоял до тех пор, пока не упал без сил.

Когда к Беркенбельзену стали подходить английские войска, пришел приказ всех заключенных отравить. Отравленная еда уже была приготовлена, но ее не успели раздать: в лагерь ворвались английские танки.

Вскоре в лагерь пришел советский офицер, прибывший с английскими войсками. Он обнимал нас и говорил:

— Конец неволе! Скоро вернетесь на родину.

Какое счастье было слышать эти слова! Нашей радости не было конца-края. Мы обнимались, целовались и плакали. Плакали от радости.

Через два дня этот офицер отвез нас на машине в детский дом для русских детей. А еще через месяц нас отправили в Россию. Дома я встретила с мамой и братом Сеней. Осталась в живых и Миля.

КАТЯ ЖАЧКИНА (1931 г.)

г. Бегомль, средняя школа № 1.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Утром тридцать первого декабря 1943 года меня позвали к командиру отряда Борису Владимировичу Матюгину. Когда я вошел в штабную землянку, Борис Владимирович сидел и рассматривал карту.

— Как себя чувствуешь, Витя, здоров? — приветливо спросил он.

— Здоров, — ответил я.

Незадолго до этого я ездил в немецкий гарнизон местечка Илья за трофеями, которые захватили партизаны взвода Алеши Завьялова. Погода была холодная. Я простудился и несколько дней проболел гриппом. Вот почему командир и спросил про здоровье.

— А если здоров, то для тебя и дело важное есть, — оторвавшись от карты, сказал Борис Владимирович. — Немцы восстановили картонную фабрику в Раевке. После Нового года собираются пустить. Ну, а мы думаем пустить ее раньше, сегодня ночью... Хочешь пойти на диверсию?

Меня впервые собирались посылать на боевую операцию, и я с радостью согласился.

— А теперь пойдём к командиру роты, он тебе расскажет, как и что делать.

— Есть! — сказал я и вышел.

Командир первой роты Яков Павлович Литвиненко подробно рассказал про свой план.

План был простой. Вечером он, Виктор Левцов и я пробираемся в местечко Раевку. Литвиненко и Левцов подползают к складу и поджигают кучу старого картона. Чтобы привлечь внимание часовых, открывают стрельбу из автоматов. Я в это время подбегаю к фабрике, обливаю стены бензином и поджигаю.

— Понял, что от тебя требуется?

— Понял.

— Тогда иди, готовься.

Я взял бутылку с бензином; коробок спичек сунул за пазуху, чтобы не отсырели на морозе.

Из лагеря мы вышли еще днем. До местечка надо было идти семнадцать километров. В дороге я все время думал, смогу ли поджечь фабрику. А что, если немцы увидят меня раньше, чем я успею добежать до строений? От дум голова будто вспухла, в душу закрадывался страх. Литвиненко заметил это.

— Ты что задумался, Витя? Не тушуйся, братишка. Мы с тобой такую штуку устроим, что немцам тошно станет.

От теплых и бодрых слов Якова Павловича тревога моя рассеялась, как дым. После того как в бою с карательным отрядом погибли мой отец, мать и брат, Литвиненко заменил мне родителей.

В сумерки вышли мы на опушку леса. Метрах в двухстах от нас начинались первые дома местечка. В окнах светились редкие огоньки. Громко лаяли собаки. На улице отчетливо слышалась немецкая речь.

Постояли, послушали и огородами начали осторожно пробираться в местечко. Немецких постов вблизи не было. Но мы старались пройти так, чтобы нас не увидели даже местные. Огороды кончились. За ними начинался небольшой пустырь, в конце которого виднелись темные очертания фабрики. Мы залезли в стог соломы и стали наблюдать.

Медленно тянулись минуты ожидания. Ночь выдалась тихая, звездная, холодная. Даже солома не защищала нас от мороза. Он залезал под полушубок, щипал за ноги. Чтобы не шуметь, мы лежали неподвижно. Ухо ловило самые далекие звуки. Вот сменяется караул. Немецкий офицер по-своему выкрикнул какую-то команду. Один солдат, видно, нечаянно задел прикладом за камень: до нас донесся лязг железа. Прошуршали по снегу шаги и замерли вдали.

К полночи в местечке стало совсем тихо. Все фрицы, наверно, собрались где-нибудь в теплой хате встре-

чать Новый год. Только часовые, обутые в тяжелые деревянные колодки, топали взад и вперед по двору фабрики.

— Ну, Витя, будь готов, — слышался над самым ухом шепот Якова Павловича. — Когда начнется стрельба, не медли ни секунды.

Согнутые фигуры Литвиненко и Левцова бесшумно отделились от стога и скрылись за углом склада.

Я остался один. Сердце мое сильно билось. Я боялся, что его стук услышат немцы.

Откуда-то донеслись крики пьяных фрицев. Новый год наступил. Невольно припомнилось, как три года назад мы встречали этот праздник в школе. Сколько было радости, сколько веселья! Но проклятые немцы отняли у нас счастливую жизнь, заставили уйти в леса и болота. Они сожгли нашу школу, разрушили родной Минск.

Такие мысли занимали меня недолго. В той стороне, куда пошли Литвиненко и Левцов, вдруг вспыхнуло яркое зарево. Потом раздался треск автоматов. Пришла очередь действовать мне. Помню, я быстро добежал до высокого деревянного забора, оторвал две доски и пролез в дырку. Часовые стреляли в другом конце двора. На ходу я достал из сумки бутылку и облил бензином стену фабрики. Потом выхватил спичку и чиркнул о коробок. Я так волновался, что руки мои дрожали. И только когда белые языки пламени поползли по смолистым бревнам, я бросился бежать.

Отбежав к лесу, остановился. Фабрика горела как свеча, окрашивая небо багровым пламенем.

ВИТЯ ЧАЛОВ (1933 г.)

г. Минск,

ул. Беломорская, 17.

МОИ МУЧЕНИЯ

22 июня. Выходной день. На улице нашей деревни много людей. Видим: летят пять самолетов. Интересно, конечно, но ничего удивительного. Не раз такое было. Вдруг слышим: «Война!»

Мне было тогда восемь лет, а братику Мише — пять. Я не знала, что такое война и как там воюют. Мне папа говорит: «Убивают люди друг друга». Я удивилась: как это убивают? А почему не жить дружно?

Вся деревня заволновалась. Мужчины пошли в армию. Моего отца не взяли: он был больной. Ходил он скучный и все говорил: «Россию еще никто не побеждал и не победит».

Говорили — немец лезет на нашу землю. Я думала, как это один немец лезет на всех нас? И представляла себе: вот течет река... на том берегу стоит один страшный немец, а на этом берегу — наши... И немец все норовит переплыть реку...

Вдруг слышим, что немцы скоро доберутся до нас. Однажды послышался выстрел. Видим — мчатся на велосипедах. Въехали в деревню и давай ходить по хатам.

Мы спрятались за печь. Тут зашел один немец и закричал:

— Матка, млека, млека!

Бабушка говорит, что нет у нас молока. Тогда он порыскал и ушел.

Потом пришел еще один немец и закричал маме:

— Яйки, яйки!

На окне лежало одно яичко. Он взял и выставил еще три пальца.

Мама говорит: «Нету». Он стукнул ее прикладом и тут увидел на дворе курицу. Выбежал, поймал ее и свернул ей шею.

Немцев в деревню наехало много. Они долго шу-

мели на колхозном дворе, а потом опять пошли по хатам, кричали, махали руками. Мы поняли, что они нас выгоняют на улицу. Мама говорит: «Где же нам с детьми ночевать?»

Один немец ответил: «Рус свинья».

Ночевать пришлось на дворе. И так было обидно, что из своего дома тебя выгоняют.

Немцы уехали дальше.

В деревню кое-кто вернулся из мужчин, призванных в армию, и некоторые поступили в полицию. Они и отцу моему говорили:

— Идем, Иван, в полицию, там лучше будет.

Папа отвечал:

— Не пойду людей грабить.

А полицаи ходили по деревням и грабили. Люди трудились, собирали урожай, а они отнимали.

Наступила зима. Немцы приезжали со станции Старушки и забирали все, что им хотелось. Нам не разрешалось ходить в лес за хворостом, и мы жили в холодной хате. Было отчаянно скучно. Раньше, бывало, пойдешь в школу, получишь хорошую отметку — и так радостно!

А теперь все отняли фашисты.

Кое-как перезимовали. Пришла весна. Отец и мать старались хоть что-нибудь посеять. Лошадей немцы свели со двора. Приходилось пахать на себе. И я тоже впрягалась в плуг.

Как-то раз полицай пришел на поле. Он сказал, что это не наша земля, и ударил отца обухом по спине.

Мама все искала хотя бы клочок земли, чтобы что-нибудь да посеять. Подымется рано и бежит... Потом заболела тифом, и вся работа легла на мои плечи. Через две недели мама умерла. В доме осталось трое маленьких. Самому меньшему был один месяц. Ночами я не спала, все колыхала братика, но вскоре он умер.

Пора было окапывать картофель, полоть гряды. Отец попросил соседку помочь нам.

Не было ни хлеба, ни молока. Раньше, бывало, пойдешь в лавку и купишь, что тебе надо, а теперь все было для немцев. Даже после шести часов не разрешалось выходить из дому.

Особенно тяжело было без соли. И как на счастье, партизаны подорвали эшелон, в котором были вагоны с солью. Ночью мы набрали много соли и закопали, чтобы немцы не нашли. Зато с партизанами, которые часто приезжали в деревню, мы делились всем.

Однажды немцы окружили деревню и стали сгонять всех — и старых и малых. Наставили пулеметы и спрашивают:

— Кто кормил партизан?

Староста ответил, что никто не кормил, что партизаны только прошли через деревню. Немцы нас отпустили, но предупредили, что расстреляют всех, если будем кормить партизан.

Но мы продолжали помогать партизанам. Они часто ночевали у нас, когда ходили на железную дорогу подрывать пути. Полицаи от них прятались. Свою одежду и хлеб мы зарыли в землю: пусть лучше сгниет, чем достанется врагу. Сами мы всегда были готовы удрать в лес.

И вот однажды поднялась стрельба. Я выбежала во двор и увидела, что немцы и полицаи опять окружают деревню. В тех, кто пытался убежать, они стреляли. Отца дома не было. Я сперва кинулась за околицу, но вспомнила, что остался брат, и вернулась. Брата дома не оказалось; я подумала, уж не убили ли его немцы, но кто-то сказал мне, что он побежал с людьми в лес. Я так обрадовалась. Немцы тогда убили девочку Катю, четырнадцати лет, которая спряталась в кустах. Немец подошел, посмотрел на нее и выстрелил... Были ранены еще двое детей. Немцы убили 6 и взрослых, но они шли не на нашу деревню, а на Большие Селючичи.

Там сожгли много людей, среди них были и мой дядя Кузьма и тетя Дуня.

Мы ушли в лес. Отец вырыл землянку, и мы там жили. Была зима, холод. А у нас теплой одежды не было никакой. Мы опять вернулись в деревню.

Я по несколько дней не раздевалась, боялась, что немцы нападут на нас сонных. Спала и обутая, с промокшими ногами. Однажды разулась.

В ту ночь партизаны ходили на подрыв железной дороги, убили девять немцев, взяли два пулемета и семь винтовок. Потом вернулись и остановились на ночлег в нашей деревне.

Спали все до утра. Я поднялась рано, обулась и стала печь блины. Слышу выстрел. Это часовой дал тревогу. Мы все выбежали во двор. Деревню окружали немцы.

Я забежала в дом, схватила одеяло и побежала. Только отцу сказала:

— Бери Мишу и удирай!

Партизан Митя взобрался на сарай и стал строчить по немцам из пулемета. Он стрелял до тех пор, пока все люди не выбежали из деревни. Потом и сам побежал в лес.

Был большой мороз. Я немного отбежала и почувствовала, что нога моя разута. Бегу босая. Не ощущаю ни страха, ни холода. Бегу, а кругом пули свистят. Посмотрела на свою ногу, а она как мертвая. И боли не слышу.

Так мы пробежали семь километров. Снег был до колена. Прибежали в деревню Грабов. Когда я вошла в какую-то хату, моя нога стукнула о пол, как полено, и очень больно стало. У меня началась горячка.

В это время приехал из деревни Михедовичи один человек за своей племянницей. Я попросила, чтобы он и меня взял с собой, так как там жил мой дедушка. Он привез меня к деду.

У дедушки на квартире стояли партизаны. Ба-

бушка прикладывала мне к ноге льняное семя. У меня болела голова, и я не могла заснуть. Тогда один партизан дал мне таких таблеток, чтоб можно было уснуть. Мне стало легче.

Я не знала, где были мой папа с Мишей. Но потом люди сказали, что Миша в нашей деревне. Дом наш немцы сожгли, но папа сумел незаметно вывести из сарая корову. Он оставил Мишу и корову у соседки, а сам ушел к партизанам. Я очень обрадовалась, что они остались живы.

Когда отец узнал, где я, он пришел и принес мне одеяло, а потом привел партизанского врача Римшу, который был сам из деревни Бабуничи. Врач бранился, что мне положили льняное семя. Он снял с ноги мертвую кожу. Было очень больно, но я не плакала. Перевязал мне ногу. Утром сменил повязку и уехал, оставив мне бинт и лекарство для промывания. Он был очень хороший человек.

Папа решил взять меня с собой, потому что на Михедовичи часто нападали немцы. Сперва хотел нести на плечах, но я была тяжелая. Тогда он посадил меня на санки. Отъехав немного, мы узнали, что в Селючичах (это наша деревня) немцы. Отец вернулся. Я все думала о Мише.

Потом мы узнали, что немцы забрали всех людей нашей деревни и погнали в Капцевичи. Мишу наши люди несли на руках, а там передали тетке. Потом приехала из Бринева мамина сестра и взяла его к себе.

Папа вернулся в свой лес. Я осталась у бабушки. Нога моя болела, от раны неприятно пахло, лекарств не было. Лечила я ее так: папа принес дубовой коры, я делала навар и этой водой промывала. Ногу очень щипало.

Дедушка со своей семьей ушел в лес, а меня оставили в доме. Мне говорили:

— Останься здесь, а то опять застудишь ногу.

Мне было очень обидно, что меня оставили одну.

Я боялась, что придут немцы и сожгут меня. Очень страшно было. Я ходила на одной ноге. Есть ходила к людям. Однажды вернулась домой и не нашла своего одеяла. Ничего другого у меня не было.

Близилась весна. Таял снег. Было страшно, когда начиналась тревога: все бегут, а я не могу. Нога очень болела, пальцы отпали — сначала большой, потом маленький и все остальные.

Меня забрал к себе чужой дядя Сергей. У него были дети, и я их нянчила. Он вырыл в лесу землянку, и мы там жили. Наступало лето. Я понемногу начала ходить, но стоило только зацепить ногой что-либо, как лилась кровь, особенно, когда нам приходилось бежать. А когда бежишь, вроде ничего не чувствуешь.

Утром я подымалась, собирала грибы, потом мы их варили...

Однажды услышали, что немцы идут на Михедовичи. Мы отъехали дальше от землянок. Немцы сожгли деревню, двух стариков и одну бабушку. Вся молодежь была в лесу.

Началась осень. Дошли слухи — немцы устраивают облаву. Мы собрались и уехали за реку Орессу. Приехали в деревню Белый Переезд, потом заехали в деревню Замостье, слышим — немцы в Белом Переезде. Не отдыхая, ночью мы поехали дальше, в деревню Паличин. Там прожили несколько недель и опять услышали, что немцы идут на нас. Мы перебрались в лес. Нехорошо было в чужом, незнакомом лесу, и мы подались в нашу сторону, но другой дорогой, окольной. Много дней ехали через разные деревни, потом вместе с партизанами опять подъехали к реке Орессе. Моста на ней не было — только две перекладины высоко, метра на три над водой. Была ночь, людей собралось много, каждый старался перейти быстрее, потому что немцы с дороги часто нас обстреливали.

Дядя Сергей понес одежду, а я ползла за ним.

Было темно, я очень боялась упасть в воду. Коров и коней перегоняли вплавь.

Мы ехали дни и ночи через леса и болота.

Наконец вернулись в Михедовичи, в наши землянки. Там жила наша соседка. Она сказала, что немцы близко от нас, и мы перебрались в другой лес. Там и пробыли до весны.

Весной немцы опять пошли на нас облавой. Нас гнали из лесу. Вокруг стреляли. Наконец всех нас поймали, привели на какой-то остров и стали пускать красные ракеты. Потом повели на железную дорогу. Как заметила я рельсы, горько заплакала: думала, что повезут в Германию. Все были голодные, есть было нечего, дети плакали.

Под вечер нас погрузили на платформу и повезли. Везли в ту сторону, где были наши землянки и где я летом собирала грибы. Так захотелось спрыгнуть с платформы — ведь лучше погибнуть, чем быть рабом немца.

На переезде нас высадили и погнали в деревню Грабов. Люди устали. Кто останавливался, того били прикладами. В Грабов пришли ночью. Нас построили в ряд и стали считать. Потом дали какой-то бурды — бак на двести человек. Есть было нечем. В темноте мы стали искать банки, черепки.

Нам отвели три подвала, втолкнули нас туда и около каждого подвала поставили часового. На следующий день нас отвезли в Белый Переезд и разместили в домах, по пять семей.

Через несколько дней немцы согнали всех людей на собрание. Я думала, что они нас сожгут, но они сказали:

— Кто хочет ехать в Германию, тому будет хорошо.

Никто не согласился. А на второй день в деревне не оказалось ни одного немца. Мы поехали домой.

Я узнала, что папу моего убили немцы. Они поймали

его в лесу, повели в деревню Бринев, где был наш Миша, мучили, допрашивали, а потом расстреляли.

Я очень плакала и все думала, что скоро придут наши и отомстят за мучения. Однажды мы сидели в лесу около шоссе и увидели, что немцы бегут, бросая все на ходу. А потом появились наши. Нам казалось, что это сон. Все бежали навстречу и кричали:

— Наши! Наши! Ура!

Я рассказала дорогим освободителям, как я отморозила ногу, как умерли мама и маленький братик, как и за что убили отца.

Хочу еще сказать о тех полицаях-предателях. Один из них, Горошка, как услышал, что идут наши, повесился. А его брат Антон ехал на машине, и его убили партизаны из засады. Машука Василия партизаны убили в кровати, когда он спал. Пусть собаки лежат в земле!

ЖЕНЯ ЕВСТРАТОВА (1933 г.)

В БРЕСТЕ

Мелькают поля, леса, вагон дрожит. Я прислушиваюсь к стуку колес и поглядываю в окно. Вдруг какой-то большущий человек тормозит меня за плечо и кричит: «Лерочка, подымайся!»

С трудом открываю глаза — и ничего не могу понять. Что-то гудит, воет, дом весь дрожит. Что это — буря, землетрясение или продолжение сна?

Папа берет меня под мышки и ставит на пол. Вокруг ужасный грохот, звон разбитого стекла. Оторвалась и упала внутренняя ставня.

— Быстро одевайтесь и идите в подвал, — говорит отец, — а я пойду в паровозное депо.

В подвале я узнала, что немцы перешли границу и напали на нас.

Так началась для нас война.

В пять часов утра бомбежка прекратилась. Мы вернулись в свою квартиру. Отца дома не было.

В шесть часов на улице затрещали мотоциклы, и вскоре к нам ворвался немецкий офицер с солдатами.

— Советские?.. Муж?.. Оружие?.. — кричал офицер.

Десятимесячная моя сестричка Инночка спала на моей кровати. Офицер закричал, затопал ногами, подбежал к кровати, схватил матрац за угол и вместе с сестричкой рванул на пол. Под матрацем лежал ремень, конец которого немец принял за портупею.

Пнув сапогом маму, которая бросилась к Инночке, офицер с солдатами вышел.

Сестричка сильно ушиблась падая и недели через две умерла... Сосед, который служил у немцев, приказал нам говорить всем, что она умерла от дизентерии, и даже прислал дезинфектора.

Больше всех немцы преследовали в Бресте тех советских людей, которые переехали сюда с 1939 года. Поэтому к нам они приходили почти каждый день. Стало невозможно жить, и мы переехали на окраину, где нас никто не знал. Туда пришел и отец: до этого времени он где-то прятался. Отец скрывал, что он машинист, и когда некуда было деваться, шел на работу чернорабочим. Мама достала справку, что она инвалид, и таким образом уклонилась от работы на немцев.

В нашей квартире под кухней был хороший бетонированный подвал. Окно, что выходило во двор, отец замуровал и засыпал землей. Когда в городе появилось электричество, папа пробил дыру в углу за печью и под обоями провел в подвал провод. Там установили радиоприемник. Крышку подвала наглухо забили, а вместо нее в сенях под бочкой с водой оставили три незакрепленные доски. К нам приходили товарищи отца слушать радио.

Папа принялся делать ведра, паять кастрюли, и к нам начали приходиться заказчики, но почему-то все

одни и те же. Мама стала шить, но заказы брала только от своих и часто возвращала заказы неоконченными. Люди уносили от нас радиосообщения из Москвы.

Однажды, осенью 1942 года, мы долго ждали маму.

Было девять часов вечера. Позже этого часа ходить не разрешалось, но мамы все не было. Наконец, в десять часов, шатаясь, бледная, в намокшей одежде пришла мама. Она сказала, что была у соседей, напротив, и, испугавшись собаки, упала в грязь. Я помогла ей раздеться и увидела, что у нее повреждены ноги, плечо опухло.

Уже потом, когда я стала помогать маме в подпольной работе, она мне рассказала, что тогда на конспиративной квартире их застали немцы, и она выпрыгнула через окно со второго этажа.

Весной 1943 года арестовали много молодежи. Была арестована и дочь маминой подруги, Вера Кравцова, из 10 класса. Она была у нас пионервожатой. Вместе с ней арестовали секретаря комсомольской организации Бориса Аноткина. Их расстреляли. Мне было очень тяжело: ведь я их хорошо знала.

Однажды мама сказала мне, что ей у одних знакомых надо взять свертки, но идти туда нельзя. Я сказала, что пойду сама. Мама взяла мою руку и сказала:

— Это серьезное и опасное дело. Если ты боишься, деточка, тогда не ходи.

Я ей ответила, что хочу быть такой, как Вера и Борис. С этого времени я ходила по квартирам, разносила свертки.

В немецкой аптеке работала наша знакомая Галя Аржанова. У нее я брала медикаменты.

Осенью 1943 года снова был провал. Кто-то выдал две конспиративные квартиры. Арестовали секретаря подпольного горкома партии тов. Жуликова с семьей и многих товарищей, которые заходили к нему, не зная про засаду немцев. Там был арестован и мой папа,

но его отпустили, так как он нес запаянную кастрюлю, которую будто бы должен был отдать хозяину. Тогда расстреляли 20 человек.

В марте 1944 года мама ушла в партизанский отряд. Она туда часто ходила и раньше с заданиями. Соседям мы сказали, что мама ушла работать в деревню. На этот раз мама задержалась на целый месяц. Мы опасались, что она погибла. Но она попала в окружение, и только спустя месяц ей удалось вырваться.

Возвратившись домой, мама сказала, что большинство подпольщиков отзывается из города, но мы остаемся. Скоро мы узнали, что Галю схватили немцы и повесили...

Немцы боялись ночных бомбежек и ночевать выходили из города в убежища. Брат Сережа познакомился с некоторыми из них, и те стали пускать его в свое убежище. Тогда папа и мама стали давать Сереже тол. Он относил его в убежище и прятал там за обшивку стены. Когда толу набралось четыре килограмма, брат положил туда заряженную мину, которая должна была взорваться в час ночи. В ту же ночь восемь немцев и одна женщина, которая водилась с ними, взлетели в воздух.

У меня была хорошая память, и мне часто поручали следить за передвижением немецких войск. Я выходила за огород, на стык шоссе из Москвы и Ковеля, пряталась в кусты и записывала, сколько машин идет, в какую сторону, чем нагружены, какие на них знаки. Просидев так до вечера, я несла сведения маме. Я приглядывалась, где стоят зенитки, где расположены склады с горючим, боеприпасами.

Было радостно слышать, что по нашим сведениям самолеты разбомбили такой склад.

Однажды мама взяла лопату, корзинку, и мы ушли за город, на кладбище. Там мама стала убирать могилу Инночки. Вдруг из кустов вышла к нам женщи-

на. Я узнала тетю Надю Серову; ее давно не было видно в городе. Она вынула из-за пазухи магнитные мины, улыбнулась мне и ушла. Мама положила мины в корзинку, сверху закрыла цветами. Корзинку дала мне, а сама взяла на плечо лопату, и так мы вернулись в город. После этого я стала ходить одна, и не только на кладбище, но и в другие места за городом.

На улице Карла Маркса был трехэтажный дом. В нем жили немецкие солдаты одной роты. Мама поручила мне отнести в этот дом тол и передать знакомой Марусе Шевчук, которая там работала. Я встретила Марусю на улице и передала ей тол. Дом был взорван, а Маруся ушла в партизанский отряд.

Труднее было с домом по улице Маяковского, где жили немецкие связисты, летчики, офицеры. Это было тоже трехэтажное здание, но у дверей его стоял часовой. В этом доме работала Настя Паршина, она часто заходила к нам. Сначала мама сняла план дома снаружи. Настя у нас же сделала внутренний план. Мама понесла их в отряд, там обсудили все и начали готовить взрыв. Доставлять тол было поручено мне.

В городе не хватало хлеба, и население, особенно дети, выменивали хлеб на яички. Мне укладывали в корзинку тол, засыпали мякиной, а наверх клали яички. Я одевалась получше, повязывала бант на голове и шла к дому по улице Маяковского. Делала перед часовым реверанс и на польском языке просила пропустить меня к «панам офицерам», чтоб обменять яички на хлеб, при этом я давала часовому три яйца. Он меня пропускал в кухню. Немец-повар уходил за хлебом, а я передавала яйца и тол Насте.

Каждый раз у меня сжималось сердце, когда я шла туда, но я вспоминала Инночку, Веру, Галю и овладевала собой.

Однажды повар не ушел, как всегда, за хлебом, а сам стал выбирать яички. Он копался в мякине, и я с ужасом думала, что сейчас он доберется до дна...

В это время Настя за спиной повара бросила на пол дорогое блюдо. Немец отвернулся и стал ругать Настю, а я тем временем выбрала из корзины все яйца.

Дома я рассказала об этом маме, она побледнела, обняла меня и сказала:

— А если бы тебя поймали, посадили в тюрьму, сказала б ты, чья ты и кто ты?

Я ответила:

— Никогда!

— Но тебя били бы, мучили, как Галю...

— Я тогда бы думала о наших погибших комсомольцах. Они были мои старшие товарищи, а я — пионерка, их смена.

— Доченька моя, а ты не обиделась бы на нас, что мы послали тебя на такое дело?

Я сказала маме:

— Я горжусь вами и нашим делом и с радостью умру, если нужно.

Наконец настал день, когда Настя завела часовой механизм мины и ушла в партизаны. Через шесть часов, когда немцы спали, произошел взрыв...

Потом папа и мама отвели нас с братом в партизанский отряд, а сами вернулись в город и оставались там до прихода нашей армии.

КАЛЕРИЯ ЗАЖАРСКАЯ (1930 г.)

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Наш партизанский отряд перебрался из Омельковских лесов на другую сторону Днепра, ближе к Лоеву. Наш командир Василий Анатольевич Зарубов знал меня лучше других: он до войны был директором нашего Лоевского детдома. Однажды он позвал меня в свою землянку.

— Вот что, Костя, — сказал он, — ты должен вы-

«О моем товарище»

«Наша подруга»

полнить одно важное задание. Завтра пойдешь в Лоев, в наш бывший детдом.

Я внимательно слушал Василия Анатольевича. Мне радостно было, что именно мне поручается важное задание. Кроме того, интересно было посмотреть на здание нашего бывшего детдома. Я знал, что там теперь разместился немецкий штаб.

— Ты знаешь входы и выходы в детдоме лучше других, а это как раз нам и нужно, — говорил Василий Анатольевич, покуривая трубку, которую мы до войны подарили ему в день рождения. — Мину с часовым механизмом знаешь?

— Мы в кружке подрывников изучали.

— Так вот, эту мину нужно подсунуть фрицам на обед, когда офицерье выпивает. Сделаешь?

— Конечно, сделаю, — сказал я.

Мне тогда казалось, что подложить мину будет очень просто. Василий Анатольевич поднялся и положил мне, как взрослому, на плечо руку.

— Партизан Костя Бодровец, иди к моему помощнику Володьке; я сейчас приду, и ты получишь подробные указания, что и как делать.

В Вишневском поселке, у бабки Насты, связной нашего отряда, я переоделся в лохмотья, напялил большую баранью шапку, а мину замотал в тряпки и привязал к ноге. Шел мокрый снег. От долгой ходьбы нога, где была подвязана мина, начала млеть. Я перebrался через реку и, наконец, увидел Лоев. Парк над рекой был вырублен, торчали только пни.

Василий Анатольевич и Володька советовали мне зайти к Артему — бывшему водовозу нашего детдома. Водовоз часто расклеивал в городе листовки, которые ему передавали партизаны. Я постучал в низенькое окошко. Мне открыла Артемова дочь Галя. Ей было четырнадцать лет — так же, как и мне.

— Отца дома нет, — сказала она. — Солдаты погнажи строить мост.

Усталый, я уснул в Артемовой хате.

Еще в отряде меня Василий Анатольевич предупредал, чтобы я не спешил, хорошо все осмотрел и только тогда приступал к делу.

На следующее утро я подошел к зданию бывшего детдома. На крыльце стоял часовой. Под навесом, где раньше была столярная мастерская, дымила полевая кухня. Я решил сначала пробраться к кухне. Мина уже лежала у меня за пазухой.

«А что если завести механизм и как-нибудь бросить мину в кастрюлю с кофе?» — подумал я.

Я смело направился к навесу.

Немец, стоявший на крыльце, грозно показал на автомат, что висел у него на шее.

«Не пропустит», — подумал я и знаками принялся объяснять, что, мол, голоден. Немец сошел с крыльца, замахнулся на меня вальком от брички, кем-то брошенным у стены.

Толстый повар вертелся возле кухни и косо поглядывал на меня. Заметив, что я все же пытаюсь пройти на кухню, часовой заорал и сдернул автомат. Я бросился бежать.

Ночевал я снова у Гали, она боялась одна без отца. А назавтра повар вдруг позвал меня на кухню.

Сначала я испугался. Мне показалось, что немец видит у меня за пазухой маленькую черную штучку. Повар кивнул на топор и дрова. Я понял, он хочет, чтоб я нарубил дров. Я посмотрел на часового, тот тоже кивнул головой. Повар взял одну кастрюлю с черным кофе и понес в помещение.

Рядом стояла еще одна такая же кастрюля. Я заволновался и не мог попасть топором по полену. Часовой все время поглядывал на улицу. Когда он отвернулся, я быстро вытащил мину и завел механизм. Сердце мое стучало: казалось, мина долго не заводится. Но нет, она уже тихонько постукивала, как карманные часы: механизм завел на десять минут.

Через десять минут должен быть взрыв. Оглянулся по сторонам и опустил мину в кофе. Она тихо звякнула о дно. Я схватил топор и что есть силы начал рубить дрова.

В это время подошел повар и закивал головой, показывая на живот — дескать, хорошо меня накормит. Потом он взял вторую кастрюлю и понес ее в штаб.

Теперь нужно было удирать. Но как бежать — часовой ведь может задержать и заставить опять рубить дрова. Мне казалось, что кто-то будто кипятком ошпарил меня. «Через десять минут — все, — думал я. — Наверно, повар уже выловил черпаком мину и сейчас выбежит на двор».

Вдруг к штабу подкатила зеленая машина. Часовой вытянулся на крыльце. Из дому выскочили два офицера и открыли дверцы. Из машины вышел сухонький старичок с крестом на груди. В это время в дверях показался толстый повар и замахал мне, чтоб я незаметно уходил.

От радости и волнения я не помнил, как проскочил через разрушенные ворота и побежал улицей. Потом повернул влево и через оконный проем разрушенного дома бросился к реке.

Вдруг позади загредел взрыв. Застрочил автомат, прогудела грузовая машина. Но я уже был далеко. Остановился отдышаться за кустами, под крутым берегом Днепра, и засмеялся: «Это вам Василий Анатольевич кусок детдомовского сахара послал. От него и зубы, видимо, повыскакивали...»

После мы узнали, что мина разнесла на куски четырех офицеров и сухонького подполковника, по приказу которого были расстреляны сотни людей, сожжена не одна деревня.

Меня наградили медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны I степени».

КОСЯ БОДРОВЕЦ (1931 г.)

РАЗМИНИРОВЩИКИ

Началась война. Ворвались немцы и в наше село Голубицы. Пусто стало на улицах. Люди сделались невеселыми, молчаливыми. Многие сразу ушли в партизанские отряды, с ними и мой старший брат.

Отец по заданию партизан стал работать у немцев. Пошлет он подводы за солью для немцев и сообщит партизанам, те и перехватят соль. Прикажут отцу пригнать скот, а он передаст партизанам, они придут, загонят скот в лесную чащу и спрячут там. Приедут немцы за скотом, отец и говорит, что не мог выполнить приказа — нет у крестьян никакой скотины. Немцы уедут, люди вновь пригонят скот домой.

Мама помогала отцу.

Однажды зашли под вечер к нам два немца и начали такой разговор с отцом (я слушал на печи).

— Скажи, сможем мы победить Россию?

— Нет, — ответил отец.

— Почему?

— Потому, господин офицер, что русский народ весь против вас.

Немцам это очень не понравилось, и они ушли. Отец сразу догадался, что кто-то предал его, и сказал нам, что нужно идти в лес. Мы начали собираться. Но немцы опередили нас. Утром большая машина остановилась возле наших ворот. В хату вбежали немцы, схватили маму и папу, потащили на улицу, бросили их в машину и увезли в Петриков. Две недели их мучили там, били — хотели выпытать, где находятся партизаны, но ничего не добились. Тогда отца и маму повесили.

Мы остались одни. Дядя Иван, опасаясь, что и нас схватят немцы, посоветовал уйти к партизанам. Мы закопали одежду, взяли хлеба, мяса, крупы, запрягли вола, и на рассвете я, Оля и Нина уехали.

Прятались мы в Черском лесу. Днем было не так

страшно, но по ночам мы боялись. Нам все казалось, что кто-то идет к нам. А то еще пойдет дождь или ветер разгуляется, тогда мы забьемся под куст и сидим тихонько. Нам очень было жаль отца с мамой. Сестры плакали, а я не плакал, хотя и казалось, что я под землей, а не на земле нахожусь.

Через несколько дней в лес пришли люди из нашей деревни. Пришел с ними и дядя Иван. Стало веселее. Все вместе начали строить землянки. В землянках жилось гораздо лучше: было теплее, не заливал дождь. Вечерами мы сучьями плотно закрывали вход, чтоб не было видно огня.

Однажды на наш след напала немецкая разведка и начала обстрел. Землянки были недалеко от болота. Мы все бросились туда и залегли. От холода зуб на зуб не попадал. Сердце так стучало, что я боялся, как бы оно не выскочило. Немцы прошли в шести шагах от нас, но никого не заметили. Мы полежали еще некоторое время и, когда стало тихо, ушли в лес.

Началась осень. Было очень холодно, и дядя Иван забрал нас в деревню. Мы стали жить в нашей хате с дядей Иваном и тетей Олей, его женой. На всякий случай сделали убежище, чтоб прятаться от немцев. В сенях был подвал, мы прорыли ход на двор, со двора в сарай. В сарае выкопали яму, настлали поверху досок, а на доски набросали навоз и перегородили сарай. Навоз хорошо улежался, можно было подымать и опускать доски так, что не оставалось следа. Там мы сидели подолгу, играли в карты, в домино. К нам приходили прятаться и наши соседи.

Однажды ночью я спал в хате, и как раз в эту ночь немцы напали на наше село. Я не успел спрятаться, как немец ввалился в хату. Схватил меня за рукав и начал тащить на улицу. Я упирался, говорил, что болен. Но он все тащил. Тогда я набросил на плечи куртку и нехотя вышел из хаты.

Выхожу на улицу, а там уже много детей. Смот-

рю, среди них и мой товарищ Петя Морозко. Я даже повеселел, а сам подумал: как бы это удрать от немцев?

Подошел к Пете и тихо спрашиваю:

— Куда это нас?

— Не знаю... — тихо ответил он.

Нас погнали в школу. По дороге мы узнали, что нас собираются везти в лагерь. Ступая босыми ногами по холодному булыжнику, мы сговорились непременно бежать.

Школа была не новая. В одном месте совсем обвалился фундамент, кто-то вытащил несколько кирпичей, и там была дыра. Когда мы подошли к школе, я толкнул Петю и дал знать, чтобы он шел за мной. Подойдя к дыре, я сказал ему: «Полезай». Он попросил дать ему ножик и сразу начал протискиваться в выбоину. Я пошел к детям.

Вскоре приехало три немецких грузовика, и детей начали бросать на машины. Дети плакали, упирались, кричали. Началась сутолока. Я отбежал немного и очутился около дыры. Попробовал лезть, да мешала куртка. Скинул ее с себя и через минуту лежал рядом с Петей. Но мне не лежалось. Подполз к дыре и осторожно посмотрел во двор. На дворе стоял ужасный крик. Женщины с плачем бросались на немцев и отнимали детей. Чей-то мальчик кричал: «Мамочка, спасай!» Немного в стороне стояла тетя Оля с узелком в руке и пристально всматривалась — искала меня.

Детей погрузили в машины и увезли. Долго еще немцы не могли разогнать женщин: те стояли и плакали. Наконец все разошлись. Стало тихо. Вдруг слышим: шаги над головами. Начали прислушиваться. Кто-то ходит по классу. Прошел несколько раз по комнате и выстрелил два раза в пол. Пули легли недалеко от нас. Мы боялись дышать. Опять все стихло. Мы еще полежали немного, а потом поползли через

двор на огороды, там просидели до темноты и тогда ушли домой.

Я не пошел сразу в хату, а полез в убежище. Там сидели дядя Иван, тетя Оля и мои две сестры. Когда увидели меня, все обрадовались. Тетя накормила меня. Я поел и начал рассказывать им, как мы спрятались от немцев.

Мы знали, что Красная Армия гонит немцев, и все ждали, когда же прогонят их из нашего села. И дождались.

Перед отступлением немцы начали везде ставить мины. Взорвали школу и мост. Мы боялись, что немцы взорвут нашу хату и сарай, и ночью пробрались на поле и спрятались во ржи. Прошло немного времени, дядя Иван и говорит мне:

— Сходи, Федя, в село, посмотри, что там делают немцы.

Я пошел к своему дому. Смотрю — на нашем дворе копаются в земле два немца. Я притаился за сараем. Выглядываю из-за угла, слежу, что они будут делать. Немцы покопались в земле и вскоре ушли. Я побежал к своим и все рассказал им. Дядя Иван выслушал меня и сказал:

— Вот же нечисть!

На следующий день я пришел на свой двор и начал внимательно присматриваться к месту, где копались немцы. Осторожно начал разгребать землю и вдруг вижу — лежит небольшой ящичек и из него торчит что-то черное. Я отвинтил черную палочку, а там белый капсюль. Еще две мины снял на нашем дворе.

Немцы удрали. И скоро приехали к нам на моторках матросы. Сбежалось все село. Все радовались, обнимали, целовали матросов.

Помогали и мы бойцам. Рядом с нами была деревня Снядин. Перед отходом немцы всю ее заминировали. Я, Петя Морозко, Слава Чернявский, Василий Бойдаш ходили снимать мины в эту деревню. Уез-

жали туда на сутки, а то и на двое. Мы разминировали поле, дорогу, улицы и огороды. Вчетвером мы сняли около восьми тысяч мин. Чтобы снимать их, не так уж много надо знать, но только нужно быть осторожным.

Однажды я и Петя Морозко снимали мину. Он как-то наступил на нее и подорвался. Его убило, а меня тяжело ранило. Долго я пролежал в Петриковской больнице. Меня вылечили.

Вот как жил я во время немецкой оккупации.

ФЕДЯ ПАШУК (1932 г.)

г. Петриков.

В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Наши части продвигались по территории Восточной Пруссии.

Я находился тогда в радиороте отдельного батальона связи, был радистом. Мы передавали приказы воздушным частям, находившимся в одном из городов Литвы.

Однажды, после воздушной и артиллерийской подготовки, мы начали наступление на большую железнодорожную станцию.

Станция имела важное значение, и немцы упорно защищали ее. Они перешли в контратаку. Мы вынуждены были занять оборону. Немецкие танки и пехота рвались вперед. Слева и справа от нас им удалось немного вклиниться в расположение наших частей.

Генерал, следивший за боем с нашего наблюдательного пункта, приказал не отступать ни на шаг и держаться до последнего патрона.

Наша радиостанция находилась около домика на возвышении. Когда немцы начали обстреливать нас,

мы переехали в овраг и там продолжали работу. Внимательно следили, чтобы к нам не подкрались немцы.

Вдруг один из радистов тихо сказал:

— Смотрите, вон немецкие связисты тянут линию. Уничтожим ее вместе со связистами.

Сделать это было не так трудно: немцев было только двое.

— Нет, не надо,— сказал сержант Иван Александрович.— Вон еще идут...

Следом шло четверо немецких радистов.

Было решено связистов не трогать, а захватить радиостанцию.

Связисты ушли дальше. Спрятавшись в кустах, мы начали наблюдать за радистами. Немцы шли прямо на нас. Я с интересом и тревогой следил за их приближением.

Они подошли к нам метров на пятьдесят, остановились, осмотрелись и, не заметив никого, начали устанавливать радиостанцию. Расположились они в яме, среди маленьких кустов. Вскоре они начали связываться по радио со своими частями. Тогда старший радист старшина Андрюша скомандовал:

— Приготовиться!

Нас было четверо. Мы разбились на две группы и с автоматами наготове поползли к ним. Я полз рядом с сержантом Иваном Александровичем. Он все время присматривал за мной и по-отцовски приговаривал:

— Ты не подымайся...

Я еще плотнее прижимался к земле. Напряжение росло. Сильнее билось сердце, но я старался не обращать на это внимания. Мы подползли ближе и увидели: два немца окапываются, а еще двое что-то передают по радио. По сигналу старшего радиста мы открыли огонь. Двое из наших стреляли по немцам, которые возились около радиостанции, а я и Иван Александрович — по тем, что окапывались. Те, что окапывались, были убиты сразу. Но два других на-

чали отстреливаться. Один, в наушниках, вскоре был смертельно ранен. Оставался еще один. Мы поднялись и бросились на него. Он был застрелен в упор. Все это произошло неожиданно и быстро.

Старшина взял документы и оружие убитых. Я забрал приемник-передатчик, а упаковку — старший сержант, и мы начали отползать назад.

Когда возвратились к своим, старший радист доложил начальнику радиостанции Андрею о захвате немецкой рации.

— Хорошо, — сказал он, — давайте ее в машину.

Мы погрузили трофейную рацию в автомашину. Командир роты объявил нам благодарность.

Утром пришло подкрепление — пехота и танки, и мы опять перешли в наступление. Немецкая железнодорожная станция была взята, и наши части ушли дальше, в глубь Пруссии.

ВИТЯ ВАСЕНКОВ (1932 г.)

г. Минск.

МОЙ БРАТ

Это было зимой. Немцы возили из лесу дрова. Однажды мы — я, мой брат Володя, его друзья Алесь Абрамов, Толя Бойков и другие ребята — играли на улице около казармы. К нам вышел немецкий офицер и подозвал к себе. Когда мы подошли, он выбрал самых больших и сильных и повел во двор казармы. Там приказал сгрузить дрова с машины.

Я был меньше всех и меня не взяли. Пришлось идти домой. Когда Володя возвратился, по секрету рассказал мне, что случилось во дворе казармы.

Несколько немцев тоже разгружали дрова. Им стало жарко, и они сняли с себя верхнюю одежду и развесили где попало. Винтовки и револьверы лежали здесь же, около одежды.

На крыле переднего колеса автомашины лежала шинель, под нею, в кобуре, был револьвер. Володя заметил это с самого начала. Он вспомнил, как однажды дядя Маньковский сказал ребятам: «Вы бываете у немцев, покупаете у них папиросы и всякую мелочь. А вот «купить» или «взять в долг» оружие не догадаетесь. А оно нам очень нужно». Володя носил дрова и все думал, как бы завладеть револьвером.

Вдруг он увидел на тропинке толстый, без резьбы, согнутый болт. Болт мешал ходить: наступишь на один конец, другой ударяет по сапогу. Наконец один немец толкнул ногой и отбросил болт к машине. В это время из кухни вышли за дровами официантки. Одна из них остановилась неподалеку от болта. Заговорила с немцем, смеялась и носком толкала болт. Немец тоже смотрел на него. Когда девушка ушла, пнул ногой болт так, что тот подлетел вверх и ударился о топор, которым человек рубил дрова. Немец громко рассмеялся и побежал разгружать дрова. Официантки набрали дров и ушли. Человек поднял болт, посмотрел на него и отшвырнул.

Володя все это видел. У него появилась мысль, что болт ему может понадобится. Хотел было поднять железку, но от машины к штабелю дров снова шли немцы.

Через несколько минут ко двору подъехала еще одна машина. Она была нагружена доверху. Дрова разъезжались по сторонам и цеплялись за ворота. Шофер несколько раз пытался проехать в ворота, но это ему не удавалось. Тогда офицер послал на помощь солдат. Те, немного поспорив, стали сгружать дрова.

Как только солдаты отошли, Володя подобрал болт, торопливо расстегнул кобуру, взял револьвер, а на его место положил болт. Дровосеки стояли спиной к нему и ничего не заметили. Спрятав револьвер в карман, Володя взял полено и понес к штабелю. Штабель плотно прилегал к забору, который отделял

двор от улицы. Володя подошел к забору, выбил поленом доску, положил револьвер на дрова и прикрыл его поленом. Друзья его смотрели и радостно улыбались. Володя погрозил им кулаком, и те опять взялись за работу.

Как только машина проехала во двор, зазвенел звонок на обед. Немцы быстро разобрали свои шинели, оружие и подались в казарму. Ребята тоже ушли со двора. На улице Толя тихо сказал:

— Мы видели все и следили за всем, что делалось на дворе...

— Когда немцы узнают, что пропал револьвер, начнут искать, спрашивать, кто взял. Скажете, что ничего не видели и не знаете, — сказал товарищам Володя.

На углу улицы он остановил друзей и прошептал:

— Пока немцы не хватились, револьвер нужно забрать. Вы наблюдайте, а я пойду.

Брат подошел к выбитой доске, просунул руку в щель и вытащил револьвер. Спрятал в карман и махнул друзьям — дескать, идите прямо, а сам пошел по другой улице. Он спрятал револьвер под тротуаром, напротив нашего дома.

На следующий день маму погнали копать окопы. Я и Володя остались дома. Мы играли с младшими детьми. В сенях раздался стук, и в хату вошли три немца. Начали расспрашивать про револьвер. Володя отвечал:

— Я ничего не знаю...

Немцы перерыли в хате все вещи, но оружия не нашли. Это обозлило их. Они набросились на Володю и избили его до крови. И это им не помогло — брат твердил одно и то же:

— Ничего не знаю... Никакого револьвера я не видал.

Я и жалел брата и гордился, что он такой смелый и стойкий.

Немцы забрали Володю и повели. Офицер, допрашивавший его, сначала хотел взять лаской. Он сказал, что если Володя признается и вернет револьвер, то сейчас же будет отпущен домой с подарком. Но старания немца были напрасны: Володя повторял одно и то же. Тогда его начали пытаться. Били плетками до потери сознания, отливали холодной водой и опять били. Голого сажали в холодную. Когда и это не помогло, собрали вместе трех мальчиков и начали говорить, что они один одного выдали. Осталось выяснить, кто из трех виноват. Немцы внимательно следили за мальчиками. Те стояли молча перед палачами, и каждый на хитрости немцев отвечал:

— Я-то не брал, а если кто брал или видел, пусть скажет.

Немцы убедились, что ничего от ребят не добьются. Отпустили Толю, Алесю, а Володю продолжали мучить. Но никакие пытки не могли сломить его упорство. Немцам надоело возиться с ним, и они решили прикончить брата.

Его повели в камеру смерти. Он вошел туда и увидел двух немцев, которые держали большой мешок. Володя сразу догадался обо всем. Так немцы расправлялись с партизанами, которые отказывались отвечать на допросах: завязывали человека в мешок и бросали под лед в Днепр.

Брат остановился у дверей. К нему подскочили два жандарма. Один схватил за руки, с силой заломил их назад, второй — за ноги. Подняли и сунули в мешок. Володя громко заплакал и попробовал дернуть ногой, но от сильного удара сапогом в бок охнул и затих. Его подняли, вынесли на улицу и бросили в машину. Через несколько минут грузовик отъехал.

Володя лежал в машине, и ему казалось, что в кузове, кроме него, никого больше нет.

Умирать Володе не хотелось, и он начал думать, как бы ему выбраться из мешка. Но что мог он сде-

лать голыми руками? Вдруг в голову пришла смелая мысль: зубы! Он собрал в комок ткань мешка и начал быстро жевать ее. Сначала прогрыз небольшую дырку, просунул в нее пальцы обеих рук и принялся с силой рвать мешок. Когда дыра сделалась больше, брат просунул ногу и две руки, натужился, и мешок подался. Потом Володя высунул голову и посмотрел по сторонам. В кузове, действительно, никого не было. Это его обрадовало. Володя сбросил с себя мешок, ухватился руками за борт, изловчился и выпрыгнул из машины — под откос, в снег.

Неподалеку был лес, и Володя пополз к нему. Руки окоченели от холода, но он не обращал на это внимания. Ему не терпелось добраться до лесной чащи, спрятаться от злого врага — немца.

С полкилометра прополз Володя, когда услышал тяжелый топот лошадиных ног. Он оглянулся. По дороге ехал полицейский на коне. Заметив ползущего человека, погнался. Володя хотел подняться и бежать, но сильный удар плетью сбил его с ног.

Полицейский пригнал Володю в Шклов и сдал в комендатуру. Его посадили в тюрьму, допрашивали — кто он такой и откуда. Володя не признался. Через несколько дней его перевели в концлагерь. Вместе с другими его гоняли копать окопы около города.

Я часто носил ему передачу. Во время наших встреч он рассказывал, как немцы издевались над ним в гестапо и как спасся от смерти. Однажды сказал мне, где спрятал револьвер. Я отыскал его и через Володиных товарищей передал дяде Маньковскому.

В лагере Володя пробыл до прихода Красной Армии. Отступая, немцы вывезли его в Германию. Что там случилось с ним, я не знаю.

КОЛЯ КАЙКУЛИН (1931 г.)

г. Шклов.

ДВА РАЗА В КЕНИГСБЕРГЕ

Наша деревня называлась Грани. Расположена она была недалеко от города Полоцка. Помню, как мама с папой ездили туда на базар и привозили оттуда мне вкусные баранки и конфеты. Мне шел седьмой год, и я был один у родителей. Правда, был еще старший брат, Василий, но он служил в Красной Армии.

Я хорошо не понимал, что случилось, но заметил, как тревожно говорили взрослые о войне, о немцах, потом про каких-то партизан. Я прислушивался, расспрашивал и мало-помалу стал догадываться, в чем дело.

Как-то раз ночью в окно к нам постучали. Я проснулся и увидел, что отец подошел к окну и сказал кому-то: «Сейчас, сейчас...» И потом открыл дверь. В темную нашу хату зашло много людей. Все говорили шепотом. Я догадался, что это партизаны. Мама поднялась, завесила окно одеялом и зажгла коптилку. Папа начал быстро собираться. Мама помогала ему. Положила в мешок чистую рубашку, портянки, потом собрала хлеб, сало. Когда все было готово, папа поцеловал бабушку в руку и голову. Обнял и поцеловал маму.

— Жди, вернемся с победой,— сказал он ей.—
Расти сына.

Потом подошел ко мне, взял меня на руки и крепко прижал к груди. Все это произошло очень быстро, но я все же спросил:

— Куда ты, папа?

— Защищать родину от фашистов, сынок,— ответил он.

Все вышли из хаты. Мы с мамой погасили огонь и, обнявшись, долго сидели около окна. Смотрели на ту стежку, что поворачивала в лес,— по ней ушел наш папа с незнакомыми людьми. Мама сказала, что сегодня ночью все наши мужчины ушли к партизанам, потому

что завтра немцы погонят людей на работу. А кто хочет служить врагу? А там в лесу много партизан, и они будут помогать нашей армии. Когда немцев прогонят, все вернутся домой.

Но отец мой больше уже не вернулся...

Прошло некоторое время — и вдруг в нашей деревне начали рваться снаряды: обстреливали из Полоцка. В небе появились самолеты и стали нас бомбить. Люди бросились в поле, в лес, а некоторые искали убежища дома.

Снаряды гудят, дома горят, люди мечутся, а моя мама упала в сенях и не двигается. Я кинулся к ней, но она мне и слова не смогла сказать — умерла.

Бабушка сказала, что нужно бежать в лес, в окопы. Она так растерялась, что не знала, что делать. Мне пришлось в голову взять с собой корову и окорок свинины. Я завязал корове полотенце за рога, и мы побежали. Все вокруг оглушительно гремело.

Только подошли к окопу, как недалеко разорвался снаряд и осколком ранило корову. Она замычала и упала. Но нам было не до нее. Мы спрятались в окоп и в ужасе почувствовали, как от взрывов дрожит вся земля.

Когда стало тихо, мы выбрались наверх. Над деревней стоял черный дым. Я подумал, что мама не умерла, а упала в обмороке, и побежал домой. Там уже были немцы. Наша хата не горела.

Я вбежал в сени и увидел, что мама лежит, как и раньше, на полу мертвая.

Немцы поймали девять партизанских семей, загнали в сарай и подожгли. Я забыл свое горе, когда увидал такой ужас.

Закончив свое страшное дело, немцы уехали.

Люди из лесу начали собираться около нашей хаты. Пришла и моя бабушка с раненой коровой. Обнявшись, мы долго плакали. Теперь у меня из родных и близких осталась одна только бабушка.

Соседи помогли похоронить маму. Говорили, что она умерла от разрыва сердца.

Люди гадали, как жить, что делать, но вдруг опять нагрянули немцы. Один из них подошел к нам и закричал: «Собирайтесь!» И тотчас начали грузить нас и коров на машины. На три машины нас, на четвертую коров. Была здесь и наша корова.

Привезли нас на станцию Грани и высадили на какую-то площадь. Мы просидели двое суток, ели кто что имел. Пока что мы с бабушкой были вместе. Она все больше жалела меня, и я боялся потерять ее. наших коров куда-то погнали. Мне очень жаль было своей раненой коровы, она брела среди других, опустив голову. Полотенце, которое я привязал к ее рогам, было теперь повязано на шею.

Солнце еще не взошло, как нам приказали погружаться на поезд. Нас повезли на станцию Граево. Там мы прошли медицинский осмотр. Нас водили в баню и впервые дали какого-то супа. После обеда опять погрузили в вагоны. В вагоне было много и других людей, не только из нашей деревни. С остановками мы ехали трое суток.

Привезли нас в город Кенигсберг. Там был лагерь, обнесенный высокой кирпичной стеной с колючей проволокой наверху. Всех загнали за эту стену. Здесь нас начали осматривать немцы, дотрагиваясь до нас не руками, а палочками. Смотрели в глаза, в рот, тыкали в подбородки...

Наш лагерь считался самым плохим. В нем были старики, женщины, дети. Мужчин не было — все они были в партизанах.

Мы не работали, но людей от нас куда-то уводили, и назад они больше не возвращались. Всех съедала «печка-душегубка», которая была за стеной, за железными дверьми.

Все мы ждали страшной смерти в этой печи.

Однажды немец взял у нас четырнадцатилетнего

мальчика и повел его к железным дверям. Мальчик изловчился и всадил немцу в грудь нож. Немец упал. Мальчика сейчас же схватили другие немцы.

Потом немцы выгнали нас всех из барачков на площадь и поставили вокруг двух столбов, вкопанных в землю. На столбах была перекладина, а к ней прикреплен железный крюк. Привели мальчика и повесили его ногами на этот крюк. Под ним налили горючего и зажгли. Мальчик кричал, корчился и горел. Люди плакали, со стоном отворачивались, а немцы били тех, кто не смотрел на муки мальчика.

Всю свою жизнь буду помнить я эту смерть.

Не знаю почему, но на следующий день меня перевели в другой лагерь. Здесь было легче: не грозила каждый день страшная смерть. Но это меня мало радовало — я все время думал, что мою бабушку не минет смерть в «печке-душегубке».

Из лагеря нас гоняли на работу. Гоняли и меня. Выходил в семь часов утра, а возвращался в барак около восьми вечера. На обед давали суп с брюквой, а под вечер — сто граммов хлеба с черным кофе.

Моя работа была — чистить паровозы. Однажды я чистил, чистил и захотелось мне покрутить что-нибудь. Вдруг паровоз засипел и двинулся. Я начал хвататься за всякие рычаги и колесики. Паровоз остановился. Меня догнали немцы, давай орать. Я плакал, оправдывался: «Пан, я покрутил случайно, а «цуг и фарен». Они поверили и ничего мне не сделали, только строго-настрого приказали ничего не трогать.

Видимо, моя ловкость понравилась машинисту, и он однажды взял меня с собой. Приехали мы в Каунас, затем в Вильнюс, а потом поехали дальше, к фронту. Когда остановились в Молодечно, машинист куда-то ушел, и я задал стрекача.

Прибежал в какую-то (забыл, как называли) деревню, черный, грязный, голодный. Попал к одной доброй женщине, которая меня передела, накормила

и уложила спать. Мне так хорошо стало, как будто я попал к своей маме.

В деревне я прожил два месяца. Помогал по хозяйству. Особенно любил ухаживать за коровами. Мне казалось, что это я пасу и чищу нашу раненую коровку.

Наконец дошла до нас радостная весть: немцы отступают. Как прошло это отступление, я даже не помню. Помню только, с какой радостью я увидел первых наших красноармейцев. Я бросился к ним с плачем, хотелось рассказать, что я пережил.

А потом меня потянуло домой. Что там теперь? Кто живет в нашей хате? Может быть, вернулся отец?

Пешком, на подводе, на военной машине — добрался я домой. И что же? Ни деревни, ни нашей хаты не было, даже ни одного человека не видать. Место, где похоронили маму, заросло бурьяном. Там, где сгорело девять партизанских семей, кто-то поставил девять больших крестов. Слезы полились у меня из глаз. Я бродил, как неприкаянный, захотелось есть. Есть было нечего. Мне казалось, что я остался один на всем свете. Что делать? Куда идти?

Я пошел на станцию Грани. Там увидел военный обоз с кухней. Я решил присоединиться к нему. Могу же я что-либо делать, чем-то помогать. Будут прогонять — все равно не уйду.

Но меня не прогнали. И я вместе с нашими войсками опять пошел в Германию. Опять побывал в Каунасе. И опять пришел в Кенигсберг.

Побывал в нашем страшном лагере. Теперь там было тихо, пусто. Я обошел все знакомые уголки. Хотелось плакать, когда я вспомнил, что здесь сожжена моя милая бабушка. Смогли ли удрать те палачи, что сожгли мальчика? Очень хотелось увидеть тех немцев, что обследовали нас палочками.

ПЕТРУСЬ БУДНЕВИЧ (1935 г.)

МОТОЦИКЛ

Это было в 1943 году. Я и мои друзья Васька и Колька находились тогда в артиллерийской бригаде, которой командовал полковник Пастух. Бригада занимала оборону, боев на этом участке не было. Мы помогали чистить орудия, протирали снаряды, навинчивали на них колпачки и выполняли всякие другие мелкие работы.

В то время мы стояли в лесу. За нами находились старые линии обороны с траншеями. Однажды мы втроем пошли туда. Около разрушенного сарайчика увидели немецкий мотоцикл с коляской. Подошли и стали рассматривать. Васька говорит:

— Давайте покатаемся.

Предложение Васьки понравилось нам, и мы охотно взялись за дело. Один из нас забирался в коляску, а двое толкали ее. Поле было неровное, и мотоцикл медленно катился вперед. Но мы были рады и тому, что он хоть двигался. Когда нам надоело заниматься этим, я предложил взять мотоцикл с собой.

Мы притащили мотоцикл в расположение взвода. Старший механик сержант Пичугин осмотрел его и сказал:

— Он совсем исправный. Вы сами можете его отремонтировать.

Мы сразу приступили к работе. Вертели его и так и этак, ощупали каждую деталь, но что нужно сделать — не знали. Пошли к Пичугину просить, чтоб он показал нам, что надо исправить. Он сказал, чтоб мы сменили свечи и электропроводку, тогда мотоцикл наверняка пойдет. Но и после этого у нас ничего не вышло. Тогда он сам отремонтировал мотоцикл. Начальник горюче-смазочного склада, младший сержант Лобода, дал нам бензину. Мы заправили мотоцикл и проверили — он двинулся с места. Мы очень обрадовались, когда услышали знакомое фырканье.

Васька умел немного водить, и мы начали кататься. Теперь мотоцикл вез уже нас троих.

Но радоваться долго не пришлось. Появился начальник тыла майор Гриншпан и отнял у нас мотоцикл. Мы заскучали, особенно переживал Васька. Он не перенес такой «несправедливости», пошел к командиру бригады и пожаловался, что у нас, мол, отняли наш трофей. Полковник чутко относился к нам. Он приказал майору вернуть мотоцикл и разрешил нам учиться водить его. Васька возвратился к нам на мотоцикле. Он сиял от удовольствия. Я и Колька тоже были рады. Здесь же решили все вместе прокатиться. Васька забел мотоцикл и сел за руль. Я и Колька пристроились в коляске.

Мы выехали в перелесок и начали ездить взад-вперед. Стоял жаркий день, вокруг было спокойно. Нас все знали и не обращали внимания. Выбирая лучшие места для езды, мы двигались вперед и вскоре увидели деревню. Нам было известно, что эта деревня «ничья», что там часто бывают наши разведчики, и мы решили заехать туда.

Только подъехали, как у мотоцикла спустило колесо. Васька спрыгнул и начал осматривать его. Мы тоже вылезли. Насоса у нас не было. Мы оглянулись и увидели, что из-за угла одной хаты торчит кузов автомашины.

— Пойду к шоферу и попрошу у него насос, — сказал Васька и побежал в ту сторону.

Мы остались около мотоцикла и стали ждать его. Он приблизился к автомашине и вдруг, как заяц, отскочил в сторону и, прижавшись ближе к домам, бросился назад. Мы заволновались. Васька прибежал испуганный и сообщил, что там немцы.

На нас напал страх. Мы отказались от мотоцикла и бросились в кусты около дороги. Притаились, наблюдаем — что будет дальше.

В это время с нашей стороны загремела артилле-

рия. Над головами со свистом полетели снаряды. Они рвались в другом конце деревни. Один из них угодила в дом, за которым стояла автомашина.

Нам стало страшно, и мы решили спрятаться в более надежное место. Неподалеку стоял еще один дом. Мы быстро перебежали к нему. Дом был пуст. Мы пробрались на кухню и сели на пол. Васька, смелее всех, залез на подоконник посмотреть, что делается на улице. В этот момент недалеко от дома разорвался снаряд. Стекло в окне разлетелось и осколками рассекло Ваське щеку. По лицу его потекла кровь. Васька забрался в угол и стал вытирать ее.

Через несколько минут артиллерийский обстрел прекратился, и мы услышали пулеметные и винтовочные выстрелы. Они все приближались к нам. Я заинтересовался, подкрался к окну и выглянул. То, что я увидел, заставило меня вздрогнуть. Из сада выскочил высокий немец и направился к нашему дому. Оружия у нас не было. «Ну, капут нам всем», — подумал я и со страхом начал следить за немцем. Тот взбежал на крыльцо, почему-то остановился, постоял, потом побежал к уборной и спрятался в ней.

Я повеселел и только тогда рассказал ребятам, какая опасность угрожала нам.

Мы собирались бежать из дома, как вдруг в деревне раздались крики «ура». Мы поняли, что это наши наступают. Подбежали к окну: наши пехотинцы, пригнувшись, перебежали от хаты к хате. Страх наш пропал. Мы пулей вылетели из дома и побежали навстречу. Бойцы, заметив нас, очень удивились и спросили, откуда мы взялись. Когда мы рассказали, они засмеялись: «Вот вояки, с одним мотоциклом село взяли!»

Тогда я вспомнил про того немца.

— Ребята, давайте посмотрим, где он, — сказал я.

Мы тихо подбежали к уборной. Я вырвался вперед и распахнул дверь. Передо мной стоял тот самый

немец. Заметив, что нас трое, он поднял руки. Я быстро схватил лежащий у его ног пистолет. Он был не заряжен. Перепуганный немец одной рукой достал из кармана фотокарточку и подал мне. На фото была женщина с ребенком. Я подумал, что это его жена.

— Ком, — крикнул я.

Немец вышел.

Мы привели его к мотоциклу. Я и Васька остались сторожить, а Колька побежал искать наших бойцов. Скоро он вернулся вместе со старшим лейтенантом. Мы передали ему немца. Старший лейтенант вынул из планшетки блокнот и записал, что такие-то воспитанники такой-то части задержали немецкого офицера.

Мы приехали в часть и доложили полковнику о своих похождениях. Полковник рассердился, что мы поехали без разрешения, и приказал отобрать у нас мотоцикл. В наказание нам дали по пять суток гауптвахты. Мы отсидели как миленькие. А когда срок наказания кончился, мы были удивлены: нам была объявлена благодарность и возвращен мотоцикл.

ЮРИЙ МАМОЧКИН(1930 г.)

МАТЬ И СЫН

Летом 1943 года на нашу деревню Новоселье Пропойского района напали немцы. Окружили, выгнали людей на площадь посреди деревни. Разделили всех нас на две группы — в одной молодежь, в другой старики с детьми.

Молодых девушек и ребят погрузили в автомашины и вывезли из деревни. Стариков и женщин с детьми загнали в колхозные сараи, где лежала солома, облитая керосином. Двери заколотили, кругом расставили пулеметы. Сараи подожгли.

Стоны, проклятье, плач детей и женщин слышались среди треска огня и выстрелов. Кое-кто пытался выскочить из огня, но немцы расстреливали каждого.

Мама была во дворе и заметила немцев, когда те забегали в соседние хаты. Под полом у нас было устроено убежище, и мы вдвоем спрятались там. Я слышал, как немцы ломали и опрокидывали все в хате. В нескольких местах взрывали пол, но убежища так и не нашли. Наконец немцы оставили нашу хату. Мы сидели молча и прислушивались к шуму. Слышно было, как вдали по-прежнему звучала стрельба, плакали люди, трещал огонь. Пугал пожар — могла загореться и наша хата.

Под вечер, когда стало тихо, мы вышли из убежища. Сараи, в которых сжигали людей, догорали. С пожарища валил черный едкий дым. Кучи трупов валялись на площади. Многие, видимо, пытались убежать. Тела их были окровавлены и валялись там, где людей настигла пуля. В двух колодцах были потоплены дети, а сверху накидан разный хлам. Живыми из всей деревни осталось только десять человек.

— Теперь нам, сынок, жить здесь нельзя, — сказала мама, — пойдем к партизанам.

Мы хотели идти к партизанам с оружием. Мама сказала, что в деревне Ракосец (за два километра) в хате дяди Змитрока немцы устроили склад оружия.

— Ты знаешь его хату, — говорила она. — Эта хата выходит окнами в огород. Часовой стоит возле забора, у крыльца или на крыльце. Ты подползи к окну, залезь в хату и возьми оружие.

На следующий день я встретился со своим другом Васей, который остался в живых, потому что спрятался в колхозной кузнице за горновым мехом. Я рассказал ему о своих планах, и он согласился идти со мной.

В гарнизон мы вышли в полдень. Прошли рожь и по картофельному полю поползли к хате. Подняли

головы из картофеля, послушали, посмотрели — никого кругом не было. Мы подползли к хате. Стекла в окнах были прикреплены гвоздями. Я вырвал их, вынул стекло, отцепил крючки и открыл окно. Быстро и тихо мы вскочили в хату. Около стены стояло много винтовок. Посредине хаты в двух больших штабелях были сложены ящики. В каждом ящике лежало по четыре мины, в других были снаряды. Один ящик без крышки был наполовину заполнен патронами. Мы взяли по две винтовки, набили за пазуху патронов и выскочили. Я вставил стекло и воткнул гвозди на место.

Во дворе было тихо. Солнце сильно припекало. Вокруг, как и прежде, никого не было. Я пожалел, что мы поспешили и взяли мало винтовок, но решил, что можно будет прийти еще раз... Проползли по картофельному полю, пригнувшись, выбежали на тропинку, которая шла к нашей деревне.

С Васей мы не были соседями. Я жил в конце деревни, а он в центре. Когда мы дошли до нашей хаты, я спросил у него:

— Что ты будешь делать со своими винтовками?

— А ты что будешь делать? — спросил он.

— Они мне нужны. Я не для себя... Я их передам партизанам. Но этого мало. Может, еще раз сходим?..

— Хорошо, — согласился Вася.

— Пойдем к нам, — пригласил я.

Мама дала нам пообедать. Мы ели и рассказывали ей, как достали оружие. Она вздохнула и сказала:

— Молодцы, ребята, только никому про это не говорите.

— Нет! — ответили мы дружно.

Оружие и патроны она сложила в большой мешок и обмотала его веревкой.

Под вечер мама понесла оружие в отряд и вернулась только ночью, когда я спал. На завтра я спросил маму, что сказал командир.

— Сказал, чтоб мы собирали оружие,— ответила она.

— А скоро ли мы пойдём к партизанам?

— До зимы будем жить здесь. Я получила задание, буду разведчицей. Станет опаснее, перейдем к ним. Я рассказала командиру, что это оружие достал ты. Он похвалил тебя и просил еще достать.

Мне было очень приятно, и я сказал:

— Мамочка, если просил сам командир, то еще не раз схожу...

— Хорошо, хорошо, только будь осторожным.

Мы ходили еще дважды и принесли восемь винтовок и около тысячи патронов. Мы так же тихо подползали, вынимали стекло и опять его вставляли на место. Но делали это не днем, а вечером.

В четвертый раз мы решили идти днем. Солнце сильно жгло, от такой жары нас разморило. Вокруг — ни души. Мы предполагали, что немцы где-либо спят в тени. Так оно и было.

Как и всегда, мы подползли к окну, тихо открыли его и вскочили. Все было на своем месте. Поглядели в окна — на улице никого. Решили осмотреться получше. Ничего особенного: у стены стоят прежние винтовки, столько же патронов и два штабеля снарядов-мин посреди хаты. Но — что это?.. В углу стоят нары, накрытые одеялом. А рядом на небольшой вешалке два френча. На каждом френче висит по кобуре. «Видимо, наганы», — подумал я. Расстегнул кобуры, сунул один наган за пазуху, а второй дал Васе. Набрали мы патронов, прихватили две винтовки и выскочили в окно.

Вдруг ворота на огороде закрипели... Из них вышел толстый заспанный немец. Он шел к уборной на огород. Шел и смотрел себе под ноги. Словно окаменелые стояли мы и следили за ним, даже не дышали. Сердце билось сильно и часто, казалось, немец услышит его стук и посмотрит на нас. Хоть бы скорее он

прошел! А он, как нарочно, брел лениво. Вдруг наклонился и поднял со стезжки камень и как будто повернулся к нам. Мы уж думали, что он подымает камень, чтоб кинуть в нас. Но он медленно, словно камень весил пудов пять, поднял его и отшвырнул в сторону.

Нам стало легче...

Но вдруг немец обернулся, уставился на нас. Потом выхватил из-за голенища наган и быстро зашагал к нам... В глазах у меня потемнело, руки и ноги задрожали, и я еле устоял на ногах, а Вася закричал: «Мама!..» Немец подошел. Вася так и стоял с открытым ртом. Немец ударил каждого наганом по подбородку. Вася заплакал и стал бормотать:

— Мы ничего... мы так...

Немец не слушал и гнал нас перед собой.

В комендатуре он что-то крикливо рассказывал коменданту. Тот слушал и почему-то моргал глазами. Мы молча стояли перед ним. Я смотрел себе под ноги, но ничего не видел. Разных цветов круги вертелись перед моими глазами. Наши рубахи отвисали от патронов.

Вызвали переводчика. В комнату вбежал маленький, худой и быстрый человек. Комендант что-то сказал ему, он быстро подскочил к нам и выдернул наши рубахи из-под ремней. Наганы выпали, и патроны посыпались на пол, больно отбивая босые ноги. К горлу подступил комок, и мне хотелось плакать.

— Откуда вы, щенята? — спросил переводчик.

Вася ответил:

— Из Новоселья.

— Кто вас послал воровать оружие? — опять спросил переводчик.

Вася поглядел на меня и, захлебываясь и заикаясь, начал бормотать:

— Я... я... мы... ничего... да... Я невиноватый.

— Ты не реви, а говори толком! — закричал переводчик.

От испуга Вася еще сильнее заревел.

Переводчик оставил его и подошел ко мне.

— Ну, а ты, щенок, что скажешь? Кто послал тебя сюда?

Я молчал.

— А, ты не хочешь по-хорошему? — крикнул переводчик и посмотрел на коменданта. — Я тебя другим способом научу говорить. — И он несколько раз ударил меня плетью. Я сорвался с места и бросился искать двери. Около порога меня сбил сапогом в живот полицейский. Не помню, что было дальше, куда девался Вася и что с ним стало, только пришел я в себя уже в темном сыром подвале.

Как ни старался, но даже маленькой щели не мог я разглядеть. Не знал, что теперь — день, ночь? Меня мучила мысль: «Почему со мной нет Васи?.. Возможно, он рассказал все и его выпустили?» — думал я. И чем больше я думал, тем больше мне становилось страшно. Потом я задремал и наконец уснул.

Проснулся я от острой боли и страшно закричал — по мне ползали крысы: по спине, по голове, перебегали по лицу, а одна даже укусила меня за нос. Я сел. Хотя бы немного света!

Усталый и больной я засыпал и тут же снова просыпался. На улице было тихо, а здесь шныряли крысы и пищали. Было страшно. Скоро ли откроют двери?.. Ждал я очень долго.

Наконец около дверей прошуршали чьи-то шаги, загремел засов. Открылись двери, и вошел полицейский.

— Эй, вылезай, голубчик, — почти ласково крикнул он.

Я вышел, шатаюсь и заслоняя глаза от света ладонью.

— Понравилось? — улыбнулся полицейский. — Может, теперь все расскажешь.

Он повел меня в комендатуру. В комнате был комендант и несколько полицаев. Меня встретили приветливо, усадили и вновь стали спрашивать одно и то же: имя, фамилию, откуда я, кто меня послал. Обещали сразу, как все скажу, отпустить домой.

Я молчал. Тогда переводчик спросил:

— Ты, наверно, хочешь есть? А? Говори!

— Да, — признался я, потому что со вчерашнего дня ничего не ел.

— Так вот почему ты не можешь говорить, — сказал переводчик. — Хорошо, хорошо, садись к столу.

Мне подали два куска хлеба с маслом. Я схватил и с жадностью стал есть, посматривая на коменданта. Он улыбнулся, кивнул мне головой и сказал:

— Гут, гут!

Переводчик сказал мне:

— Тебя, видать, подговорили? Да? Они нарочно посылают детей, чтоб здесь их убивали. Но мы сделаем иначе. Ты нам только все расскажи, и мы тебя отпустим.

Я ел и молчал.

Тогда комендант закричал, ударил кулаком по столу и отвернулся от меня. Один полицаи вырвал недоеденный кусок хлеба, а двое схватили меня за руки и ноги и вынесли в соседнюю комнату. Там бросили меня на длинный и низкий стол, повернули на живот. Один сжал мне ноги, другой обхватил у ладоней руки и притиснул ими мою голову. Третий ударил меня плетью по спине. Я закричал и попробовал шевельнуть ногами, но не мог сдвинуть их с места. Удары сыпались. Я кричал, втягивая плечи, приподнимался на животе...

Переводчик остановил палача и спросил:

— Теперь конечно скажешь?

Я только стонал от боли. Палач несколько раз

ударил меня и бросил плеть. Полицейские подхватили и посадили меня на стол. Но я не мог сидеть. Тогда на меня вылили с полведра воды. Я соскользнул со стола и упал на пол. Все ушли, а я быстро уснул.

Проснулся от удара сапогом в спину. Полицай подхватил меня и опять потащил к коменданту.

— Есть хочешь? — спросил переводчик.

— И пить тоже, — ответил я.

Все удивленно переглянулись и подали мне недоеденный кусок хлеба. Потом переводчик налил в стакан воды и сказал:

— Вот вода, но выпьешь ты ее тогда, как скажешь, что у тебя спрашивают.

Я ел хлеб, не ожидая воды, и молчал.

— Садись! — крикнул переводчик и показал на скамейку.

За каждый откушенный кусок хлеба меня по два разаогревали плетью. От боли я вскрикивал и срывался с места. Но меня толкали назад. Есть я не переставал, старался только откусывать куски побольше, чтоб меньше было ударов. Последние удары были такие сильные, что я потерял сознание. Меня облили водой и бросили опять в тот же подвал.

На другое утро меня снова вызвали к коменданту.

В комнате стояла мама. Я не узнал ее сначала. Она была без платка, волосы были спутаны, а под глазами черные круги.

— Сынок мой!.. Что они с тобой сделали? — сказала мама и сделала два шага ко мне.

Полицай толкнул ее, и она упала на пол.

Рубашка моя прилипла к телу. Я не мог повернуться от боли. Голова и лицо опухли и засохшая кровь стягивала кожу. Руки тоже были в крови, ноги подкашивались.

— Вот твоя мать, — сказал мне переводчик. —

Она пришла освободить тебя. Если ты скажешь, кто тебя послал и где партизаны, мы отпустим вас обоих.

Они внимательно следили за нашими глазами.

Я молчал.

— Ты молчишь? — озверел переводчик и сильно ударил меня плетью.

Мама вскочила и закричала хриплым голосом:

— Палачи вы! Зачем его бьете? Виновата я! Я сама послала его за оружием. Оружие нужно партизанам и нам, чтоб уничтожить вас, проклятых!

На маму набросились полицейские и при мне начали избивать ее, спрашивая, где партизаны. Мама стонала, но не промолвила больше ни слова. А меня схватили и толкнули в какую-то темную комнату. Сколько я там сидел, не помню. Потом пришел полицейский и сказал:

— Можешь идти.

— Куда? — спросил я, не понимая.

— Куда хочешь.

Я побежал к своей деревне. На улице около одного дома, у колодца, стояло четыре немца. Когда я поравнялся с ними, они преградили мне дорогу. Двое схватили меня, ничего не говоря, поднесли к колодцу и бросили туда головой вниз. Помню, как обо что-то сильно ударился головой, а как очутился в воде — не помню.

Вода была очень холодная, и я сразу пришел в себя. Непонятно, как я оказался на ногах: ведь падал вниз головой, и кожа на голове слева была ободрана.

Ледяная вода была мне по грудь. И не так чувствовалась боль, как холод: я дрожал и старался выбраться на бревна сруба. Сруб немного выступал из воды. Бревна были скользкие от зеленой плесени.

Наверху заскрипело ведро и вскрикнула женщина. Она сняла ведро и стала смотреть вниз. Я помаhal ей руками: только теперь почувствовал, что не

могу говорить. Женщина опять взялась за ведро и быстро опустила его вниз. Я вцепился руками в палку, влез в ведро — и меня подняли вверх.

Возле колодца стояли женщины. Я лежал на траве и не совсем понимал, что со мной происходит. Меня принесли в хату, переодели в другие лохмотья, перевязали раны и положили на печку.

Через несколько часов мне стало немного лучше. Меня накормили и отпустили домой. Я осторожно выбрался из деревни и пошел. Дома все было разрушено, пол взорван, кровати перевернуты, черепки от посуды и все наши вещи валялись кучами на полу.

За сеновалом я нашел свою маму. Она лежала на боку, лицом к стене. Сначала я подумал, что она спит, наклонился к ней и ужаснулся: лицо и грудь ее были изрезаны ножом.

Я долго плакал около нее, пока меня не сморил сон.

Проснулся от холода. Рассвело, но солнце еще не взошло. Я пошел искать лопату. Искал долго по всему двору, но не мог найти. Тогда я перелез через забор на соседний двор (в хату не заходил, знал, что никого живого там не осталось) и там на огороде в борозде нашел лопату.

В деревне не было ни души. Я не мог придумать, где и как похоронить маму. Но потом решил выкопать яму около ее трупа — перенести ее в другое место не было сил. Яму мне не удалось выкопать — везде был дерн. Я прорезал лопатой дерн, но отвернуть пласт не мог. Пробовал копать в разных местах — ничего не вышло: яма была неглубокая и неровная.

Ноги, спина и руки — все у меня сильно болело, голова кружилась.

Я бросил копать, поцеловал маму и пошел в хату. Хотелось есть, но найти ничего не мог. Тогда я вспомнил, что в сенях в бочонке закопано сало. Лопатой отодрал несколько досок и откопал бочонок.

Наверху лежало два кольца колбасы, высушенной на солнце. Ее мама оставляла к полевым работам. Я отломил большой кусок, грыз его и искал торбу для сала. Нашел под крышей большой грязный мешок, бросил в него оставшуюся колбасу и столько сала, сколько мог нести. Бочонок закрыл и опять закопал в землю.

Среди кучи рваной одежды выбрал целые штаны и рубашку, переоделся, перебросил через плечо мешок и вышел. Мешок тяжело свешивался и бил меня по ногам.

Я шел к партизанам. Они были от нас в десяти километрах, но я не знал ни фамилии партизанского командира, ни названия отряда.

Чтобы попасть к ним, мне нужно было перейти на другой берег Днепра. Туда мы ходили через мост, который был в руках партизан.

На мосту меня задержал немецкий патруль. Только теперь я догадался, что после разгрома нашей деревни и смерти людей мостом овладели немцы. Подошли еще два немца. Посмотрели в мой мешок и захохотали: «Партизант! Партизант!»

Они обыскали меня, и потом двое повели в помещение и передали пьяным офицерам. Сало мое они забрали себе.

Я вспомнил свои прежние муки и заплакал. Немцы ощупали мою распухшую голову, руки и спросили, из какой я деревни и куда иду. Я ответил, из какой деревни, и солгал, что иду к дяде в соседнюю деревню. Офицеры хохотали. Видимо, думали, что я выбрался из заброшенного колодца или вырвался из огня. С хохотом они выстегали меня прутьями и бросили под нары.

Все тело мое болело, я стонал и плакал под нарами. А пьяные немцы хохотали, громко разговаривали, не обращая на меня внимания. Я сильно устал и начал дремать. Но изо всех сил старался не уснуть.

Я хотел следить за немцами, что они будут делать. Один немец несколько раз нагибался, чтобы посмотреть на меня. Когда я видел, что у него сгибаются колени, то закрывал глаза и притворялся спящим.

Наконец, когда я чуть не уснул, в комнате стало тихо. Я открыл глаза, прислушался — немцев не было. Вылез из-под нар и посмотрел в окно. Вокруг тоже никого не было. За окном росли конопля и овес, а дальше — луг и кусты. Я открыл окно и выскочил.

Полз я легко, но мне казалось, что очень медленно. Все мерещилось: вдруг захохочут немцы, залает собака, послышатся выстрелы, засвистят пули над головой... Наконец я дополз до кустов, поднялся и осмотрелся — все было тихо. Сразу сделалось легко, будто с плеч свалилась гора.

Хотелось пить, но воды нигде не было. Я добрался до леса и там увидел куст малины. Подкрепился немного ягодами и пошел дальше в лес по известным мне тропинкам.

Перед самым партизанским лагерем меня встретил часовой и стал расспрашивать, но я расплакался и не мог ничего толком сказать. В лагере женщина-врач сразу же меня перевязала. Пришел командир и другие партизаны. Пока меня перевязывали, я кое-как рассказал им все, что было со мной. Все внимательно слушали. Один пожилой партизан сказал:

— Ничего, сынок, ты не очень отчаивайся. Будешь жить с нами. А за мать твою отомстим.

Лежал я в особой землянке вместе с ранеными партизанами. Раны мои заживали медленно, а потом начала слезать кожа с плеч и головы. А когда выздоровел, то плохо говорил и слышал¹.

Меня все любили, жил я, как в родной семье. Ходить на задания мне не разрешалось, хотя я часто

¹ Он и до сих пор наполовину глух и слеп. (Ред.)

просился. Иногда мне поручали разные работы по хозяйству, и я с охотой их выполнял.

Когда пришли наши, меня поместили в детский дом.

ИВАН СИМОНОВ (1932 г.)

г. Могилев.

ПАРТИЗАНСКИЙ КУРЬЕР

1

Наша семья жила в городе Борисове, на Республиканской улице, в собственном домике (потом он сгорел). Семья была большая: отец, мать, брат Стась двадцати лет, Владик семнадцати лет, замужняя сестра с мужем Петей, младшая сестра Ядя (потом она была партизанской связной). Мне тогда было двенадцать лет, я был пионером.

Петя был инженером на спичечной фабрике, но когда пришли немцы, он бросил работу, связался с подпольщиками и стал им помогать. Он до войны был инструктором в радиокружке, поэтому в нашем доме было несколько хороших радиоприемников. Петя переконструировал их и переправил в район Гнюта, где уже организовались первые партизанские отряды. Себе он оставил один маленький радиоприемник, не больше шкатулки, в которой мама хранила всякую мелочь для шитья. Этот приемник легко было спрятать и замаскировать. Петя хранил его в погребе.

Мы часто слушали Москву. Это было опасно. Недалеко от нас были гестаповцы. Приходилось опасаться и злых соседей — предателей: они следили за каждым нашим шагом. Особенно казалось им подозрительным то, что Петя нигде не работал. А Петя был

связан с партизанскими группами в районе Каменки и озера Палик и переправлял туда оружие. Вся связь партизан этого района с городом шла через Петю.

Видимо, немцы кое-что пронюхали и однажды нагрянули к нам. Обычно наш приемник хранился в погребе, заваленный тряпьем и прошлогодним проросшим картофелем. А в тот день Петя почему-то принес его в дом и спрятал в дымовой трубе. Едва успел он отойти от печи, как ворвались немцы. Спрашивали о партизанах, угрожали всем расстрелом, а потом сделали обыск в доме. Им ничего не удалось найти. Но мы почувствовали, что опасность близка.

2

Братья мои, Стась и Владик, работали шоферами на спичечной фабрике. Ее наши не успели подорвать, и она теперь обслуживала немцев. стыдно и обидно было работать на врага, но пока это даже выгодно было для нашей семьи: двое трудятся у оккупантов. Возможно, только поэтому немцы во время обыска не арестовали нас.

Но Стась все-таки не выдержал и решил бежать к партизанам. Посоветовавшись со своими, он пошел к директору фабрики Римеру и стал просить разрешения поехать на машине за город для того якобы, чтоб достать продуктов. Ример сказал, чтобы Стась достал сала и ему, и отпустил.

Стась уехал прямо с фабрики, и мы знали, что он больше не вернется: по дороге взорвет машину и пойдет к партизанам.

А на второй день мама ворвалась в кабинет Римера и начала причитать, что сын ее не вернулся и что люди говорят, будто его убили партизаны за то, что он служил у немцев. Вскоре стало известно, что машина взорвана, и все заговорили, что Стася и впрямь убили партизаны.

Нам стало немного легче. Тем более, что Владик прилежно водил машину — даже Ример был им доволен.

Так мы прожили зиму.

Весной 1942 года к нам пришел мальчик в кожаных перчатках и лаптях. Он подал маме записку, написанную Стасем. Мама сперва не брала записку, говорила, что Стась убит, и даже заплакала. Но мне мальчик понравился, и я сразу поверил, что он не шпион. Когда пришел Петя, поверила и мама.

Стась писал, чтобы мама и я перебрались к нему в Белые Лужи, что нас проведет этот мальчик, их связной. Просил захватить медикаментов и табаку.

Назавтра мы втроем вышли разными дорогами и встретились в условленном месте. Наш проводник все время шел впереди молча, серьезный. Он был старше меня года на два, и я смотрел на него с уважением: ведь он выполняет важное задание! Записку в отряд Петя передал не маме, не мне, пионеру, а этому мальчику.

В пути нас никто не останавливал, но было страшновато. Связной вел нас в обход Белых Луж, через лес. Потом остановился и стал прислушиваться. Мы слышали шорох. Из-за деревьев вышли пять человек с автоматами и среди них — наш Стась. Мама бросилась целовать его и заплакала.

— Не плачь, мамаша, — сказал один из партизан, — мы тут живем хорошо. Найдется и твоему меньшому занятие.

Среди партизан был один постарше годами, небритый человек, называли его Селянниковым. Наш проводник передал ему письмо от Пети. Я узнал, что связного зовут Мишей Павловичем и что сам он из Белых Луж. Мне тоже захотелось быть таким связным, как он.

Селянников отвел меня в сторону. Я не ожидал, что так скоро приступлю к делу.

— Ты, может, есть хочешь? — спросил он. — Сейчас тебя и маму твою накормим.

Я молчал. Мне хотелось скорее узнать насчет связанной работы.

— Отдохнешь и пойдешь с мамой в город. Она там останется, а тебе будет задание.

Я покраснел и сказал:

— Пакет я хорошо спрячу. Мне Петя показал, как это делать.

Селянников засмеялся.

— Хорошо, что Петя показывал, но сейчас никакого письма тебе не дадим. Скажешь Петру, чтобы организовывал и направлял к нам молодежь. И пусть ваш Владик приезжает. Хватит ему разгуливать по Борису. Запомнишь?

— Тут и запоминать-то нечего, — обиделся я.

Но Селянников заставил меня повторить приказ слово в слово.

— Может, вы дадите мне хоть какой-нибудь пакетик, — все же попросил я.

— Когда пойдешь назад, Петр тебе даст письмо.

— А где я вас увижу?

Селянников весело похлопал меня по плечу.

— А ты молодец! Хорошим курьером будешь. Правда?

— Буду.

Мы договорились, что через два дня в полдень встретимся на этом же месте, около березового бревна. Если толстым концом оно будет лежать, как сейчас, — можно идти дальше; если же наоборот — надо идти к Белым Лужам. Кроме письма, я должен был принести бинт, йод и табак.

По пути назад мы с мамой заночевали в Белых Лужах, повидали Мишу и без помех пришли домой.

На следующий день я с письмом от Пети опять направился в Белые Лужи. В лукошке под тряпками, хлебом и печеной картошкой лежали бинты, йод,

табак. Письмо, свернутое в маленький комочек, я спрятал на груди.

Приблизившись к Белым Лужам, встретил часового. Откуда и почему он здесь? Вчера его ведь не было.

— Вогин? — спросил он.

— Дорф, дорф, — говорил я. — Нах гауз...¹

Часовой пропустил меня. Когда я входил в деревню, увидел, что впереди, на улице, стоят два ряда мужчин, перед ними — пулемет и немцы. Я подался в сторону, за хаты, огородами выбрался из деревни в лес. Там встретил Селянникова и передал посылку и письмо. Но в отряде мне побывать не довелось. Селянников дал мне новое задание, и я сейчас же отправился назад. В Белых Лужах немцев уже не было. Они постращали народ, допытываясь, где партизаны, и потом уехали. Переночевав в Белых Лужах, я на завтра был уже дома.

Дома узнаю, что моя мама арестована. Петя дома не ночевал. У мамы спрашивали про Стася. Видимо, кто-то что-то пронюхал и донес. Но мама твердила одно: сына убили партизаны за то, что он служил у немцев. Ее отпустили. Но мы чувствовали, что за нами внимательно следят. Нас хотели поймать с поличным. Но и мы следили за полицейскими и шпионами. Когда стало совсем опасно, пришел наш знакомый Миша с письмом от брата. В письме говорилось — оставить город как можно быстрее.

3

Легко сказать — выбраться всей семьей. А как это сделать, когда за нами все время следят? Долго советовались, как перехитрить немецких ищек. Наконец, мама придумала такой план, что даже Петя похвалил.

¹ Деревня, деревня. Домой.

Мы принялись заготовливать дрова на зиму. Закупали один воз, второй, открывали настежь ворота — пусть все видят, как мы готовимся к зиме. Сено готовим корове, свинье корм. Соседи смотрят и завидуют. Мать начала прибирать хату, открыла окна, моет, трет стекла и рамы, а отец белит на кухне печку. То Владик, то Петя чинят крышу, стучат молотком на всю улицу.

— К чему это вы так готовитесь? — спрашивают соседи.

— На свадьбу едем, а потом и молодые приедут, будут у нас жить, пока квартиру себе найдут.

Вся улица знала про это. Знали и полицейские. Владик на машине приезжает, возит маму на базар, катает нас. Счастливая жизнь — да и только!

Наконец наступил день отъезда. Мама попросила соседку:

— Посмотри за нашим домом. Корову подоишь. Свинью накормишь. Приедем с молодыми — будешь первой гостьей.

Подъехал Владик с машиной. Вся семья весело расположилась в ней. У меня в руках гармошка. Так и покинули мы город, бросив все свое хозяйство.

4

Я теперь настоящий партизан, или, вернее сказать, партизанский курьер. У меня своя кличка: Мальчик. От наших землянок до Борисова 45 километров. Этот путь приходилось мне проделывать много раз туда и обратно. Идешь ночью по большаку. Кругом тихо, спокойно, но ты весь в напряжении. Все кажется, что кто-то следит за тобой.

Ага, вот здесь должна быть немецкая застава.

Я сворачиваю с дороги и болотами обхожу ее стороной. В городе пробираюсь знакомыми переулками к дому Попекова Гоги, передаю ему листовки и мокрую от пота записку Селянникова. Ночевать в городе

опасно, и я сейчас же отправляюсь назад. Поспать можно в поле или в лесу.

После каждого такого похода мне дают несколько дней отдыха. Я сбрасываю свои лапти и рваную куртку и разгуливаю по землянкам. Отряд уже был большой и готовился к серьезным операциям. Передавать партизанские пакеты сделалось для меня обыкновенным делом.

Однажды в феврале командир вызвал меня и сказал:

— Вот что, Витя, мы дадим тебе подводу, поедешь в город и привезешь оттуда пишущую машинку.

— Может быть, я ее и так донесу.

— Не донесешь: она большая и тяжелая.

Мы распоролы хомут, набили его листовками и опять зашили. Потом запрягли в сани коня, и я поехал. Долго ехал по снежным глухим дорогам. Приехал в город на улицу Розы Люксембург. Там жила жена нашего партизана Адамовича. Заехал во двор, достал листовки, передал письмо и получил машинку. Зарыл ее в сено и поехал.

Выезжаю из города — меня останавливает немецкий часовой, спрашивает, куда я еду. Я спокойно остановил коня, хоть в душе у меня все дрожало. Начал объяснять:

— Домой еду. В деревню Сорская. Мутэр кранк¹, — в больницу отвез.

Немец поверил и отпустил меня. Когда я привез машинку, все хвалили меня, даже начали на руках подбрасывать. Машинку передали бригаде «Смерть фашизму».

Таким же самым способом я доставил 6 винтовок и 500 патронов, которые раздобыл для нас связной Алексеев.

Но были и неприятности. Так, 3 марта 1944 года

¹ Мать больная.

я пошел в город, чтобы передать письмо связному Виктору Анохину. Передал письмо, поел и остался ночевать. Разделся, укрылся и уже начал дремать, когда услышал, как подъехала и остановилась около дома машина. Я вскочил и выпрыгнул через окно в огород. Бежать дальше боялся: я был в белом белье. Спрятался, сижу, дрожу от холода и страха. Гестаповцы зашли в дом, все перерыли и, ничего не найдя, уехали. Я вернулся в хату, оделся и выбрался из города.

5

В том же месяце была у меня и еще одна неприятность.

Командир вручил мне пакет и сказал:

— Беречь! Понимаешь? Беречь!

— Понимаю,— ответил я, хотя и не понимал, почему этот пакет важнее других; по-моему, партизанские пакеты всегда важные.

На этот раз меня, на всякий случай, познакомили с содержанием депеши: отряд переходил на другую сторону железной дороги.

Может быть, я и попался тогда потому, что чувствовал особую важность дела и не сумел сохранить невозмутимый, как всегда, вид.

Около военного городка меня остановил немецкий часовой.

— Пропуск! — сказал он на русском языке.

У меня не было никакого пропуска. Что делать? Нужно плакать. Я давай плакать и объяснять, что иду к маме в больницу. Показал свою корзину, в ней кусок хлеба, сало и несколько яиц. Часовой и не посмотрел в корзину, а повел меня в дежурную.

Там меня обыскали, но ничего не нашли. Конечно, если бы раздели донага, то нашли бы пакет.

Я сидел около печи. Немец не отходил от меня.

Пакет при мне. А вдруг опять начнут искать? Прикажут раздеться... Тогда и отряд может погибнуть.

В это время подъехала легковая машина. Из нее вышли два унтер-офицера и одна женщина, переводчица. Унтер-офицеры привели женщину ко мне, а сами вышли. Женщина начала меня допрашивать. Ходит по комнате, курит. Подойдет к окну, глядит в него — ждет от меня ответа.

Улучил я минуту, достал прилипшее к телу письмо — и в рот.

— Ты что делаешь? — заметила она.

— Есть хочется, — ответил я и запихнул в рот кусок хлеба.

Жевать бумагу, пусть даже с хлебом, очень невкусно. Еле-еле проглотил.

Ничего не добившись, переводчица ушла. Вместо нее явился офицер. Некоторое время и он расхаживал молча по комнате. Потом подошел ко мне сзади и ударил кулаком по шее.

— Ну, партизан! Говори, чего пришел?

У меня занялось дыхание. Я смолчал.

Тогда он стукнул меня кулаком по лицу. Я упал. Кровь хлынула носом и ртом. Я попробовал подняться, но офицер опять сбил меня с ног. В ушах зазвенело, в глазах стало темно...

Меня повели в полицию. Тут мне стало еще страшнее: в полиции служил Мордасов, который знал меня и всю нашу семью... К счастью, Мордасова не было видно. Меня принял другой полицейский и спросил:

— Ты за что попался?

— Самогонку продавал, — отвечаю я.

— Ну, самогонка — пустяки, — сказал он. — Бери лопату и иди чистить двор.

Вместе со мной он взял еще двух арестованных. Мы начали чистить двор. В углу двора за сараем я заметил уборную, за ней — обыкновенный забор. Я попросился туда. Часовой меня отпустил. Я повесил на

видном месте свою куртку, зашел за угол и перескочил через забор на огород. Пробрался на базар и лишь тогда пошел как ни в чем не бывало к хате Адамовича. Там мне дали испачканную спецовку, я вымазал себе еще лицо и выбрался из города.

Вскоре я был в своей группе, которая находилась в деревне Расочная.

6

Однажды усталый вернулся я из города. Очень болели кровавые мозоли на ногах. С удовольствием завалился спать, уверенный, что и на этот раз, как всегда, буду несколько дней отдыхать. Но в двенадцать часов ночи меня разбудили:

— Вставай, Витя, вставай!

Я ничего не хочу слышать, брыкаюсь, укутываю одеялом голову. Голос повторяет:

— Поднимайся! Селянников Федор Иванович вызывает...

Ничего не поделаешь. Раз начальник зовет, надо идти. Подымаюсь, одеваюсь, иду.

— Вот что, Витя, хоть и устал ты, но надо идти. Необходимо завтра же доставить вот этот пакет жене начальника полиции.

— Кабачихе?

— Да, Марусе Кабаковой. Ну, дружище, живее!

Кабаков был начальником немецкой полиции в Борисове. Его жену прозвали Кабачихой. Все в городе знали ее. Это была молодая, красивая женщина, франтиха, гордая, фанаберистая. И вот к ней-то и надо нести пакет!

Рассуждать некогда. Собрался, припрятал письмо понадежнее и ушел.

Опять знакомая дорога. Но идти на этот раз было тяжело, покамест не разошелся и не исчезла боль в ногах.

Днем подошел к дому начальника. Вошел в кухню и увидел Кабачиху.

— Начальник дома?

— А тебе что надо? — спрашивает она.

— Мне нужно знать, дома ли Кабаков.

— Нет его дома.

Тогда я отвернулся, достал письмо и подал ей.

— Что это такое? — сказала она строго.

— Мне приказано передать вам это письмо...

Она взяла письмо и провела меня в столовую. Налила чаю, поставила вишневое варенье, дала булочку. С большой охотой набросился я на еду, а она удалилась с письмом в другую комнату. Потом вернулась и опять стала меня угощать.

Вдруг с улицы вошел Кабаков. Помню, был он в темно-синем кителе с немецкими погонами, форменной фуражке, чистый, важный.

— Это кто у тебя? — спросил он.

— Родственник мой, мальчик, — ответила она.

Я поднялся, опустил руки по швам и жду, что скажет он. Но он ничего больше не сказал и вышел из столовой.

Тогда она подала мне письмо и с тревогой сказала:

— Быстрее! Уходи быстрее!

Я сжал в кулаке письмо и вышел.

Вечером я передал начальнику ответ Маруси Кабаковой.

— Молодец! — сказал начальник и взъерошил мне рукой волосы.

Очень приятно, когда начальник партизанского отряда хвалит тебя и треплет тебе волосы.

А я до сих пор так и не знаю, какое поручение было жене начальника немецкой полиции.

ВИКТОР ГИНЦ (1929 г.)

г. Ново-Борисов.

ВОСЕМЬ СУТОК

В конце апреля 1943 года командир двенадцатой кавалерийской бригады товарищ Тихомиров приказал отправить за линию фронта пять раненых бойцов и шестерых маленьких детей. Среди них были Тоня Иванова, Светлана Врублевская, Соня Сухман, Эдик Глушко (он в зимнюю блокировку отморозил себе ноги), сын машинистки Гали — Леня и я.

Моя мама работала партизанским доктором. Тонины родители были бойцами. Мать Светланы тоже была в отряде, а отец в армии, Сонин отец — в хозяйственной роте. У Эдика не было родных: отец воевал на фронте, а мать и братишку убили немцы.

Нас рассадили на четырех подводах, дали санитарку тетю Веру, двух конных разведчиков и шесть бойцов. Из Червенского района нам надо было перебраться в Кличевский, в Усакинские леса, где находился партизанский аэродром. Мы знали, что скоро будем на Большой земле, как говорили партизаны, и ехали с охотой. Плакала только Светлана: она не хотела оставлять маму.

— С кем я там буду? — хныкала она.

— Не плачь, детка, ты же едешь к папе, за фронт, — успокаивала ее мать.

Мы простились с папами и мамами и двинулись в дорогу. Ночью переправились через реку Березину и приехали к родителям тети Веры. У них пробыли двое суток. Разведчики, высланные вперед, вернулись и сообщили, что путь свободен.

Вечером третьего дня мы были в Усакинских лесах, на аэродроме. Он располагался в густом лесу. Это была большая поляна. Деревья на ней вырубали под корень, а землю аккуратно разровняли. По одну сторону тянулось болото, а по другую — сосновый лес. По краям лежали кучи дров, местами были видны большие загашенные костры.

В лесной чаще, ближе к болоту, мы увидели три шалаша, обложенных еловыми лапками. Рядом наши партизаны построили еще два таких же шалаша. В одном поместили раненых, во втором — нас.

Недалеко от аэродрома находился партизанский отряд № 208. Старший нашей группы Жора ушел в штаб доложить о нашем приезде. Мы сидели и ждали. Когда он вернулся, мы окружили его и стали спрашивать, будет ли сегодня самолет.

— Укладывайтесь спать, самолета не будет, — ответил он. — Ждите до завтра.

Мы уселись в шалаше и заскучали.

Вдруг ночью зажглись костры. Мы выскочили и помчались на аэродром. За нами побежали и бойцы. В шалаше остался один только Эдик. Он даже заплакал от обиды, что не может бежать. В воздухе прогудели два самолета, сделали несколько кругов и бросили красную ракету. С земли в ответ пустили белую. Самолеты сбросили груз на парашютах и улетели.

Мы вернулись в шалаш. Долго шушукались между собой, жалели, что самолеты не приземлились.

Назавтра вечером из штаба приехал какой-то дядя и велел отвезти раненых и детей на аэродром. Мы, как услышали это, закричали от радости и захлопали в ладоши.

Приехали на поляну и стали ждать. Через час, а может и больше, вверху будто шмель загудел: «Гу-гу-гу...» Потом сильнее и сильнее.

«Самолет!» — догадались мы и подняли головы. Смотрим и ничего не видим. Гудит — и только. На земле зажгли четыре костра, а потом еще шесть. На поляне стало светло, как днем. Самолет начал кружиться и снижаться. Вспыхнула красная ракета. С земли ответили тоже красной. И вдруг самолет вынырнул из темноты, с ревом побежал по земле. Так зашумело вокруг, что в ушах закололо. Пробежал немного и стал.

Мы бросились к нему. Сердце от радости громко стучит в груди. Подбежали, а пропеллер все вертится и гонит ветер, такой большой, что мы не удержались на ногах и упали. Бедная Светланка даже заплакала: попробует подняться, а ее опять валит на землю.

Подбежал командир и приказал всем отойти. Видим — открылась дверь и по лесенке из самолета спустились три летчика, в кожаной одежде и шапках.

Партизаны стали разгружать самолет, а мы побежали к летчикам.

— Дядя, возьмете нас?

— Всех возьму, всех! — ответил один летчик и начал угощать нас шоколадом. Второй летчик дал нам булок.

Хорошие летчики, добрые, они так понравились нам.

Разгрузили самолет, уложили раненых. Наконец дошла очередь и до нас. Мы попрощались с бойцами, тетей Верой и полезли в самолет. В нем по обеим сторонам — кресла. Смешные такие. Откинешь его и сиди себе, а как встанешь, оно — хлоп! — и поднимается. В стенах окошки маленькие, темные, ничего не видать.

Сидим, ждем. Вдруг самолет как заревет — мы чуть не оглохли. И покатил, но тут же и стал. Повернули его, он еще немного прокатился и опять стал. И так несколько раз. После мы узнали: большой груз был, не мог подняться. Выгрузили тех, кто ходил, нам тоже пришлось вылезать, хотя очень не хотелось. Только Эдик остался. Самолет еще раза два прокатился и — не улетел. Начало рассветать. Самолет подтянули к кустам и замаскировали. Летчики ушли в лагерь. На поляне поставили часового.

Всех выгрузили из самолета, а Эдика не могли. Он заплакал, когда его хотели вытащить, и закричал: «Не пойду!» Так и пролежал в нем целый день.

Днем мы осматривали самолет, лазили в него.

Только теперь увидели мы, какой он большой. И все ждали, не могли дождаться вечера.

Когда стемнело, в самолет погрузили тяжелораненых, почту и Эдика. Самолет разбежался и улетел, а мы остались. Пришли в свой шалаш скучные, легли спать, но сон не шел: перед глазами все стоял самолет, на котором улетел Эдик. Как хотелось нам быть вместе с ним!

На вторую ночь должны были прилететь еще два самолета и забрать всех, но сделать это не удалось. И вот почему.

Утром над лесом показались немецкие самолеты и начали бросать бомбы. Земля дрожала от разрывов бомб. Потом началась стрельба. Сначала в одной, а потом в другой стороне рвались снаряды, трещали пулеметы и винтовки.

В десять часов приехал из штаба посыльный и сказал, чтобы нас грузили на подводы и везли в отряд. Немцы начали блокировать лес.

Нас посадили на подводы и привезли в отряд. Там приказали вместе с обозом укрыться в глуби леса и ждать.

Пока екали, стрельба усилилась. Теперь уже гудело все кругом. Над лесом кружились самолеты и сбрасывали бомбы и листовки. Было очень страшно. Тут мы просидели целый день. Вечером всем приказали собираться, и ночь напролет мы проездили, но выбраться не могли: немцы окружили лес кольцом.

Тогда было приказано оставить подводы и через болото идти пешком. Идти по болоту в темноте было очень тяжело, и мы скоро устали. Нас, детей, и несколько раненых бойцов несли на руках. Вышли на сухое место. На оставшихся коней посадили раненых, а нам снова пришлось идти.

Перед рассветом вышли на поляну, которую называли полигон. Вдруг налетели четыре немецких самолета и начали бомбить. Все спрятались. Мы пла-

кали. Когда самолеты улетели, мы поднялись. Оказалось, что в бомбежку двоих убило и нескольких ранило. Убитых похоронили, а раненых понесли. Идти было тяжело. Взрослые брали нас за руки по двое и тянули за собой.

Зашли в болото и сели. Недалеко от нас немцы жгли лагерь. Слышались выстрелы, крики солдат, лай собак. Горел лес. Тут мы просидели до вечера. Когда стало темно, командир сказал:

— Идти как можно тише. Идем на прорыв.

Впереди шли автоматчики, за ними все остальные партизаны и мы. Поодаль была речка, слева горел лес. Треск от огня заглушал наши шаги. Шли тихо, боясь дохнуть. Вдруг началась стрельба. Послышались крики «ура!».

Все бежали вперед, и мы за ними. Я держалась за руку тети Веры, Жора вел Тоню, дядя Вася — Соню, Леню — молодой партизан Миша, а Светлану нес на руках дядя Витя.

Стрельба усилилась. Потом, помню, Леня крикнул: «Ма-ма-а!..» и упал.

Миша быстро поднял его и, сказав: «Убили», опустил на землю и побежал.

Все бежали вперед, стреляли и кричали «ура», и тетя Вера тоже стреляла, а потом и она упала. Я закричала.

— Тетю Веру убили!

К ней подбежал какой-то партизан, а я с детьми побежала дальше. Потом стало так страшно, что я упала на землю. Когда поднялась, партизан вблизи уже не было. Крики и стрельба слышались где-то впереди. Я пошла одна и вдруг услышала плач. По голосам узнала Тоню и Светлану. Сони не было. Куда она девалась, никто не знал.

Втроем мы просидели ночь, а утром подались в глубь леса. Мне тогда было 9 лет, Тоне — 7, а Светлане — только 5.

Чем дальше шли мы в лес, тем он становился гуще. Высокие толстые сосны и ели окружали нас. Мы медленно пробирались между ними. Страшно было одним в этом непроходимом, безлюдном лесу. Но мы шли и шли, стараясь найти дорогу.

Опять настала ночь, а мы все шли. Вдруг над лесом вспыхнула ракета. Как большой фонарь висела она, освещая все вокруг. Мы внимательно присматривались, но дороги не было. Скоро мы попали на узенькую дорожку, сделанную крестьянской подводой. Пошли ею. Но когда рассвело, заметили, что всю ночь прокружили на одном месте.

Свернули с дорожки и пошли дальше. Лес был уже не таким густым. Вместо высоких сосен стояли тонкие, обгорелые елочки и сосенки. Внизу, на земле, тоже все выгорело. Вдруг около одной елочки мы заметили обожженного человека. Он лежал лицом вверх. Волосы обгорели, глаза закрыты, а на щеках заметны раны и запекшаяся кровь. Левая рука поджата под себя, правая — с растопыренными пальцами — отброшена в сторону. Одна нога в ботинке, вторая голая. Одежда — одни лохмотья.

Мы испугались и отбежали от него. Через несколько шагов с ужасом заметили второй труп, а потом еще и еще. Кто такие были погибшие, мы не знали. Озираясь, обошли это место и пошли дальше. Куда мы шли — сами не знали. Помню, что солнце стояло высоко над головой и немного справа.

Миновал день, близилась ночь. Мы забрели в топкое болото. Выбраться из него мы уже не могли: до того устали от долгой ходьбы. Пошептались и решили остаться на месте и заночевать. Стали искать сухую полянку. Набрели на сломанное дерево. По коре узнали березку. Уселись на нее, прижались друг к дружке. Светлану, как самую маленькую, посадили посредине. Нам было тепло, но мы дрожали от страха. Всю ночь не спали, прислушивались к ночным звукам.

На рассвете решили укрыться так, чтобы нас не заметили немцы. Очень хотелось есть, но у нас ничего не осталось: свои кусочки хлеба мы съели еще вчера.

Мы ели заячью капусту. Это такая трава, с тремя листочками, кислая на вкус. Целый день скитались по лесу, собирали и ели капусту. В низких местах было много черники: она цвела. Мы срывали цветки и ели их. Чтоб нас не заметили немцы, мы делали так: одна шла собирать капусту, а две другие сидели в укромном месте. Потом шла другая. Так мы и сменялись.

В отряде мы часто ссорились, а теперь сдружились. Каждая думала о своих подругах.

За несколько дней мы зашли далеко в лес, но не встретили ни одного живого человека.

Нам хотелось пить, а вокруг было грязное болото. Иногда в ямах и выбоинах тускло сверкала мутная, желтоватая вода, в которой плавали какие-то козявки. И мы пили эту грязную вонючую воду.

Труднее всего было ночью. Особенно нас пугали дикие, страшные крики сов. Нам казалось, что где-то вблизи сидят немцы и подают сигналы. Мы подолгу с тревогой вглядывались в темноту.

Когда становилось совсем темно, мы находили сухое место, усаживались на кочку, покрытую мягким мохом, и по очереди отдыхали. Лечь мы боялись: нам казалось, что за каждым кустом кто-то стоит. Спала только Светлана, положив свою голову на наши колени. Я и Тоня тихо шептались между собой.

Однажды Тоня заплакала и говорит:

— Инна, мы здесь без еды и людей наверняка пропадем.

Светлана проснулась и, услышав эти слова, тоже заплакала. Я стала успокаивать их.

— Девочки, плакать и бояться не надо. Мы не пропадем, разыщем партизан.

Светлана перестала хныкать, успокоилась и Тоня. Тогда я сказала:

— Тоня и Света, когда нас поймают немцы, мы должны говорить все одно и то же.

— Что нам говорить? — спросила Тоня.

— Мы убежали от бомбежки в лес. Нас оставили мамы, когда мы уснули в лесу. Партизан мы не видали и не знаем, какие они, — учила я. — И еще не должны выдавать, кто мы такие и кто наши мамы и папы.

Девочки выслушали и согласились. Тогда я сказала:

— Ну, Тоня, повтори, как ты будешь отвечать.

Она повторила. Светлана сказала то же самое. Сначала они путались, забывали, говорили не те слова. Я исправляла, пока они не выучили наизусть нужные слова.

На четвертый день у Светланы начали опухать ножки. Она измучилась и не могла идти.

— Не могу идти, болят ножки, — плакала она и садилась на землю.

Мы брали ее за ручки и вели. Она еле переступала ножками. Часто падала и не хотела подыматься.

Мы уговаривали ее, просили:

— Светочка, встань, надо идти.

Когда не помогало и это, начинали угрожать:

— Не встанешь, оставим тебя одну. Тебя съедят волки или поймают немцы...

Она поднималась и с трудом шла. Мы рады были, что не надо ее нести.

Чтоб под ногами не трещало и нас никто не услышал, старались обходить кочки, сломанные сучья и хворост. Брели и с нетерпением ждали, когда кончится блокада.

Потом вдруг со всех сторон началась стрельба. Выстрелы приближались. Пули со свистом пролетали над нашими головами, стучали о деревья и сучья, падали вниз, на землю. Мы плотнее прижимались

друг к другу и старались угадать по звуку, куда летят пули. Но все же шли дальше и дальше.

На шестой день, утром, до нас донеслась немецкая речь. Нам стало страшно.

Тоня и говорит:

— Давай спрячемся.

Начали искать укромное место. Увидали кучу суковатых бревен, сложенных одно на другое, между которыми были огромные щели.

— Полезем туда, — сказала я.

Так и сделали.

Первой полезла Светлана, потом Тоня, а за ней я. Залезли в самый дальний угол и лежим. Через несколько минут послышался треск сучьев, и сквозь щели мы увидели немцев. Было их много. Держась за руки, они шли медленно, не стреляя, часто повторяя слово «партизан».

Приблизившись, начали заглядывать между бревнами. Мы лежали, затаив дыхание. На наше счастье, немцы нас не заметили.

— Никс партизан! — сказал один из них.

Они ушли, а мы долго еще лежали и дрожали, боясь вылезть. Нам казалось, что немцы где-то неподалеку подкарауливают нас.

Светлана тихо прошептала:

— Я боюсь, давайте здесь ночевать...

Мы послушались ее и остались в бревнах на ночь. Но даже тут, в укрытии, не могли заснуть: думали, что немцы придут еще.

Утром вылезли, осмотрелись: все тихо. Есть очень хотелось. Ушли искать заячью капусту. Поели немного и пошли опять.

На восьмые сутки снова слышались выстрелы и крики. Недалеко от нас росла молодая невысокая елочка. Ее густые ветки опускались до самой земли. Пригнувшись, мы добежали до нее, залезли под лапчатые ветки, уселись и смотрим.

Показались первые ряды немцев. Как и тогда, они шли цепью. Скоро приблизились к нам, но на нашу елочку не обратили внимания. Мы думали, что все обойдется, как тогда. Но вышло иначе. Трое полицейских, шедших последними, заглянули под нашу елочку. Увидя нас, заорали:

— Сюда! Тут группа партизан!

С автоматами наперевес сбежались немцы. Со злостью и криками тащили они нас из-под елки и что-то по-своему лопотали. Мы их не понимали. Полицейские стали переводить нам.

Высокий немец с круглыми, как у совы, глазами и таким же круглым лицом зло спрашивал, чьи мы дети, как попали сюда, где партизаны.

Мы отвечали так, как договорились. Светлана и та говорила, как по-писаному. Немец, видимо, догадался, что мы обманываем их. Рассердился и ударил сначала меня, а потом Тоню и Светлану какой-то упругой железной пружиной. Никто из нас не заплакал и ничего больше не сказал.

Ничего не добившись, немцы погнали нас перед собой. Голодные, измученные, мы еле двигались. Солдаты все время нас подгоняли, только и слышно было: «Рус шнель!» Шли долго.

Пригнали нас в лагерь.

Лагерь был в сосновом лесу. Вокруг его стояло несколько повозок, нагруженных чем-то доверху и накрытых брезентом. Жарко горел костер. Около него вертелись полицейские: рубили дрова, варили в котлах еду. Несколько немцев, раздевшись до пояса, загорали на солнце.

У одного шалаша нас опять стали допрашивать: кто мы, чьи мы, каких партизан знаем, знаем ли мы Балана, Тихомирова, Короля.

Мы, конечно, знали про этих командиров, но ничего не сказали. Тогда немцы хотели задобрить нас: давали бутерброды, шоколад, конфеты. Мы были очень голод-

ны, брали и с жадностью съедали все, но ничего не говорили.

Когда это не помогло, они начали нас страшить.

— Мы вас расстреляем! — сказал один полицейский.

А второй закричал:

— Говорите, не то убью!

Мы молчали.

Вечером немцы и полицаи начали куда-то собираться. Нас посадили на подводу. Повезли. Привезли в какую-то деревню и поместили в хате одного крестьянина.

Потом стали вызывать на допрос в штаб. Первой повели меня. В штабе было четверо немцев. Один сидел за столом в пенсне и курил папиросу. Перед ним лежали бумаги, стояла пепельница. Остальные трое пристроились у окна, на скамейке. Тот, что в пенсне, назвал себя полковником Головинкиным и ласково сказал:

— Ты, девочка, говори правду. Я тоже за партизан и детей партизан люблю. Скажи мне, кто вы, чьи вы?

Я рассказала так, как договорилась с Тоней и Светланой в лесу.

— А где партизаны? — спросил он.

— Я не знаю, что такое партизаны, — ответила я.

— Как вы попали в лес?

Я сказала, что убежала с мамой, когда бомбили деревню. А он и говорит:

— Мама с наганчиком? Да, с наганчиком?

— Нет, без наганчика, — ответила я.

Он покачал головой.

Я говорю:

— Я заснула, а мама меня с испугу и оставила.

— Вывести и позвать вторую, самую маленькую, — приказал он.

Повели Светлану. Что теперь будет? Я сидела и

плакала. Боялась, чтоб она не наговорила чего-нибудь лишнего.

Светлана вернулась, увели Тоню. За эту я менее беспокоилась. В хате, кроме трех маленьких детей, никого не было.

Я подошла к Светлане, обняла ее и тихо стала спрашивать, что она говорила в штабе.

— То, что мы заучили в лесу, — ответила она.

— А больше ничего не сказала?

— Нет. Я ведь помнила, что надо говорить.

Потом вернулась Тоня. Я расспросила ее: она говорила то же, что все.

Прошла ночь. Днем началась тревога. Немцы засуетились и куда-то побежали.

Я посмотрела в окно. Не видать никого. Открыла дверь, посмотрела на двор — там тоже было пусто.

— Пошли, — шепнула я девочкам.

Вышли из хаты во двор, а потом на улицу. Рядом с деревней был лес. Мы подались в ту сторону. У околицы деревни стояли патрули. Мы обошли их огородами и побежали прямо в лес. Забрались в чащу и просидели там день и ночь.

Только утром осмелились выйти из лесу. Было тихо, и мы пустились бежать по широкой дороге. С передышками пробежали километров шесть. Показалась деревня. Немцев в ней не было. Пока мы ходили по лесу и болоту, изнасилась одежда и обувь. Ноги у нас были натертые, опухшие и очень болели. Ныло в животе. Мы зашли в первую хату и попросили есть. В хате жила очень добрая бабушка.

— Чьи вы, детки? — спросила она у нас.

— Мы убежали из деревни, там немцы...

— А где ваши мамки?

— Не знаем...

Кто мы и откуда — не признались даже этой доброй бабушке.

Бабушка накормила нас картошкой с квасом, дала

помыть ноги. Потом принесла охапку сена, разостлала на полу и уложила спать. Мы очень устали и на мягком сене быстро заснули.

Назавтра она опять покормила нас. Мы спросили, где найти деревню с партизанами.

— Идите, деточки, прямо, там спросите, — и она показала, в какую сторону идти.

Мы поблагодарили добрую бабушку, простились и пошли дальше.

Тетя Вера была из поселка Лучный Мост, Селибского сельсовета, Березинского района. Мы решили пробираться туда. Крестьяне в деревнях знали этот поселок. В каждой деревне мы спрашивали:

— Как пройти в Лучный Мост?

Нам объясняли и показывали дорогу.

Так мы прошли двенадцать деревень, пока не попали в деревню Барсучино, недалеко от того поселка. Остановились в хате крестьянина Кардимона. Здесь мы не боялись — немцев и близко не было. Рассказали крестьянину, кто мы такие. Он сходил в поселок и передал все, что узнал, Алексею Борисевичу, отцу тети Веры. Он забрал нас к себе. Но оставаться в поселке нам нельзя было. Сюда иногда наезжали полицаи. Мы попросили Борисевича, чтоб он передал партизанам из бригады Тихомирова, что мы здесь.

Через два дня приехали два партизана: Жора и дядя Витя. Мы обрадовались им. Расспросили, где теперь наш отряд.

— Ушел и уже далеко, — сказал дядя Витя. — Если б вы пришли дня на два раньше, мы б отвезли вас туда.

Я спросила, где моя мама и сестра Аня. Живы ли.

— Живы, — ответил он. — Они в отряде.

Дядя Витя и Жора отвезли нас в партизанскую деревню Мирославка. Там нас распределили по разным квартирам. Я попала в семью Павла Григорьевича Запрудского. Я скоро привыкла к ним.

Хорошо познакомившись с хозяйкой, тетей Анютой, я сказала, что я — еврейка, что моя мама и старшая сестра в партизанах, а отец в Красной Армии. Но я просила ее никому не говорить об этом. И она не сказала даже мужу.

У Павла Григорьевича было четверо детей, все их хозяйство разграбили полицейские. Хозяева ели одну картошку. Но это были очень хорошие люди. Они относились ко мне, как к родной. Я прожила у них год и два месяца. За это время не раз немцы и полицейши совершали налеты на деревню. Хозяева уводили меня на какой-нибудь хутор или в лес. Павел Григорьевич и тетя Анюта заботливо относились ко мне. Однажды я сказала, что хочу научиться прясть, и дядя Павел сделал мне маленькую прялку.

В июне 1944 года пришли наши. Из бригады прислали партизана, который забрал меня и отвез в отряд. Здесь я встретила маму. От радости и счастья мама не выдержала и заплакала. Потом она спросила, как мы бродили по лесу, как жили. Я подробно ей все рассказала.

После расформирования бригады мы с мамой приехали в Минск. Вскоре вернулась сестра.

Где теперь Тоня и Светлана — не знаю.

ИННА КРАСНОПЕРКА (1934 г.)

г. Минск.

О МОЕМ ТОВАРИЦЕ

С Мишей Заловичем мы крепко дружили. Жил он неподалеку от меня. Мы вместе учились в школе, вместе катались на самодельных коньках и на санках, играли в снежки. Летом работали на колхозном поле, а в свободное время бегали купаться на реку. Часто на лугу, где-нибудь под кустом, просиживали целыми

часами за чтением интересной книги. Читали мы по очереди вслух. Любили помечтать о том, как окончим семилетку, поедем учиться в город, гадали, кто кем будет из нас. Кроме того, Миша знал множество сказок и умел их интересно рассказывать. Незаметно летели дни нашего счастливого детства.

И вдруг все это оборвалось: началась война...

На этой войне погиб мой друг.

Вот как это было.

Темнело. На улице, как всегда, было шумно от наших голосов. Мы ловили разных жуков, дразнили летучих мышей...

И вдруг все заговорили: «Война»... «Война»...

Страшную весть о войне принес из местечка один наш колхозник. Ребята бросили игры и удрученные разошлись по домам. Это была наша последняя беззаботная игра.

Через несколько дней война докатилась и до нашего колхоза. Сначала мы слышали отдаленные взрывы, от которых дрожала земля. Потом взрывы стали громче, сильнее, в окнах звенели и высыпались стекла. А вечерами мы видели отблески больших пожаров на западе.

Но самое страшное началось с приходом немцев. В первые дни они, как голодные звери, набрасывались на кур и поросят. Потом начали расправляться и с людьми. Каких только мук не испытал народ, попавший в лапы к лютым фашистам.

Мы с Мишей ходили на болото и там прятались от немцев. На этом болоте после боев осталось много оружия. Мы собирали его. Вечером, в темноте, возвращались домой и приносили с собой винтовку, или револьвер, или гранату, или еще что-нибудь. Прятали в укромные тайники, причем в разные места и с таким расчетом, что если уж кто и найдет, то не все сразу. Конечно, я знал, где и что прятал Миша, и он тоже. Часть оружия мы закопали на болоте.

Однажды осенней ночью немцы и полицаи сделали налет на нашу деревню. Они ворвались в хату отца Миши. Миша успел выбежать в сени, но там его задержал полицай.

— Пусти меня! — смело сказал Миша. — Я не из этого дома, я — пастух и был здесь по очереди.

Полицай поверил и отпустил Мишу. Было холодно. Пронизывал сырой осенний ветер. Миша был в одной рубашке, но, не замечая холода, изо всех сил бежал за деревню.

Немцы схватили родителей Миши, трех сестер и младшего брата. Раздетых выгнали на двор и повели за деревню.

Брат Миши бросился удирать и сразу же был смертельно ранен. Родители рвали на себе волосы, глядя, как умирает их сын.

Немецкие палачи вывели семью Заловичей за деревню, к амбару, поставили к стене и расстреляли.

Тяжело описать, как переживал мой друг смерть своих родителей. Несколько дней проплакал горькими слезами. Люди успокаивали его, но это не помогало. Миша один из всей семьи остался в живых. Он не находил себе места. У него была одна мысль: отомстить немецким палачам. А как это сделать?

За лесом проходило шоссе. В тихие дни оттуда доносился шум немецких машин. Это надоумило Мишу, и он решил пойти на дорогу, устроить засаду. Откопал две гранаты, достал из-под балки запалы, укутанные в тряпки, собрал все и направился на дорогу. Выбрал удобное место. Вставил запалы и принялся ждать.

На дороге показались две машины. Миша приготовился. Первую пропустил, на машине ехали солдаты. За ней шла вторая — открытая, легковая. Миша увидел офицеров с серебряными погонами. «Вот кого я должен уничтожить», — решил он. И когда машина подошла ближе, размахнулся и бросил гранату. Раз-

дался взрыв. Машина вместе с немецкими офицерами взлетела в воздух.

Машина с солдатами, которая шла позади, остановилась. Миша бросил в нее вторую гранату, а сам убежал в лес.

Пока подъехали новые машины, Миша был уже далеко. Немцы подняли бешеную стрельбу. Пули барабанили по деревьям, свистели над головой. Но ему удалось убежать из-под обстрела. Немцы постреляли и поехали. Идти в лес они побоялись.

В тот день Миша первый раз за последнее время почувствовал радость: он мстил фашистам. Все его мысли были об одном: уйти к партизанам, с ними вместе воевать против врага.

Люди потом говорили, что, мол, это партизаны тогда смело напали на немецкие машины. Никто не знал того, что все сделал один двенадцатилетний Миша Залович, который и партизан-то еще никогда не видал.

О партизанах уже ходили слухи. То в одном, то в другом месте они нападали на немцев и уничтожали их. Люди стали смелее, знали, что у них есть защитники. Немцы и их прислужники — полицаи — поджали хвосты и в некоторые деревни даже боялись показываться. И в своих гарнизонах ночью все время пускали ракеты, чтоб чувствовать себя смелее.

Как-то поздней осенью в нашу деревню пришли вооруженные люди. Было их много. Сначала мы не знали, кто они, и бросились прятаться. Во время войны все, кто мог, вырыли себе блиндажи и замаскировали их. Иногда даже соседи не знали, где у кого выкопано убежище.

Вдруг люди заговорили: «Это наши! Партизаны!»

Какая радость! Наконец мы собственными глазами увидели самых настоящих партизан — наших защитников. Стоит ли говорить, как обрадовался мой друг.

Миша стал партизаном. Он сам попросился, и его приняли. Мне не повезло: по болезни меня в парти-

заны не взяли. Теперь я реже встречался с Мишей. Но все же иногда он заходил ко мне. Я отдал ему все свое оружие, закопанное отдельно. Сам он тогда спрятал пять винтовок и два ручных пулемета, да и у меня кое-что нашлось. Все это мы сдали в отряд.

Миша вместе с партизанами ходил в засады, участвовал в других боевых операциях. Он оказался смелым и ловким партизаном. Не было такого поручения, чтоб он не мог его выполнить.

Скоро на груди моего друга засверкал орден Красной Звезды, который он получил за подрыв эшелона и железнодорожного моста под Могилевом. За участие в ликвидации немецкого гарнизона в Кличеве Миша был награжден медалью «За отвагу». Больше того, ему доверили командование отделением взрослых партизан.

Когда он заходил в нашу деревню, всегда рассказывал мне о своей боевой жизни. Я с интересом слушал и просил его принять меня в свое отделение. Он всегда выслушает и скажет: «Что ж мы тебя на плечах носить будем?» Правда, однажды согласился взять меня в разведку. Мы ходили тогда на Березину смотреть — есть ли там переправа.

Однажды Миша рассказал, как он попал было в плен к немцам и как удрал из-под расстрела.

Было это так.

Командир послал Мишу и еще двух партизан в разведку. Темной ночью они пришли в деревню, где стоял немецкий гарнизон. Зашли в один двор. Вдруг громко залаяла собака. Немецкий патруль открыл огонь. На выстрелы сбежались немцы. Разведчики, отстреливаясь, подались назад через огороды. Они удрали б от опасности, если бы на них не навалились немецкие овчарки. Немцы окружили разведчиков и при помощи собак схватили.

Разведчиков привели к офицеру. Как ни зверствовал офицер, они не сказали ни одного слова.

На рассвете офицер приказал связать руки всем троим и вести на расстрел. За деревней, на окраине леса, была яма, возле которой немцы расстреливали наших людей. Туда и повел немецкий солдат разведчиков.

Смерть была неизбежной. Но Миша не терял надежды до последней минуты. Всю дорогу он незаметно шевелил руками и растянул веревку. Около самой ямы рискнул сделать последнюю попытку освободиться: рванул изо всех сил руки — веревка упала. В тот же миг он набросился на немца, сбил его с ног, а сам побежал в лес. За ним побежали и его товарищи.

Немец опомнился и начал стрелять. Пуля угодила Мише в руку.

В лесу товарищи перевязали ему руку, и он счастливо вернулся в свой отряд.

Летом 1943 года немцы направили против партизан целую дивизию.

Начался жестокий бой.

Командир послал Мишу с его отделением в засаду на дорогу. Поставил задачу — не подпускать к немцам подкрепления.

Миша привел свое отделение на место. Там уже была группа партизан, посланная раньше. Миша присоединился к ним.

Скоро разведка доложила, что по дороге движутся немецкие машины. Командир засады приказал подготовиться к бою.

Партизаны подпустили врага метров на сто и открыли огонь. Машины остановились, и из них стали выскакивать солдаты. Многих из них скосили пулями партизаны.

Но прибывали все новые и новые машины. Не обращая внимания на потери, немцы начали теснить партизанскую засаду. Силы были неравные, и командир приказал отходить в глубь леса.

Миша с одним товарищем-пулеметчиком прикры-

вал отход. Он стрелял из карабина из-за деревьев, а недалеко от него товарищ строчил из пулемета.

Вдруг пулемет затих. Миша оглянулся и увидел, что его товарищ лежит убитый. Он пополз к пулемету. В это время пуля попала ему в правую ногу. Тело охватило жаром, ползти стало тяжело. Миша все-таки полз сантиметр за сантиметром.

Теперь фрицы осмелели. Они думали, что если пулемет молчит, значит, там нет никого живого, и во весь рост бросились вперед.

В этот миг пулемет ожил. С криком фрицы падали на землю. Потом вновь открыли огонь по пулемету. Миша почувствовал, как что-то обожгло ему левую руку. Крепче сжал зубы и стрелял одной правой рукой. Ему нужно было отходить, но в запасе оставались патроны, и Мише хотелось перебить как можно больше немцев, не пропустить их.

Миша стрелял и не видел, как к нему подкрадывались два немца... Навалились на него неожиданно и потащили к своим.

Немцы привезли окровавленного, едва живого Мишу в свой гарнизон. Два дня мучили его, пытались разузнать про партизан. Только все это было напрасно: Миша не сказал ни слова. Ничего не добившись, палачи расстреляли его.

Истерзанное тело героя крестьяне похоронили на кладбище. Над могилой моего друга растет молодая березка. Она тихо шумит на ветру. Прислушаешься, и кажется: тихо поет березка грустную песню про того, кто похоронен здесь и память о ком долго-долго будет жить в сердцах людей, за которых отдал он свою молодую жизнь.

ЖОРЖ РЯБОВ (1928 г.)

Кличевский район,
д. Н. Набарки.

НАША ПОДРУГА

Мы знали Римму Кунько со школьной скамьи. Вместе с ней учились с пятого по девятый класс.

Это была живая, бойкая девочка, хорошая подруга. Училась она хорошо и старалась, чтобы и другие ее одноклассники не отставали.

Помним такой факт. Римма очень любила географию и всегда отвечала только на «отлично». В классе было несколько отстающих по этому предмету. Она решила помочь им. Однажды на классном собрании сказала:

— У нас есть несколько товарищей, которые отстают по географии. Это не к лицу пионерам. Мы должны учиться так, чтобы к концу учебного года не иметь ни одной плохой оценки и всем до одного перейти в седьмой класс.

Ученики поддержали предложение Риммы. После этого она находила время позаниматься с отстающими. К занятиям готовилась серьезно. Если чего не знала, обращалась к преподавателю Никифору Дмитриевичу Ломако, и тот помогал ей советами. В результате все наши ученики в том году успешно перешли в следующий класс.

Римма была очень настойчивая. Всегда добивалась того, чего хотела. Однажды она пригласила нас к себе на новогоднюю елку. Собралось много девочек-учениц. Мы пели, танцевали. Римма не умела танцевать. Кто-то заметил:

— Ты танцуешь неуклюже.

Римма спросила нас — правда ли это. Мы подтвердили, что она действительно танцует плохо. Римма решила научиться хорошо танцевать и попросила нас помочь ей. Мы согласились.

В свободное время мы оставались в школе, заходили в пустой класс и учили ее танцевать. Если не получалось, повторяли по нескольку раз. Римма тер-

пеливо переносила неудачи. Ее старания не пропали даром: вскоре она танцевала не хуже, а лучше многих из нас. Выступала с танцами на школьных вечерах, участвовала в районной и областной олимпиадах художественной самодеятельности. Ее выступления в Осиповичах и Могилеве несколько раз были отмечены премиями.

Интересная история произошла с ней зимой 1940 года.

Вот что рассказала об этом ее мать Вера Марковна.

Во время войны с Финляндией старший брат Риммы Володя добровольно ушел из института на фронт. Когда об этом узнали Римма и ее еще один брат, Марк, ученик 10 класса, они задумались и долго ходили молчаливыми.

Однажды к ним пришли две учительницы и принесли телеграмму на имя Марка. Мать взяла ее и прочитала: «Ваше зачисление в армию согласовано с командованием. Немедленно выезжайте». Римма засияла. Появился Марк, взглянул на Римму. Вопросительно посмотрел на мать. Та передала ему телеграмму и сказала:

— Прежде чем ехать, взвесь и продумай все.

Марк прочитал и ответил:

— Все взвешено и продумано до того, как писать. Через четыре часа он уехал.

Как тень, ходила молчаливая Римма. Мать думала, что это она так беспокоится за жизнь братьев, и старалась развеселить ее. Но не это волновало Римму. Однажды она подошла к матери и сказала:

— Мама, я пойду на войну.

Мать начала отговаривать, доказывая, что она слишком молода и не умеет даже стрелять. Римма выслушала маму и сказала:

— Ты не права, мама. Сколько лет — неважно. Всего можно добиться, если захочешь. Все можно сделать. Дело для меня найдется. Буду раненых спасать.

Буду разведчицей. Мне это легче, чем красноармейцу.

— Убьют тебя, — сказала мать.

— Я не верю, чтоб сразу убили... Я хоть одного раненого да постараюсь вынести с поля боя, — подумав, ответила Римма.

Улеглись спать, мама прижала к себе дочь и ласково сказала, что еще рано так поступать, что она еще маленькая. Римма молчала. А на второй день тайком уехала. Мать обо всем догадалась, побежала на станцию и села в поезд. Догнала Римму уже в Орше. Та с обидой посмотрела на мать и сквозь слезы сказала:

— Я знаю, почему ты не пускаешь меня. Боишься, чтоб не убили. Ты, учительница, говоришь одно, а делаешь другое. Какой позор!

Смешно, стыдно и обидно было матери. По дороге домой Римма сказала:

— Ты не права, мама. Я всегда буду помнить твоё малодушие...

Римма не только хорошо училась, она читала много художественной литературы. Читала вдумчиво, систематично. Когда бралась за книгу какого-либо писателя, старалась прочесть все, что можно было достать и прочитать о нем в школьной библиотеке, у товарищей, у знакомых.

Мы всегда чувствовали, что она знает больше нас. Часто по какому-нибудь вопросу мы обращались к ней, и она всегда отвечала. И никогда не видели мы, чтоб она кичилась своими знаниями, своим превосходством.

Веселая, жизнерадостная, Римма любила шутки, острое словцо. Летом мы вместе купались в Свислочи, катались на лодке, ходили в лес за ягодами и грибами. Ранней весной собирали цветы — их Римма очень любила. Вокруг ее дома были клумбы с астрами, георгинами, настурциями, гвоздикой. В комнате на столе всегда стоял красивый букет цветов.

Римма никогда не грубила и не прощала грубости другим. Про грубиянов говорила: «Они подобны животным...»

Мы, ее подруги, брали пример с нее во всем.

У нее было необыкновенное умение воздействовать на других. Не послушаться ее, не подчиниться ей было невозможно. Ее уважали ученики и учителя всей школы.

Иногда, собравшись группкой, мы начинали мечтать, кем будем, когда вырастем. Римма говорила, что окончит десятилетку и пойдет учиться на преподавателя географии.

Но мечтам ее не суждено было сбыться.

Вспыхнула война. Началась мобилизация.

Мужчины и парни отправились в армию. На второй день мы шли провожать своих односельчан в местечко Липень и встретились с Риммой. Она тогда оставалась одна дома. Володя был в Минске, занимался в политехническом институте, Марк — в Могилеве, а мать лечилась в Севастополе. Римма знала, что немцы бомбардируют Севастополь, и очень волновалась за мать.

— Может, мамы нет уже... — сказала она.

— Больных, видимо, вывезли, — утешали мы.

Римма промолчала.

После этого мы долго не виделись с нею: немцы заняли Липень, и мы боялись ходить туда.

В нашей деревне Брицаловичи — это в четырех километрах от Липеня — появились партизаны. Они совершили налет на полицию, убили трех полицаев, а остальных разоружили.

Марк дружил с Нининым братом Василием. Ребята установили связь с партизанами и стали им помогать. Скоро вернулся домой и Володя. Он сразу ушел в партизаны. Братья посоветовались и решили отправить сестру в Дукору, к бабушке, но Римма не согласилась — она тоже хотела идти в партизаны.

Как-то утром Римма прибежала к Нине, промокшая вся, усталая. Нина дала ей поесть, и Римма забралась на печь погреться. Нина спросила, что случилось. Вот что рассказала Римма.

Марку поручили взорвать дом, где расположился вражеский гарнизон. Дали взрывчатку. Он принес ее домой и спрятал под комод. Но тол надо было переправить ближе к гарнизону. За это взялась Римма. Она положила тол в корзину, прикрыла сверху картофельными очистками и понесла к знакомой Зине Сушко.

Ночью брат подполз к гарнизону, без шума снял часового, подложил под стену тол, поджег шнур и — ходу. Послышался взрыв.

До утра просидел Марк в кустах. Потом он вернулся домой. Римма ждала его в саду. Он стал переодеваться, а Римма на улице следила, чтоб никто не зашел к ним. Не успел он надеть рубашку, как прибежала Римма и сказала, что в саду немцы.

Римма и Марк выбежали из дому, переплыли реку и бросились в лес. Марк остался посмотреть, что будут делать немцы, а Римма побежала к Нине.

Римма переночевала у подруги и пошла искать партизан. Некоторое время мы о ней ничего не слышали. Потом Марк и Володя начали заходить к нам. Они сказали, что Римма в отряде Королева, и поручили нам передать записку в Липень Мозолевскому (он был старостой волости и держал связь с партизанами).

Зимой немцы все чаще приезжали в Брицаловичи и расправлялись с населением. Здесь они схватили и убили Мозолевского, Нинину подругу Олю Альховик, сожгли сначала пять хат, а потом и всю деревню вместе с людьми.

Мы убежали в лес.

Через день попали в отряд Григория Никифоровича Борозны.

Около одной землянки Нина встретила Римму. Та несла воду. Заметив Нину, поставила ведро на землю и бросилась к подруге. Они обнялись и поцеловались. Римма пригласила ее зайти в землянку.

Риммины нары были в углу. Девочки сели и разговорились. Нина рассказала, как убежала из дому, а Римма сказала, что она была в отряде Королева и недавно перешла в этот. Нина спросила, почему она не осталась с братом.

— В том отряде,— рассказала Римма,— меня перевели в хозяйственную роту. Я вынуждена была чистить картошку и выполнять другие мелкие работы. Да разве для этого я ушла в партизаны! Просила зачислить меня в боевое отделение, чтоб мстить врагам. Меня не пустили (Римме шел тогда пятнадцатый год). Я решила бросить отряд и бросила.

Это случилось как раз тогда, когда погиб ее старший брат Володя.

Володя был смелый и отчаянный партизан. Не однажды он приводил в ужас немцев. В декабре 1942 года во время боевой операции ему оторвало обе ноги. На второй день он умер...

Из госпиталя его привезли в лагерь. Римма тяжело переживала смерть любимого брата. Глядя на него, мертвого, она нашла в себе силы не плакать. Молчала и тогда, когда Марк уговаривал ее не волноваться: на то, мол, война...

Римма и Марк обмыли Володю, одели во все чистое и просидели всю ночь у гроба. В почетном карауле стояли лучшие воины-партизаны. Римма все время о чем-то думала. И уже среди ночи она сказала Марку:

— Похороним Володю, и я сразу пойду в боевую роту, мстить немцам. Отпустят меня или нет, захотят перевести или нет, но я все равно уйду в боевую и буду мстить...

Утром, в 10 часов, Володю похоронили на партизанском кладбище, неподалеку от лагеря. Все бойцы

и командиры присутствовали на похоронах. Комиссар Шиенок рассказал о мужестве и храбрости погибшего. Его слушали с вниманием. Наступил момент прощания. Марк поклялся отомстить за преждевременную смерть дорогого брата. А Римма поцеловала Володю, опустилась на колени, приложила руки, сжатые в кулаки, к груди и сказала:

— Володя, над твоей могилой я клянусь, что за каждую каплю твоей крови ответят враги своими жизнями. Лежи спокойно, а я буду страшно мстить за тебя и за нашу Родину.

Гроб закрыли и опустили в яму. Сестра и брат бросили первые горсти желтого песку. Потом сделали это и все. Над землей вырос небольшой бугорок. Раздался трехзалповый салют из автоматов. Все ушли, а Римма, Марк и двое самых близких друзей Володи долго стояли у свежей могилы брата и товарища.

Римма вернулась в землянку, под села к Пелагее Александровне Сокольчик, бабушке, с которой вместе работала в хозяйственной роте, заплакала и спросила:

— Тетенька, неужели нет Володи?

— Конечно, нет,— ответила бабушка и начала успокаивать: — Ты не плачь. Такова уж судьба...

Римма подумала и уже твердо сказала:

— Не могу здесь больше оставаться. Пойду в отряд Борозны и попрошусь, чтоб он зачислил меня в боевую роту. К вам я уже не вернусь.

— Как хочешь,— ответила Пелагея Александровна и не стала отговаривать ее.

Вечером Римма собралась и ушла.

...Нину зачислили в то же самое отделение, в котором была и Римма.

Римма уже вместе со взрослыми ходила в засады, участвовала в боевых операциях. Нина завидовала подруге. Не раз просила она командира взвода Иванова послать ее на задание, но тот отвечал:

— Ты еще не умеешь стрелять. И винтовки у тебя еще нет.

— А почему Римма ходит? — спрашивала я.

— Кунько уже знает оружие и владеет им, — ответил Иванов.

Нина и сама замечала, что Римма опытнее ее и Поли.

Началась наша партизанская жизнь. Римма, как всегда, ходила на задания, а мы выполняли главным образом хозяйственные работы. Как-то раз мы стирали белье. Вдруг Римма и говорит:

— Нина, давай постираем белье для всего нашего отделения.

— Давай, — согласились мы.

Группой мы зашли в землянку и предложили ребятам дать белье.

Те сначала отговаривались:

— Не нужно. Мы и сами постираем.

Римма настаивала. Она сказала, что нам ведь все равно стирать одну или несколько рубашек. Ребята наконец согласились.

Мы старательно выстирали, высушили, отутюжили и отнесли в отделение белье. Партизаны благодарили нас, и мы тоже были довольны, что наша работа понравилась им.

После этого девчата других отделений начали делать то же самое. Стирать белье было для нас самым веселым времяпровождением. А то еще усядемся, бывало, у костра, шутим, смеемся. Никогда не видали мы нашу Римму грустной. Ее бодрость передавалась и нам.

Римма, как и раньше, увлекалась книгами. Особенно ей нравилась повесть Гоголя «Тарас Бульба». Она наизусть читала отрывки из этого произведения. Очень уж нравился ей воинственный характер главного героя.

Иногда Римма бывала недовольной, особенно ко-

гда ей казалось, что ей не дают воли. Она даже поговаривала о том, чтобы самовольно уйти на ответственное задание, например, на подрыв вражеского эшелона. Звала и нас. Мы сказали, что за недисциплинированность могут прогнать из отряда. Римма, нахмурившись, подумала и заявила:

— Тогда я пойду одна. Только об этом никому ни слова. Не скажете?

Мы обещали молчать.

Римма не умела обращаться с капсюлем. Подумав немного, решила овладеть подрывным делом.

Однажды все были в сборе. Одни спали после ночного похода, другие чистили оружие, третьи ели. Ротный «спец», подрывник Алеша Митюров, раскладывал капсюли. Римма подошла к нему и тихо, как бы между прочим, сказала:

— Митюров, покажи, как пользоваться этими штучками.

Тот, даже не поинтересовавшись, зачем ей это нужно, — видимо, он считал, что каждый партизан должен знать подрывное дело, — здесь же начал объяснять, как устроен капсюль и как им пользоваться. У Риммы была хорошая память, и она сразу все поняла и запомнила. Потом вырвала у Митюрова из рук капсюль. Он схватил ее за руку:

— Отдай капсюль! — крикнул он.

— Не отдам.

— Зачем он тебе?

— Нужен.

Долго ссорились, и Римма во всем призналась. Митюров отнял капсюль и стал уговаривать, чтобы она не делала того, что задумала.

— Подрывное дело очень опасное. Малейшая неосторожность — и ты погибнешь, — говорил он.

Римма и слушать об этом не хотела. Кончилось все тем, что она поссорилась с Митюровым и перестала с ним разговаривать. А Нине радостно сказала:

— Ну, теперь я отомщу и за Володю, и за твоего брата — за всех...

Мы соглашались и не соглашались с ней. Ее желание мстить было и нашим желанием. Но то, что она хотела идти одна да еще самовольно, тревожило нас. Мы хотели убедить ее не рисковать собой. Но на наши уговоры она упрямо отвечала:

— Я должна мстить. И я это сделаю...

После стычки Митюров прятал баночку с капсюлями под подушку. Римма выждала удобный момент, чтобы взять капсюли.

Как-то Митюров вернулся с задания усталый и, не раздеваясь, завалился спать на нарах. Римма следила за ним. Как только Митюров уснул, она подошла к нарам и взяла один капсюль. Взять тол и бикфордов шнур было нетрудно: Митюров их не прятал.

Римма обрадовалась и начала готовиться к осуществлению своего плана. Мы, посоветовавшись между собой, решили сказать Митюрову, чтоб тот спрятал тол и шнур. Он так и сделал. Когда Римма хотела взять взрывчатку, то ничего на прежнем месте не оказалось. Римма догадалась, что все это мы подстроили, рассердилась и начала нас упрекать.

— Вы думаете сделали лучше? — обиженно сказала она. — Нет. Что я задумала, то сделаю.

Мы, зная ее настойчивость и решимость, пообещали ей помочь.

Подстерегли, когда в землянке никого не было, взяли шнур, несколько шашек тола и связали их. Все это сложили в мешок, спрятали под нары.

Римма сказала:

— Девочки, теперь-то я пушу под откос эшелон...

В ту же ночь она ушла, оставив командиру отряда записку такого содержания:

«Я ушла на «железку». В лагерь не вернусь, пока не подорву эшелон. Обо мне не беспокойтесь».

А Митюрову в письме, которое он нашел в своей банке с капсулями, написала:

«Теперь я взяла еще один капсуль. Задуманное выполню. Все твои убеждения напрасны. Ты уговаривал меня и думал, что делаешь мне добро. В действительности ты был вредный и злой для меня человек. Если мне удастся спустить эшелон, то, возвратясь в лагерь, возможно буду разговаривать с тобой, если же не удастся, никогда с тобой не заговорю...»

Исчезновение Риммы первым заметил командир отделения Кузнецов Иван. Он пришел в землянку, разбудил нас и стал спрашивать, где Римма.

— Не знаем, — отвечали мы.

Ничего не добившись от нас, он доложил командиру взвода и роты.

Им мы отвечали то же самое: ничего не знаем.

Тогда нас вызвал начальник штаба Потапейко и комиссар Шиенок. Опять мы сказали, что ничего не знаем. Наконец из письма к командиру отряда они узнали, в чем дело.

Начали ждать.

Римма вернулась на третьи сутки. Усталая, промокшая, но веселая и довольная. Глаза ее блестели от счастья. Она бросилась к нам и начала рассказывать, как все было.

В первую ночь поездов не было. На вторую тоже. От обиды Римма даже заплакала, но все же решила дожждаться. Ночью лежала около полотна железной дороги, прислушиваясь и до боли в глазах вглядываясь в темноту. Днем забиралась в стог сена и отдыхала. На третьи сутки показался военный поезд. Римма подложила мину, привязала шнур, отползла и стала ждать. Когда поезд подошел близко, рванула шнур. Прогредел взрыв. Сердце у Риммы громко забилося от радости. Она посмотрела, как валятся под откос вагоны, и бросилась бежать от этого места.

— А что ты ела? — спросили мы.

— Я сходила в деревню Залесье и попросила у крестьян, — ответила она.

В отряде сначала не верили, что одна девочка может подорвать поезд. Чтоб проверить, правда ли это, командир выслал разведку. Разведка доложила, что на перегоне между станциями Татарка и Осиповичи, как раз в том месте, на которое указывала Римма, действительно спущен под откос немецкий военный эшелон. А так как никто из отряда на «железку» не ходил, значит, это дело Римминых рук.

После этого случая партизаны начали напрашиваться на диверсии.

Римма не успокоилась на этом, а взялась за организацию в отряде первой подрывной группы из одних только девочек. В группу вошли мы с Надей Суровец. Римма была руководителем. Она учила нас, как надо подползать, подкладывать тол, вставлять капсюль. Когда мы овладели подрывной работой, она попросила командира отряда разрешить ей со своей группой пойти на «железку». Командир согласился. Помню, она прибежала в землянку радостная, возбужденная, лицо сияет, ярко блестят большие глаза.

— Девочки, идем!

Мы подхватились с нар и начали собираться. Взяли тол, шнур, капсюли, продукты, оружие и до наступления темноты вышли в дорогу. Лесом шли 15 километров. Темнело, когда вышли на окраину леса, откуда виднелась железная дорога. Остановились, осмотрелись. Вблизи никого не было. Залегли и стали ждать. Но в первую ночь не повезло — поездов не было. Под утро полил дождь. Мы промокли, начали замерзать.

Километра за три, на лугу, стоял стожок сена. Мы забрались в него, немного согрелись и уснули. В полдень поели, поговорили о том, о сем и опять отправились на железную дорогу. В лесочке дождались темноты.

Пока лежали, Римма распределила, что должен каждый делать. Поля и Надя остались около шнура,

а я и Римма поползли с толком к полотну дороги. Вдруг недалеко слышались шаги. Мы прижались к земле, притаились. Прошел немецкий патруль. Пропустили его, подождали немного — и дальше. Только поползли, вдалеке слышался тихий перестук колес. Финкой подкопали под рельсом землю, заложили тол, вставили капсулю со шнуром. Шум поезда нарастал. Быстро поползли назад, потом вскочили и бросились бежать. Когда поезд подошел близко, мы упали на землю. Поля и Надя рванули шнур. Раздался оглушительный взрыв под паровозом, и вверх поднялся огромный столб огня. Слышался треск, лязг, стоны.

Со сторожевых вышек по нас открыли огонь из пулеметов. Немцы стреляли наугад, и пули не могли затронуть нас. Мы лежали до тех пор, пока не прекратилась стрельба. Потом поднялись и направились в лагерь. Это была вторая для Риммы и первая для нас боевая операция на «железке».

От имени командования бригады нам была объявлена благодарность.

Через несколько дней мы опять пошли на «железку», но нас поджидала неудача. Поезд не дошел до нас, остановился. Где-то на другом участке партизаны рвали рельсы! Мы думали, что это подрывники из нашего отряда. Очень жалели, что не пришлось взорвать эшелон. Особенно переживала Римма. Серdito говорила:

— Зачем нас посылали?

Как потом выяснилось, рельсы рвали не наши подрывники, а партизаны из отряда Тихомирова.

Вскоре Римма и Поля отправились на станцию Татарка. Они подложили мину и стали ждать. Перед их уходом на диверсию ушел Митюрков со своими подрывниками. Они взорвали эшелон и скрылись. Немцы пустили на линию поезд, который маневрировал взад и вперед. Взрывать его не было смысла. Несмотря на дождь, девочки терпеливо ждали. Прошли часовые,

не заметив шнура. Потом со станции вышел дежурный с карманным фонариком. Он дошел до подкопа и увидел шнур. Раздался свисток. Выхода не было.

— Надо рвать, — прошептала Римма.

— Рви, — согласилась Поля.

Римма потянула шнур. Взрыв. Девчата лежали в нескольких метрах от полотна, и их сильно оглушило взрывной волной. Не сразу смогли подняться. Через несколько минут все же кое-как встали и, поддерживая друг дружку за руки, добрались до лагеря.

На следующий день разведчики доложили, что дежурный немец был разорван в клочья.

Чтоб защититься от партизан, немцы начали минировать обочины дорог, но и это не остановило партизан-подрывников.

В следующий раз Римма пошла на «железку» с партизаном Потапейко Василием. Они наткнулись на мину, и оба были ранены: Римма в левую челюсть, а Василий — в ногу. Идти он не мог. Пересиливая боль, Римма восемь километров тащила товарища.

Лечилась Римма в гражданском лагере. Еще больная, она часто приходила в отряд. Очень переживала, что временно выбыла из строя. Когда ей стало немного лучше, начала проситься, чтоб ее выписали. Врачи противились. Римма самовольно покинула госпиталь и возвратилась в отряд. Ее сердце жаждало борьбы.

...Римма и Нина ушли на задание. На этот раз им удалось подорвать эшелон недалеко от Осипович.

Римма участвовала во многих других операциях. Она была неутомимой. Возвратившись с одного задания, просилась на другое. Мы удивлялись, откуда брались у нее силы и энергия. Как боец, она гордилась званием народного мстителя и всячески старалась оправдать его.

В свободное время мы говорили о том, чем займемся, когда отряд соединится с Красной Армией. Римма всегда отвечала:

— Я пойду на фронт добивать немца.

Она считала, что для победы еще мало сделала.

Летом 1944 года из сводок Совинформбюро мы узнали о большом наступлении Красной Армии в Белоруссии и быстром продвижении наших войск. Собравшись в группки, девочки говорили, что скоро кончится война, наша родная Беларусь будет свободной и мы выйдем из леса. Но многим не суждено было увидеть своих близких, и это омрачало нашу радость. Римма в таких случаях говорила:

— Володю-то я никогда более не увижу.

В отряде появились два разведчика-красноармейца. Партизанам объявили, что отряд имени Рокоссовского идет на соединение с частями Красной Армии.

В Липене мы первый раз увидели наших советских танкистов. Трудно описать нашу радость.

Немцы сдавались пачками.

Из Липеня мы двинулись в Осиповичи. В это время случилось непредвиденное. По шоссе Минск — Бобруйск двигались немецкие части, которые вырывались из бобруйского «котла». Они напали на наш отряд. Партизаны залегли около шоссе. Начался жестокий бой. Было подбито два танка и несколько машин. Римма вместе с семью партизанами вела бой против значительно превосходящих по количеству немцев. Когда вышли все патроны, они поднялись в атаку. В это время вражеская пуля скосила Римму.

Мертвую привезли ее в Осиповичи. Здесь и похоронили. Над свежей могилой политрук роты Матвей Потапейко рассказал о боевых делах юной партизанки. Обращаясь ко всем, он сказал:

— Мы потеряли смелую партизанку, горячую патриотку, которая все свои силы, свою жизнь, всю себя отдала за нашу Родину, за счастье народа. Спи, наш дорогой юный друг. Дело, за которое ты бесстрашно сражалась, мы доведем до конца: добьем фашистскую

гадину в ее собственной берлоге и подыдем над Берлином флаг победы! Прощай, Римма!

Партизаны нашего отряда тяжело переживали утрату. А мы, Риммины подруги, горько плакали. Очень жаль было Римму: с ней мы прошли весь боевой путь, перенесли все тяготы и лишения партизанской жизни... Особенно обидно было, что она погибла в счастливый день освобождения.

Пусть погибла Римма Кунько, но в наших сердцах и в сердцах тех, кто жил и сражался вместе с ней, она всегда будет живой.

ПОЛЯ И НИНА БОРОЗНА

д. Игнатковичи,
Осиповичский район.

ПИОНЕРСКОЕ ЗНАМЯ

Мы жили в Добруше, в самом конце города. Неподалеку от него протекает река Ипуть, а по другую сторону — луга и лес. Летом здесь было очень весело. Мы купались, собирали цветы, ходили в лес. Иной раз так заиграешься, что домой не хочется возвращаться.

Был солнечный день. В небе летело много наших самолетов. Люди заговорили, что началась война. Потом прилетели немецкие самолеты и начали бомбить город. Игры наши кончились: я сидела дома и никуда не отлучалась — мама не разрешала. «Мало что может случиться в такое лихое время», — говорила она.

Когда немцы начали бомбить и обстреливать еще сильнее, мы ушли в лес. Соседи наши тоже ушли. Папа построил шалаш, и мы жили в нем. Стало тише — возвратились домой. Хата наша уцелела, только осталась без окон. Не уцелело ни одной курицы — съели немцы.

Впервые увидев немцев, я очень испугалась. Они показались мне страшными. Он взрослых я слышала, что немцы грабят и убивают людей, и мне казалось, что они готовы схватить меня и повесить. Обидно было, что немцы хозяйничают у нас в городе и что из-за них я, может случиться, не увижу своих братьев Ивана и Опанаса, которые сражались на фронте.

Отец сначала нигде не работал, но немцы заставили идти на фабрику. Мама была занята домашними делами. Я и брат Миша помогали ей.

Так прошло несколько месяцев.

Однажды к нам пришла соседка и сказала маме: — Ты слышала? Немцы разграбили пионерский клуб.

— Видать, скоро они и до нас доберутся, — ответила мама.

До войны я часто посещала городской пионерский клуб. Как красиво было в нем! На стенах висели картины и плакаты. В отдельной комнате были собраны рисунки наших пионеров, вещи, вышитые в рукодельном кружке, и много другого. На сцене ставились постановки, выступали наши участники самодеятельности. Мне хотелось посмотреть, что представляет собой теперь клуб. Я оделась и, ничего не сказав маме, вышла из хаты.

В клубе я увидела своих подруг Аню Скороходову и Соню Ткачеву. Они тоже пришли посмотреть, что сделали немцы с нашим клубом. Мы бродили по комнатам. Немцев нигде не было.

В одной из комнат я увидела поломанные столы, разбросанные книги, портреты. В углу заметила красный сверток. Подошла к нему, подняла и развернула — это было пионерское знамя, то знамя, которое когда-то хранилось на самом почетном месте в клубе. Сердце мое сжалось: а если немцы найдут наше знамя и надругаются над ним. Дрожащими руками свернула полотнище, засунула под жакетку и сильно прижала к груди, чтоб незаметно было.

Вышла на улицу и осмотрелась. Поблизости не было никого. Это меня немного успокоило. Вся потная вернулась я домой. Мне казалось, что это знамя нагрело меня. Родители мои сидели на крыльце и о чем-то шептались.

— Где ты была? — спросила у меня мама.

— В пионерском клубе.

— Зачем? — удивилась мама. — Что тебе там нужно?

— Так, ничего, — ответила я и зашла в дом.

Не могла же я на улице говорить о знамени! За мной следом вошли мама и папа. Тогда я расстегнула жакетку, вынула знамя и сказала:

— Вот что я принесла!

Мама взяла сверток, развернула и тихо охнула.

— Зачем ты его принесла? — сказала она. — Что мы будем с ним делать?

— Его нужно спрятать...

— Спрятать? Сжечь его нужно, а не прятать.

— Мамочка, как это сжечь? Это же наше пионерское знамя!

— Ну и что же? А ты знаешь, что будет нам, если его найдут немцы? Нас всех убьют...

— Если хорошо спрятать, не найдут, — отозвался отец.

Я обрадовалась, услышав эти его слова. А мама подумала и сказала отцу:

— И ты за нее? Если так, то поступай, как знаешь. Тебе виднее.

Я попросила у мамы что-нибудь, чтоб завернуть знамя. Она дала мне старый платок. Я стала заворачивать знамя. Отец не выдержал и вздохнул:

— Вот какое время пришло... Своего нужно бояться, прятать...

— И у меня в душе все болит, — призналась мама. — Но что поделаешь... Ну, спрячем. Возможно, когда-нибудь вернем на место.

Я завернула знамя в платок и положила в шкаф, что стоял в темном углу, за печью.

Прошел день. Из головы не выходили мысли о знамени. На второй день я не выдержала и, когда дома никого не было, достала знамя, посмотрела на него и опять положила на прежнее место.

С неделю в городе было спокойно, и знамя лежало в шкафу. Потом начались обыски. Я испугалась и спрятала знамя в старый валенок, а валенок поставила на печь. Я думала, что никому и в голову не придет, что в валенке спрятана такая дорогая вещь. На четвертый день не утерпела и опять перепрятала: теперь уже, завернув его в тряпки, положила в печку, в пепел, а маме сказала:

— В этой печке не топи, там знамя.

— Ты опять перепрятала? — спросила она. — Ну, хорошо, буду помнить.

Пришла осень. Начались холода. Надо было топить печку. Я посоветовалась с мамой — куда лучше спрятать знамя. Она подумала и сказала:

— Надо закопать в землю. Надежнее и спокойнее. Папа тоже согласился, что так будет лучше.

Хмурым, туманным утром я взяла лопату и ушла на огород. Там, где был картофель, выкопала ямку и положила туда знамя. Чтобы его не испортило сыростью, обернула в толь. Ямку засыпала и землю разровняла так, что даже вблизи нельзя было узнать это место.

Мой отец где-то достал коровью шкуру и хотел сделать из нее сыромятную кожу. Но он плохо посолил ее, и в ней появились черви. Тогда отец взял и закопал ее под забором. Соседка наша Шура Исарова, жена полицаев, заметила это. Она побежала в комендатуру и заявила, что Голофаевы спрятали советское добро. Назавтра пришло шесть немцев и полицаев. Они начали допрашивать отца, где и что он прятал. Отец подумал, будто это они про знамя спрашивают,

и ответил, что ничего не прятал. Ему не поверили и начали обыск. Перевернули все в доме, но ничего не нашли... Вышли во двор и стали присматриваться, нет ли где свежевскопанной земли. Я вертелась около них и дрожала. Очень боялась, что они пойдут на огород. Отец понял, какая опасность грозит нам, если найдут знамя. Вспомнил про кожу и показал, где она закопана. Кожу откопали. Немцы посмотрели и ушли.

Скоро начались дожди. Земля набухла. Я начала беспокоиться, как бы не пострадало знамя. Вечером, когда стемнело, откопала его и принесла в хату. Знамя было сухое. У меня отлегло на душе. Мама спросила, зачем я откопала знамя.

— Боялась, что сгниет, — ответила я.

— Положи на печь. Там будет сухое, — посоветовала она.

Я опять спрятала знамя в валенок.

Утром неожиданно пришли немцы и опять начали обыск. Они копались в комод, в кроватях, в шкафу. Видимо, искали оружие. Я была на кухне и от страха не находила себе места. Я боялась, что они сейчас полезут на печь, найдут знамя, и тогда все мы пропали. Но если они спросят, зачем я взяла и прятала его, все равно не скажу. На наше счастье, они обрыскали всюду, но в валенок не заглянули.

Однажды я играла на улице. Смотрю, бежит незнакомая женщина. Нигде никого не видать. Я забеспокоилась и подбежала к ней.

— У Кукобничихи обыск, — сказала она и побежала дальше.

У Кукобничихи — это совсем близко от нас. Я вбежала в дом, схватила с печи знамя, сунула его под полу — и в лес. Забралась в чащу, но так, чтобы видеть, что делается на улице. Села на пенек и давай следить. Просидела в лесу, пока полицаи не обыскали всю улицу. Вернулась домой поздно вечером и спрятала знамя в тот же валенок.

В пятый раз немцы делали обыск во дворе, а в дом уже не заходили. Я и тогда натерпелась страху, но не так, как в первые разы. Мне теперь почему-то казалось, что немцы ни за что не найдут знамя.

Как-то младший брат Миша возился на печи, залез в валенок и вытащил оттуда знамя.

— Смотри! Смотри, что я нашел! — крикнул он мне.

Я испугалась. До сих пор мы ничего ему не говорили о знамени. Я хотела отнять у него знамя и спрятать, но Миша привязался: «Покажи, покажи, что это такое...» Я вынуждена была рассказать ему все и попросила:

— Молчи, Миша, и никому об этом не говори. Если скажешь, всем нам будет плохо.

— Не учи, сам знаю, — сказал он и дал слово, что никому и ничего не скажет.

Свое слово он сдержал. Даже со мной потом он ни разу не заговорил о знамени.

О том, что я прячу пионерское знамя, кроме нашей семьи, никто посторонний не знал. Об этом я не говорила даже своим подругам и тете. Иной раз играешь с девочками, а саму так и подмывает рассказать им о своем секрете. Но ведь они могут кому-нибудь похвастаться или проговориться... Я ждала дня, когда можно будет достать знамя и пронести его развернутым по улице, как это было до войны.

Было лето 1944 года. Люди все чаще говорили, что наша армия наступает и что скоро будет здесь. Через некоторое время загремело около нашего города. Мы бросились в лес. Сколько там были — не помню. Но однажды в лесу разнеслась радостная весть: «Наши пришли!» Мы бежали в город. На улицах было полно наших бойцов. Как радостно было видеть их! Я подбежала к бойцам и спросила, скоро ли кончится война.

— Для тебя она уже кончилась, — ответили они и засмеялись.

Я вспомнила о знамени. Захотелось показать его воинам-освободителям. Я помчалась домой и рассказала об этом отцу. Он выслушал и сказал:

— Обожди немного. Я выстругаю древко и тогда понесем.

Я достала знамя, развернула и сказала:

— Вот и дождались, когда тебя не надо прятать.

Отец сделал древко, покрасил в красный цвет и прикрепил знамя. Я взяла его, и вместе с отцом мы пошли в райком партии. Теперь я смело несла знамя. Люди смотрели и удивлялись: откуда у меня знамя?

В райкоме зашли к секретарю Николаю Степановичу Ключеву: я первая, а отец — за мной. Поздоровались с ним.

— Добрый день! — ответил он и спросил: — Что скажете?

— Принесла пионерское знамя, которое прятала и берегла всю войну, — сказала я и передала ему знамя.

Секретарь взял его и ласково сказал:

— Благодарю, Маня. Ты — настоящая пионерка.

МАНЯ ГОЛОФАЕВА (1932 г.)

г. Добруш,

ул. Пионерская, 2.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ

Из воспоминаний партизана

Наша группа пробиралась через лес. Тихо, уютно было под зелеными ветками в этот горячий душный летний день. Ласково шумели вверху листья, деловито постукивал дятел, перекликались птицы — все было как обычно, будто лес и не знал никакой войны.

Где-то рядом было шоссе Бобруйск — Могилев, но тогда оно нас не интересовало: у нас была иная цель.

И вдруг среди тишины внезапно началась стрельба. Трещал пулемет. Потом к нему присоединились винтовочные выстрелы. Потом второй пулемет... третий... Бой усиливался и ширился, перебрасываясь то в левую, то в правую сторону.

Бой — но с кем? Мы хорошо знали, что из наших товарищей никто засады не устраивал. Значит, тогда напали «чужие». Кто? Почему? Каким образом? И кто на кого напал?

Что бы там ни было, надо идти на помощь.

Мы рассыпались и начали пробираться в сторону боя. И вдруг стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Мы остановились. Что же значит все это? То ли чем-то необычным кончился бой, то ли это маневр какой-то. Вокруг было тихо.

Еще осторожнее пробирались мы дальше. Двигались медленно: в таинственной тишине каждый шорох и треск далеко слышен.

Через некоторое время показался просвет. Потом заметили дым... Выйдя на опушку леса, мы увидели шоссе. На нем горело два грузовика — и больше никого и ничего не было. Возможно, по ту сторону или где-то рядом немецкая засада? Но откуда немцы могли знать, что сюда пробираются партизаны?

Подползли к самому шоссе — везде спокойно. Между двумя зелеными стенами блестит на солнце безлюдное шоссе, на нем дымятся два грузовика. Никто не стреляет — значит, нет никакой засады.

Но вот мы заметили на шоссе несколько кровавых пятен. Значит, были раненые или убитые. Но кто? И куда они девались?

Можно предположить, что немцев обстреляли партизаны из засады. Те, отстреливаясь, забрали своих раненых и убитых и удрали на оставшихся машинах. Но почему стрельба оборвалась вдруг? Неужели никто не выстрелил ни разу вслед немцам? И вряд ли могли б

они на открытом шоссе, под обстрелом, перегружаться, подбирать раненых и убитых и убегать, не предпринимая ничего против партизан. По стрельбе можно судить, что бой был не малый, что он перекидывался то в одну, то в другую сторону. Но когда немцы все же каким-то образом удрали, то куда девались партизаны? Неужели и они почему-то так же поспешно ушли отсюда?

Стали искать следы.

На самом краю шоссе, за горкой, нашли испорченный пулемет Дегтярева и рядом — кучу гильз. А потом за десять — пятнадцать метров, в болотной луже, увидели убитого мальчика лет четырнадцати. Вокруг него — следы немецких сапог. Видимо, здесь топталось много немцев.

Когда вытащили и осмотрели его, нашли на нем шесть ран. Но от этих ран он не мог умереть сразу. Значит, немцы топили его в маленькой луже еще живым. Старались, тратили силы, время только для того, чтоб сорвать злость на этом мальчике. Значит, он здорово насолил им.

И тогда перед нами возникла такая картина.

...Вот этот неизвестный мальчик раздобыл где-то ручной пулемет. Каким образом — это не удивительно. Не удивительно и то, что он научился владеть им. Мало ли наших пионеров умели и умеют владеть оружием!

С этим пулеметом он притаился в засаде один. В большом сердце этого маленького мальчика была такая ненависть к врагу, такая любовь к Родине, что он не хотел ждать чьей-либо помощи. И такая отвага, что он выступил один на один против целой колонны.

Он залег здесь, в этой ямке, и стал ждать. Приближались машины с немцами. Сколько их — он не смотрел. Что будет с ним самим — он не думал. Он хотел только одного: убить больше немцев, нанести как можно больше потерь и этим, следовательно, принести больше пользы своей Родине. Конечно, сердце

его сильно билось и нервы были напряжены до предела, но он был тверд и спокоен: иначе он не мог бы не только вывести из строя машины и людей, но даже начать бой.

Машины мчались на него. Он прицелился. Выбрал момент. Нажал спуск — и все кругом затрещало, загремело, закружилось... Немцы с криком «партизант!» выскакивают из машин, залегают около дороги. Чьи-то пули косят их. Загорелась одна, вторая машина. Немцы стреляют куда попало. За каждым кустом им мерещатся грозные партизаны. Офицеры суетятся, командуют. Вот впереди заметили партизанский пулемет и направили туда главный удар. Не забывают они и лес, палят направо и налево.

Но мальчик уже ранен — один, второй раз... Он не думает об этом, все стреляет, стреляет... Ранило в третий раз, четвертый, пятый... Он, сжав зубы, все еще стреляет... Ему даже легко и радостно становится, когда он видит, как от его руки падают враги, горят машины.

Немецкое командование приказало в первую очередь взять этот партизанский опорный пункт. Одна группа немцев идет в обход с правого фланга, вторая — с левого. Специальные силы прикрывают их от леса и с тыла. Речь идет о судьбе всего немецкого отряда. Нужно во что бы то ни стало прорваться.

Вдруг пулемет затих. Притихли и немцы. Притаились, наставили свои пулеметы и автоматы на лес и ждут, откуда начнутся новые выстрелы. Но никаких выстрелов больше нет. Передовые части тем временем осторожно приблизились к умолкнувшему партизанскому пулеметному гнезду.

И нашли там одного-единственного раненого мальчика...

Вот с кем они воевали по всем правилам немецкой военной науки! Вот кого они победили после тяжелого и упорного боя! Мальчик этот, видимо, даже

не партизан; кому же может прийти в голову посылать его одного с пулеметом в засаду? И партизанским разведчиком его считать нельзя: какой же он разведчик — мальчик с тяжелым неуклюжим пулеметом? Немцы увидели перед собой одного из тех миллионов детей, которых родила и вырастила наша земля. И, видимо, он внушал им страх — иначе зачем же было дальше «сражаться» с раненым ребенком? Может быть, не один из немцев в эту минуту с ужасом подумал: «Что нас ждет в этой стране, если нам придется всерьез воевать даже с такими детьми?..»

...С почетом похоронили мы его в «пулеметном гнезде». Дружный военный салют прокатился эхом по лесу.

Мы пошли своей дорогой.

Кто он, этот маленький герой?

Позже мы слышали, что это был сын лесничего, что с ним был еще восьмилетний брат, которого он отправил не то домой, не то еще куда-то с донесением...

Операции и бои забросили нас далеко от тех мест и на некоторое время заслонили в памяти этот эпизод. Но когда я вспоминаю о нем теперь, то чувствую, что он затмевает собой все другие эпизоды нашей партизанской жизни.

Н. А. БОРИСЕВИЧ,
студент БГУ.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Когда началась война, мой отец ушел на фронт, а мать, сестра Нина и я остались дома. В нашей деревне не было немцев, они приезжали только для того, чтобы набрать хлеба, масла, сала и других продуктов. Сначала они вывезли из деревни все добро, а потом начали забирать и вывозить в Германию здоровых людей.

В это время в районе организовался партизанский отряд, и все, кто мог, ушли в лес. Много фашистов полегло на территории нашего сельсовета от партизанских пуль.

В 1943 году Красная Армия погнала немцев на запад и освободила часть нашего района. Население стремилось перейти за линию фронта. Жители нашей деревни и наша семья не успели сделать это. Чтобы не попасть в руки к немцам, которые стали теперь еще злее и бесчеловечнее, мы уехали в лес. Там выкопали себе окоп, замаскировали его и стали жить. Все, что оставалось из вещей, спрятали в деревне. Ночью мы ходили и ездили туда, брали и понемногу переправляли в лес. Это продолжалось до тех пор, пока немцы не сожгли деревню.

В окопе нашем было сыро, грязно. Вскоре все мы, за исключением дяди Якова, заболели тифом. Он один укаживал за нами. Когда мы выздоровели, заболел он. Немного полежал и в феврале умер.

Немцы узнали, что в лесу живут люди, и стали устраивать облавы. Пойманных они угоняли в концлагерь или на строительство Змитровского моста, взорванного партизанами.

Мы только ночью были в окопе, а днем уходили в лесную чащу и отсиживались там до темноты.

Однажды утром недалеко от нас раздался выстрел. Мы выскочили из окопа и оцепенели: к нашему окопу бежали немцы. Мы схватили кое-какие вещи и бросились удирать. Немцы с криком «Хальт, хальт!» побежали за нами. Бежать по густому лесу было тяжело, но мы не останавливались... Чтоб легче было бежать, побросали узлы, скинули с себя одежду и обувь. Я осталась в одних чулках и фуфайке. Люди разбежались кто куда. Я потеряла свою маму и бежала одна.

Когда я выбежала на поляну, немцы дали по мне из автомата очередь. Пуля попала мне в ногу и заде-

ла кость. Я упала в снег. Людей вблизи не было. Немцы подошли ко мне, посмеялись и, ударив несколько раз прикладом, ушли дальше.

День был холодный, морозный. Я лежала босая и почти голая. Замерзала — зуб на зуб не попадал. Чтоб не замерзнуть совсем, я решила подняться и идти. Напрягая все силы, с трудом встала, но сразу же упала на снег. Кровь лилась из раны струей, снег вокруг сделался красным. Я лежала почти в луже своей крови. Темнело. Я уже не чувствовала ни боли, ни холода. Наоборот, мне стало очень легко и тепло, так тепло, что казалось, будто я лежу на печи со своей мамой и она рассказывает мне какую-то интересную сказку. А потом затянулось все густым туманом и померкло в глазах: я потеряла сознание.

Пришла в себя в окопе своих соседей, которые случайно набрели на меня и подобрала. Около меня стояла грустная сестра и вся в слезах мама. От них я узнала, что наш окоп фашисты разрушили и все сожгли. Помимо того, что нога моя была ранена, я ее еще и отморозила. Лекарств не было, и мама лечила меня как умела.

После этого немцы не оставляли в покое наш лес. все чаще и чаще приходили они ловить людей.

17 марта 1944 года утро было холодное. Женщины в окопе занимались своими делами. Мама и Нина стояли около моей кровати и горевали. Вдруг около окопа послышался топот чьих-то ног. Мы быстро спрятались: мама под кровать, а я с сестрой на кровати под матрацем. Отворилась дверь, и в окоп вскочил немец с автоматом на изготовку. Мы замерли от страха. Немец начал кричать во все горло:

— Матка, давай яйца, масло, млеко!..

Другие солдаты ловили кур около окопа.

Потом всех людей повыгоняли из окопов.

Один немец собрал наши кошелки, корыта, решета и другие вещи, сложил их на нары в кучу и поджег.

Все это вспыхнуло ярким пламенем. Дым наполнил окоп, ел глаза. Огонь подбирался все ближе ко мне. У меня на голове затрещали волосы. Я тушила их руками. Мне стало дурно, но я лежала не шевелясь. На наше счастье, накат в окопе был сырой и не загорелся.

Когда немцы ушли, мама вылезла из-под кровати, потушила огонь и пошла куда-то в глубь леса. Меня она не могла взять с собой. Нина тоже ушла, и я осталась одна.

В окопе было полно дыму, даже не видно было двери. Внизу дыма было меньше, и я хотела сползти с кровати, но боль в ноге не давала шевельнуться. Тогда я собрала последние силы и скатилась на пол. Ушиблась и долго лежала без сознания. Ночью пришла мама и облила меня водой. Когда я очнулась, то не могла открыть глаз: они будто склеились от дыма. Оказалось, это дым выел мне глаза, и я недели две ничего не видела. Потом понемногу я стала видеть, и теперь вижу хорошо, но пережитого тогда никогда не забуду.

Я рассказала только два факта из моей жизни. Но сколько их было после этого!

Весной я стала немного ходить. 13 мая немцы цепью — на расстоянии вытянутой руки один от другого — пошли на наш лес. Это была последняя блокада. Меня с мамой схватили в лесу, а Нина осталась. Она вместе с моей тетей Наташей и ее дочерью Маней спрятались в воде, в озере.

Нас и других крестьян погнали в концлагерь, в местечко Клясицы. Оттуда мы решили удрать: там было очень плохо. В небольшой пекарне находилось человек 800, а возможно и больше. Не было даже где сидеть. Держали нас под замком, на улицу выпускали один раз в сутки. Есть давали по пол-литра бурды с кониной и сто граммов хлеба с опилками.

Когда сменилась комендатура, мама, я и еще одна

женщина из соседней деревни Павлово подлезли под проволоку и бросились бежать. Удрать удрали, но горя хлебнули немало. Мы бродили по лесам и болотам и никак не могли прийти в свой лес. Нас поймали немцы и отвезли в Латвию. Нина с тетей, как мы после узнали, жили на старом месте в лесу. О нас они ничего не знали.

Однажды какая-то женщина с девочкой подорвались на mine недалеко от нашей деревни. Кто-то сказал, что это я с мамой. Нина с тетей собрали остатки трупов и похоронили их...

Когда Красная Армия освободила Латвию от немецких захватчиков, мы тут же отправились домой. В соседней деревне остановились отдохнуть. Знакомые люди, увидев нас, очень испугались: они считали нас погибшими и похороненными... Мы рассказали, что с нами было.

В своей деревне мы встретились с Ниной и тетей. Сколько было радости. Но жить нам вместе долго не пришлось. Осенью заболела и умерла мама. Меня и Нину взяла к себе тетя. У нее я прожила год, а потом она отдала меня в детский дом.

Отец мой с фронта не вернулся.

ТАНЯ СЕМЕНОВА (1932 г.)

Полоцкая область,
м. Опса, детский дом.

ПОДАРОК

Майской ночью 1943 года несколько партизан во главе с командиром бригады «Пламя» Героем Советского Союза Евгением Федоровичем Филиппских пробирались в деревню Новый Городень. На краю леса Суперж, Блужского сельсовета, Пуховичского района, они наткнулись на немецкую засаду.

Между партизанами и немцами завязался неравный бой. В этом бою Филиппских был тяжело ранен: одна пуля пробила плечо, а вторая — правое легкое. Он упал. Помощник командира бригады Красильников и партизан Мальцев подхватили его и унесли в глубь леса. Остальные бойцы стали прикрывать отход.

В самой чаще этого леса была тайная землянка, в которой партизаны прятались во время опасности. Красильников с Мальцевым и принесли сюда командира. Он был без сознания.

В это время мы с мамой жили в деревне Бобы, в километре от леса. Поздно вечером слышали стрельбу из автоматов и пулеметов. Наскоро одевшись, бежали на улицу. Стреляли в лесу. Огненные пули то и дело прорезали ночную темноту неба. Мы сразу догадались, что где-то партизаны нарвались на немцев. Долго стояли около забора и думали, что нам делать: бежать прятаться в яму или оставаться дома?

Когда стрельба затихла, мы вернулись в хату. Обождали немного и, убедившись, что опасность миновала, не раздеваясь, легли спать.

Мы уже засыпали, когда в окно кто-то осторожно постучал. Мама быстро подхватила с кровати и вышла в сени. Скоро вернулась, занавесила окна и зажгла коптилку. При тусклом свете я увидел черноволосого мужчину в военной форме, с автоматом в руке. Это был партизан Колногородов.

По его бледному лицу мама догадалась, что случилось что-то неприятное. Она подошла к нему и с тревогой в голосе спросила, почему он пришел один в такую пору.

— Филиппских ранен, — хмуро проговорил он и рассказал, при каких обстоятельствах это произошло.

— Ой-ой-ой! Как это вы не уберегли такого человека? — простонала мама, схватившись за голову.

Эта печальная весть взволновала и меня. Я уже давно поддерживал связь с этой бригадой и хорошо

знал командира. Знакомство наше началось с год назад, когда я показал Филиппских винтовки, спрятанные в дупле осины, в лесу. Как он обрадовался тогда, как благодарил меня за помощь. После этого я отыскивал и относил в бригаду патроны, гранаты и другое оружие, лекарства, которые брал в Тальке у одного знакомого, собирал сведения о немцах и полицаях.

Помню такой случай. Однажды, играя около стрельбища, на котором полицаи обучались стрельбе, я услышал, как один из них сказал:

— Ребята, завтра утром поедем в Гомоновку за хлебом. С нами едут и немцы.

Об услышанном я рассказал разведчикам, которые приходили к нам, а те передали командиру.

На дороге между деревней Гомоновкой и Лапичами Филиппских сделал засаду и поставил мины. Около 40 фашистов и полицаев подорвались на этих минах. Попытка врагов забрать хлеб в деревне Гомоновка была сорвана. Все это я почему-то вспомнил теперь, и мне стало жаль командира.

— А где теперь Филиппских? — спросила мама.

— В землянку понесли, без сознания он, — ответил Колногоров. — Я за лекарством и бинтами пришел. Надо спасти командира...

Мать подошла к окну, посмотрела на улицу и с отчаянием сказала:

— Лекарства найдутся, но как их отнести? Уже рассветает...

Возвращаться в такую пору Колногорову в землянку было опасно: в соседних деревнях располагались немецкие гарнизоны. Они, конечно, слышали перестрелку и могли выставить патруль и устроить засаду. Я понял это, и у меня неожиданно вырвалось:

— Я отнесу...

Колногоров положил мне на плечо ладонь.

— Куда тебе... Я сам...

— Дядя, вас скорее заметят, чем меня. А если что случится — знаю, что отвечать... Я придумал... Скажу: иду в лес за дровами... Печь нечем топить... Вывернусь как-нибудь...

— Если так, бери лекарства и ступай...

— Быстрее собирайся, сынок, время не ждет, — сказала дрожащим голосом мама, доставая из каких-то потайных узлов лекарства... — Одно плохо, Трофима нет: кто там Филиппских окажет помощь?..

— Доктора найдутся, — сказал Колногородов, — не впервые у нас такое случается...

— Так-то оно так, но не все они могут знать. Скажем, порошок дать нетрудно, да надо знать какой. Дашь не тот — вместо помощи беда будет. Или укол... Женя, ты хоть знаешь, как он делается? И от чего какое лекарство?

— Знаю! — выпалил я.

Мать все же не поверила мне и подробно объяснила, как и что нужно делать. Потом я взял шприц, камфару и другие лекарства, сложил их в полотняную сумку и привязал ее на пояс. Наскоро одевшись, схватил веревку, палку и вышел во двор.

Весенние ночи коротки. На востоке уже начинало светлеть. Я пробрался огородами, колхозным садом и вышел ко ржи. Дорога мне была хорошо знакома: я несколько раз ходил в землянку раньше. Шел быстро, прислушиваясь к малейшему шороху. В соседней деревне и на станции Блужа были немцы и полицаи, и я боялся, чтоб их патрули не нарвались на меня. Но все прошло благополучно. Я быстро пробежал поле и очутился в лесу. Здесь чувствовал себя смелее: есть где прятаться.

Землянка находилась в чаще елового леса, около болота, и была хорошо замаскирована. Над входом в нее росла пышная молодая елочка, ничем не отличавшаяся от десятков других, росших вокруг. Я дернул ее за верхушку три раза и прислушался. В землянке

услышали, что кто-то дергает за деревцо — сигналит. Через несколько секунд до меня долетел еле слышный голос:

— Кто там?

— Это я, Женя! — прижавшись к земле, сказал я.

Партизаны знали меня. Через минуту дверь приподнялась, и я по ступенькам спустился вниз. В землянке топилась печка, труба от нее была протянута под землей до самого болота. Перед ней, на нарах, я увидел Филиппских. Он лежал на спине и тяжело дышал. Глаза его были закрыты.

— Лекарства принес, — сказал я и, сняв с себя сумку, подал партизанам. Те обрадовались.

— Что теперь будем делать? — спросил Красильников у своих товарищей.

— Надо сделать укол, — ответил Мальцев, посмотрев на меня так, будто ждал моего согласия или подтверждения.

До войны мой отец работал ветфельдшером. Во время оккупации он оказывал помощь раненым и больным партизанам. Недавно его арестовали и посадили в Бобруйский концлагерь. До ареста он часто делал уколы при мне. Он всегда при этом говорил, что при тяжелом ранении для поддержки сердца надо вводить камфару. То же самое мне говорила и мама. Об этом я рассказал партизанам. Тогда Красильников и Мальцев осторожно перевернули Филиппских на левую сторону, сняли рубашку и сделали укол ниже лопатки. Потом растерли в стакане таблетку красного стрептоцида и влили ему в рот. За все это время больной даже не открыл глаз.

На день я остался в землянке. Правда, Мальцев сначала не соглашался. Он боялся, чтоб со мной чего не случилось. «И мать будет волноваться», — говорил он. Но Красильников заступился за меня. «Куда ты, говорит, погонишь парня в такую пору!» Мальцев подумал и согласился. Я был этому очень рад.

— Ложитесь спать, а я посмотрю за командиром,— предложил я.

— Хорошо,— улыбнулся Мальцев и для большей уверенности, как сказал он, назначил одного партизана мне в «помощники».

Партизаны улеглись на нары и скоро уснули. Я сел на табуретку и внимательно смотрел на командира. Когда он начинал хрипеть, я давал ему понюхать нашатырный спирт. Боялся, чтобы он не умер.

День прошел спокойно, и вечером я направился домой. Едва переступил порог хаты, как мать начала расспрашивать про Филиппских. Я рассказал все по порядку. Когда она узнала, что он целый день не ел, разволновалась еще больше.

— Отдохни немного, сынок, и отнеси ему что-нибудь покушать. Возьмешь молока... У меня несколько кусочков сахара есть...

Но отдыхать было некогда: я беспокоился за жизнь командира не меньше, чем мама. Когда стемнело, взял лекарства, узелок с едой и опять отправился в лес.

Ночью Филиппских стало лучше. Он открыл глаза, повернулся ко мне и с интересом спросил:

— Женя, зачем ты здесь сидишь?

— Вы ранены, и я смотрю за вами.

— А как ты попал сюда?

Я рассказал все, что было.

— А мать знает про это?

— Знает. Она сама послала меня, чтоб я отнес вам сахара и молока.

Ему было тяжело говорить, он часто морщился и умолкал. Я понимал это и предложил ему выпить молока. Он согласился. Я снял с печи кружку и подал ему. Он выпил и спросил, дома ли отец. Я сказал, что он арестован и сидит в Бобруйском концлагере. Филиппских тяжело вздохнул и сказал:

— Иди домой и помогай маме.

На следующую ночь я опять пришел в землянку. Командир спал, и я стал ждать. Когда он проснулся, я подошел к нему и сказал:

— Мама прислала вам меду, масла и яиц. Она сказала, чтоб вы пили мед с молоком. Это вам очень полезно.

— Я уже питье приготовил,— отозвался Мальцев, подавая ему стакан с желтоватой жидкостью.

Филиппских выпил, улыбнулся и весело сказал:
— Сразу лучше...

Мне приятно и радостно было слышать эти слова. Я был уверен, что Филиппских будет жить.

Когда я вернулся домой, застал отца. Смотрел и не верил своим глазам. Худой, заросший бородой, грязный, он выглядел старше своих лет. Он рассказал, как ему жилось в концлагере и как он удрал оттуда. Никто не видал, как вернулся отец, но оставаться дома ему было опасно. В ту же ночь он ушел в партизанский отряд.

Через несколько дней Филиппских переправили на другую сторону реки Свислочь, в лес, под деревню Болочча. Там его уже лечил отец, а я, как всегда, доставлял медикаменты и продукты.

Прошло немного времени, и Филиппских поправился совсем. Однажды он заехал к нам.

— Хватит вам оставаться здесь,— обратился он к маме.— Как узнают немцы, что отец удрал, замучают.— А мне он сказал: — Ну, Женя, искренне благодарю за то, что ты ухаживал за мной. Я всю жизнь буду помнить твой поступок.

И он дал мне на память красивую финку. Это был самый дорогой для меня подарок.

Через день я и мама были в отряде.

За помощь в спасении комбрига меня наградили медалью «За боевые заслуги».

ЖЕНЯ БОЕШКО (1932 г.)

г/п Марьина Горка, Минская область.

БОМБЕЖКА ДЕРЕВНИ

Однажды морозным февральским утром 1943 года в воздухе послышался рев самолета и над нашей деревней появился немецкий бомбардировщик. Он с налета обстрелял деревню пулеметным огнем и поджег соседский сеновал.

Налет вражеского бомбардировщика застал меня в хате.

Заслышав шум самолета, я подбежал к окну и увидел, что он разворачивается.

Над деревней и раньше пролетали самолеты, но не так низко и не делали разворотов.

«Неужели будет бомбить?» — подумал я.

Раздался сухой треск пулеметной очереди. Мама растерялась и не знала, что делать. Прижав руки к груди, не двигаясь, стояла на месте.

— Горит сарай Герасима. Спасайте что-нибудь из вещей! — крикнул я.

Мой крик вывел маму из оцепенения. Вместе с сестрой они начали выбрасывать во двор на снег одежду, посуду и другие вещи.

Я отыскал свои сапоги и начал натягивать их на ноги. Обувшись, опять посмотрел в окно. Теперь появилось уже четыре самолета, и вся деревня задрожала от взрывов бомб.

Мы все упали на пол. Во дворе рвались бомбы, звенели пули.

Я думал о том, как выйти из хаты. Нас было пять человек, и выбегать всем вместе было опасно — пулеметы били не смолкая. Я сказал:

— Мама, надо бежать в лес.

— Страшно выходить во двор. Здесь хоть от осколков спасешься, — ответила она.

Я не противился, и мы остались в хате. Лежал и прислушивался. Слышу — приближается фашистский самолет. Вот он пролетел над нами и дал длинную

пулеметную очередь. Разрывная пуля попала в окно — на пол посыпались осколки стекла.

Один за одним пролетали бомбардировщики, сея на землю смертоносный град. «Неужели во всей деревне все вот так лежат в хатах и ждут, пока на них не упадет бомба?» — думал я. Мне хотелось бежать в лес, он казался мне сейчас единственным спасением от смерти.

Мысли мои были прерваны оглушительным взрывом, от которого высыпались оставшиеся в окнах стекла. Через окна в хату вполз запах дыма. Мы решили, что загорелась наша хата, выбежали во двор и упали в снег. Лежали недолго. Мама велела мне и восьмилетнему братику Васе бежать в лес. Как только самолеты улетели, я и Вася поднялись и — за калитку.

Выбежав на улицу, я увидел страшную картину, которая осталась в моей памяти на всю жизнь. Я не узнавал своей деревни, где прожил десять лет. Море огня бушевало вокруг. Страшным змеем извивался огонь над хатой дяди Герасима. Густой дым и тысячи искр подымались вверх. Трещала солома. Ревел скот. В сараях, зажженных в начале налета, горели коровы: их не успели выпустить во двор. А в воздухе кружились стервятники, посыпая землю пулями и бомбами. На улице и в огороде чернели круглые пятна воронок.

Мне стало страшно, и, схватив за руку братика, я побежал в сторону леса.

Бежать было очень тяжело. Горячий воздух и дым лезли в рот и глаза. Дышать было трудно. Недалеко от нас рвались бомбы, нас осыпало снегом, то здесь, то там вспыхивали желтые огоньки зажигательных пуль. Мы бежали, падали, зарываясь в снег, потом опять подымались и бежали. На середине улицы мы, наверно, в десятый раз вынуждены были падать. Вблизи слышался резкий свист — взрыв! — и нас засыпало снегом. Выбравшись из-под снега, мы бросились бежать дальше. Теперь мы бежали из послед-

них сил, несмотря на пули, бомбы, глубокий снег. Когда мы добежали до леса и сели отдохнуть, я заметил, что у Васи одна нога босая.

— Где твой валенок? — спросил я.

— Он остался там, где нас засыпало, — ответил Вася.

Нога братика побелела, и я боялся, что она отморожена. Надо было идти искать валенок — другого выхода не было. Я разделся, завернул в свою одежду ногу Васи и перебежками направился в деревню. Пока сбегал туда и назад, меня еще два раза засыпало снегом.

Я растер братику ногу снегом и надел валенок. Потом мы побежали в глубь леса. Здесь мы встретили жителей нашей деревни. Это были женщины и дети. Здесь были уже свои, и мы немного успокоились.

Дети плакали: одни от холода, у других болели отмороженные руки и ноги, третьи хотели есть. Матери успокаивали маленьких, тяжело вздыхая и проклиная немцев.

Стемнело, когда мы с братиком вернулись домой. Мама была дома.

Вместе с нами пришли соседи, хаты которых сгорели от бомбежки. Одежда на всех была мокрая, мы дрожали от холода. Мама сейчас же растопила печь, и все начали греться и сушиться.

Когда мы были в лесу, немцы еще два раза налетали, и в каждом налете участвовало по пять самолетов. Но все же врагу не удалось уничтожить жителей нашей деревни, хотя они и сожгли три хаты, пять сараев и десять амбаров, ранили тетю Ольгу и тетю Параску. Партизанские врачи скоро вылечили людей, а деревню колхозники поклялись отстроить и сделать еще красивее.

КОЛЯ ТОНКОВИЧ (1933 г.)

Логойский район,
д. Дашки.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БРАТА

Нам хочется рассказать о случае, происшедшем во время Великой Отечественной войны.

В нашей деревне стояли немцы. В хате моего товарища Алеся расположился штаб. В штабе жил комендант со своим переводчиком. Мы часто ходили к ним покупать сигареты для взрослых.

Однажды я и Алесь взяли по три яйца и пошли к штабу.

— Зачем пришли? — спросил комендант. Он неплохо говорил по-русски.

Мы показали ему яички. Комендант улыбнулся, взял яички и дал три сигареты. Мы хотели уходить, но комендант знаками велел нам подождать. Он подошел к печке, взял пилу и вернулся к нам. Мы переглянулись: вот зачем мы нужны ему.

«Черта с два, работать мы на вас не будем!» — подумал я. Будто сговорившись, мы бросились бежать. Комендант выскочил из хаты, выхватил револьвер и выстрелил. Но мы даже не обратили на это внимания и изо всех сил бежали домой.

Вскоре к нашему дому подошел мой брат и с ним немец. Как потом мы узнали, комендант приказал ему показать, где живут те непослушные ребята. Заметив немца, мы бросились в сени прятаться. Фриц увидел нас и грозно крикнул, чтоб мы вернулись назад. Мы испугались и бросились бежать из сеней, но выскочить не успели: немец схватил нас за руки и потащил к коменданту. Мы упирались, не хотели идти — знали, что ждет нас, если мы попадем в его руки. Немец рассердился и ударил меня прикладом, а Алеся пнул сапогом в спину. Мы завизжали так, будто нас резали, вырвались из его рук и опрометью бросились бежать в лес. Солдат схватил винтовку и начал стрелять в нас. Пуля попала Алесю в ногу, ниже колена, но он, не обращая внимания на боль, бежал за мной.

В лесу мы остановились и, убедившись, что пого-ни нет, сели под густую ветвистую ель.

— Как твоя рана, болит? — спросил я у товарища.

— Болит, — ответил он и поморщился.

Я разорвал свою рубашку и перевязал ему рану. Мы немного отдохнули, посоветовались и ушли в соседнюю деревню к моей тете. Там и прожили более двух недель.

А в это время немцы забрали моего брата и посадили в тюрьму. Его часто допрашивали, били, стараясь узнать о партизанах и подпольщиках. Но он мужественно перенес все мучения и издевательства и ничего не сказал о народных мстителях.

Однажды утром прибежала сестра Алеся и сказала, что немцы выехали из нашей деревни. Эта новость нас обрадовала. В тот же день мы были дома. Здесь я узнал, что в соседней деревне в тюрьме сидит мой родной брат. Посоветовавшись с Алесем, мы решили во что бы то ни стало освободить его. Нога у Алеся зажила, он не хромал. Смелый, он готов был помочь мне.

В нашем огороде я когда-то спрятал кинжал и два револьвера. Теперь мы достали их, вооружились и отправились в деревню, где сидел брат. Когда стемнело, подкрались к тюрьме. У двери мы заметили часового, который, прислонившись к стене, сладко дремал. Я велел Алесю быть наготове, а сам пополз. Когда я приблизился вплотную к часовому, тот открыл глаза и хотел закричать, но мой кинжал опередил крик... Часовой упал. Алесь подбежал к двери и стал гвоздем отмыкать замок.

Мы вскочили в тюрьму. Слева в углу увидели брата. Он с радостью бросился к нам. Мы осторожно вышли во двор и через огород побежали домой.

Когда лес остался позади и начались кусты, перед нами вдруг показался ствол автомата, и злой голос крикнул: «Стой!» Алесь выхватил револьвер и

выстрелил в фашиста. Тот, как сноп, упал на траву, а мы бросились в лес. Немцы услышали выстрел и стали стрелять. Пока мы добежали до Мармонового лозняка, стрельба прекратилась. Мы вылезли из кустов, осмотрелись и пошли домой.

Дома узнали, что около леса остановился на отдых немецкий обоз. А мы напоролась на возниц.

Через несколько дней пришли наши советские войска, и наша борьба с фашистами прекратилась. Мы отдали бойцам свое оружие, а сами скоро начали учиться в школе.

ИВАН ЦАРЕВ

Дрибинский район,

Черневская СШ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Якуб Колас</i>	4
Под смертью. <i>Таня Алай</i>	6
Своими глазами. <i>Миша Дятлов</i>	8
Дорога в отряд. <i>Шура Немирко</i>	13
Взрыв вышки. <i>Витя Пискун</i>	16
Мужество. <i>Поля Николаева</i>	20
Страшный день. <i>Гена Шиманович</i>	24
Как я стал гвардейцем. <i>Алик Козлов</i>	27
На фашистской каторге. <i>Андрей Барановский</i>	32
Спасение смертников. <i>Александр Левкович</i>	37
Смерть мамы. <i>Рая Северинец</i>	44
«Папа Гиса». <i>Лида Волкова</i>	45
Как жгли Селючичи. <i>Катя Горбаль</i>	47
В Неметчине. <i>Маня Кузьменкова</i>	49
Гибель «тигра». <i>Толя Захаренко</i>	55
Буду помнить. <i>Аркадий Науменко</i>	61
Моя помощь. <i>Алесь Гуло</i>	63
Про нашу семью. <i>Таня Золоторенок</i>	73
В неволе. <i>Зоя Василевская</i>	74
У озера. <i>Зоя Василевская</i>	78
В те дни. <i>Вася Саульченко</i>	81
Две могилы. <i>Саша Мукгоров</i>	91
На окопных работах. <i>Саша Мукгоров</i>	93
Номер 79645. <i>Катя Жачкина</i>	100
В новогоднюю ночь. <i>Витя Чалов</i>	113
Мои мучения. <i>Женя Евстратова</i>	116
В Бресте. <i>Калерия Зажарская</i>	123
Важное задание. <i>Костя Бодровец</i>	128
Разминировщики. <i>Федя Пашук</i>	132
В Восточной Пруссии. <i>Витя Васенков</i>	136
Мой брат. <i>Коля Кайкулин</i>	138
Два раза в Кенигсберге. <i>Петрусь Будневич</i>	143
Мотоцикл. <i>Юрий Мамочкин</i>	148
Мать и сын. <i>Иван Симонов</i>	151

Партизанский курьер. <i>Виктор Гинц</i>	163
Восемь суток. <i>Инна Красноперка</i>	174
О моем товарище. <i>Жорж Рябов</i>	187
Наша подруга. <i>Поля и Нина Борозна</i>	194
Пионерское знамя. <i>Маня Голофаева</i>	209
Неизвестный герой. <i>Н. А. Борисевич</i>	215
Незабываемое. <i>Таня Семенова</i>	219
Подарок. <i>Женя Боешко</i>	223
Бомбежка деревни. <i>Коля Тонкович</i>	230
Освобождение брата. <i>Иван Царев</i>	233

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ

Для младшего школьного возраста
Минск, издательство «Юнацтва»

Заведующий редакцией *С. С. Панизник*

Редактор *Л. Н. Теляк*

Младший редактор *В. В. Аколова*

Художественный редактор *В. М. Жук*

Технический редактор *Н. П. Досаева*

Корректор *Л. И. Савченко*

ИБ № 439

Сдано в набор 29.05.84. Подп. к печати 29.11.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура школьная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 12,60 + 0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 10,33 + 0,43 вкл. Тираж 200 000 экз. Зак. 456. Цена 75 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

Минск
«Юнацтва»
1985

КНИГИ ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Всеволод Кравченко

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
У ЗЕЛЕННОЙ ТОНИ

Повести

Валентина Осеева

ДИНКА

Повесть

Минск
«Юнацтва»
1985

**КНИГИ ДЛЯ СРЕДНЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Лидия Арабей

СИНИЙ БОР

Повесть

Владимир Федосеенко

ПОСЛЕ СМЕРЧА

Роман

